

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
институт культуры»

В Е С Т Н И К
Восточно-Сибирского государственного
института культуры

Научный журнал по искусствоведению, культурологии,
историческим наукам

№4(4)

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2017

Учредитель: ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68583 от 03 февраля 2017 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Журнал включен в систему РИНЦ

Редакционная коллегия

Р.И. Пшеничникова, проф., академик МАН ВШ (гл. редактор);
Е.Ю. Перова, кан. эконом. наук, доцент (зам. гл. редактора);
И.С. Цыремпилова, д-р ист. наук, проф. (зам. гл. редактора);
И.Б. Батуева, д-р ист. наук, проф.; Т.Н. Бояк, д-р социол. наук, проф.;
Н.Б. Дашиева, д-р ист. наук, проф.; С.А. Езова, канд. пед. наук,
проф.; В.Л. Кургузов, д-р культурологии, проф.; В.Ц. Найдакова, д-р
искусствоведения, проф.; З.А. Серебрякова, д-р филол. наук, доцент;
С.Г. Степанова, канд. пед. наук, доцент; С.П. Татарова, д-р социол.
наук, проф.; С.А. Харитонова, канд. пед. наук, доцент (отв.
секретарь); Э.В. Хилханова, д-р филол. наук, проф.; Д.Л. Хилханов,
д-р социол. наук, проф.; Л.М. Хобракова, канд. филол. наук, доцент;
Н.Д. Хосомоев, канд. филол. наук, проф.; А.В. Чебунин, д-р филос.
наук, доцент.

**В Е С Т Н И К Восточно-Сибирского государственного
института культуры. – 2017. – №4(4)**

Адрес издателя, редакции и типографии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»
670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1.
Телефон: (3012) 23-29-83; e-mail: vestnikvsgik@mail.ru

Выход в свет 26.12.2017. 70x108 1/16. Усл. печ. л. 13,3. Уч.-изд. л. 10,12.
Тираж 500 экз. Заказ №2242. Цена свободная.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО
ВСГИК 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

© ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
Бураев А.И. ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА (ВОПРОСЫ КОМПЛЕКСНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ)	5
Михиенко В.А. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ НА АЛТАЕ	10
Дашиева Н.Б. ЗНАК «ТОПОР» В МИРОВОЗЗРЕНИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	19
Харитонов Р.М., Бутуханова И.М. БУРЯТСКИЙ ЛУК КОНЦА XIX в. ИЗ УЛУСА ТАМЧА	30
Николаева Д.А. ФУНКЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)	37
Болхосоев С.Б. К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ИСТОКАХ И ЭТНОНИМЕ БУРЯТСКОГО ПЛЕМЕНИ <i>БУЛАГАТ</i>	43
Болхосоев С.Б., Чулуун С. БУДДИЗМ БАРГУТОВ КИТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)	55
Бураева С.В., Батурин С.А. БУРЯТИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО СОВЕТСКОГО КИНО (1923-1941 гг.)	62
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	72
Кургузов В.Л. ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	72
Дандарон М.Б. ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК СОВРЕМЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В КУЛЬТУРЕ	76
Воронцова Л.С. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РЕКЛАМНОГО ТВОРЧЕСТВА	81
Ажеева Е.Ю. АНАЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ	89

Шагжина З.А. МУЗЕИ «IN SITU» В МУЗЕЙНОЙ СЕТИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ МУЗЕИФИКАЦИИ НОВЫХ ОБЪЕКТОВ.....	93
Татарова С.П., Затеева Н.А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИБАЙКАЛЬСКОЙ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ В ОЦЕНКАХ ЕЁ ЧИТАТЕЛЕЙ	97
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ.....	105
Куницын О. О ПОЭЗИИ ИВАНА БУНИНА	105
Лутфуллаев А.К. ИЗ ИСТОРИИ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА НА УЗБЕКСКИХ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ	127
Цибудеева Н.Ц. «КУБОК БАЙКАЛА»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОНКУРСА	135
ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА	140
Арбатская О. А. ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ КАДРОВ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	140
Сергеева Е.Б., Татарова С.П. ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В УСЛОВИЯХ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	145
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	150

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 39:902/904(571.5)

Бураев А.И.

Buraev A.I.

ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА (ВОПРОСЫ КОМПЛЕКСНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ)

ETHNOARCHAEOLOGY OF THE BAIKAL REGION (ISSUES OF COMPLEXITY AND INTEGRATION OF RESEARCH)

В статье рассмотрена необходимость комплексности археологических, антропологических и этнологических исследований. Автор обратился к сложной проблеме сложения монгольской лингвокультурной общности. В статье проанализированы археологические и антропологические материалы от эпохи бронзы до этнографической современности. Автор настаивает на необходимости применения интеграционных методов в исследовании этнической истории путем создания творческих научных коллективов из ученых разных специальностей.

The article considers the necessity of complexity of archaeological, anthropological and ethnological research. The author touched upon the complex problem of the Mongolian linguocultural community formation. The archaeological and anthropological materials from the bronze era to the ethnographic present are analysed in the article. The author insists on the necessity of integration methods application in the research of ethnic history by creating research teams consisted of the scientists of different specialities.

Ключевые слова: антропология, археология, этнология, Циркумбайкалье, интеграция, этногенетические исследования.

Keywords: anthropology, archaeology, ethnology, Tsirkumbaikalye, integration, ethnogenetic research.

В общественно-политической жизни предшествующего столетия результативно использовались разнообразные этногенетические построения, настаивающие на особой значимости, обычно связываемой с сугубой древностью и высоким предназначением какого-либо народа. К чему привели подобные псевдонаучные теории, воочию показали известные вооруженные конфликты, сопровождаемые многочисленными жертвами и лишениями населения. Противостоять такого рода идеологии призваны, в первую очередь, специалисты – ученые, профессионально занимающиеся этнической историей. Однако, используя данные какой-либо одной дисциплины, исследователи приходят к научным выводам, зачастую противоречащим заключениям коллег, работающих в смежных областях знания. Для решения широкого круга научных проблем и, в первую очередь, этногенетических, необходимы комплексные междисциплинарные исследования.

Байкальский регион является зоной повышенной мобильности племен и народов, обусловленной спецификой кочевого образа жизни автохтонного населения. Огромные расстояния, преодолеваемые номадами (например, Великое переселение народов), необозримо расширили пространство локализации предков современных монголов и бурят. Этот исторический факт, несомненно, усложнил изучение этногенеза народов Циркумбайкалья, делая его тем более привлекательным для специалистов в этнической истории.

Этнографические и лингвистические данные свидетельствуют о безусловной родственности монгольских народов. В то же время археолого-антропологические материалы показывают довольно сложную и запутанную историю их формирования. Огромной заслугой этнографической науки является описание быта и культуры монголоязычных народов, их родоплеменной структуры и генеалогии. Без этих данных невозможна этногенетическая идентификация археологических культур. Сопоставление данных археологии и этнографии позволяет аргументированно настаивать на зарождении предмонгольской лингвокультурной общности в эпоху бронзы. Утверждения о прямых этногенетических связях древнего населения Циркумбайкалья с современными монголами, бурятами и калмыками не согласуются с зафиксированными (в письменных источниках) перипетиями истории Центральной Азии. До сложения народов отдельным родам и племенам, кочующим по степям Центральной Азии и, скорее всего, не осознающим свою генетическую близость, предстоял длительный и тернистый путь.

Общепризнано, что истоки всем известных, средневековых монголов находятся среди племен группы дунху, упоминаемых в китайских письменных источниках с IV в. до н.э. Наличие этнических связей между ними (дунху и монголами), основываясь исключительно на китайских летописях, блистательно аргументировал В.С. Таскин [9, с. 39-62]. У племен дунху, главным образом у сяньбийцев, сложились непростые взаимоотношения с хунну. Собственно, их письменная история начинается после сокрушительного поражения от последних (Модэ). В то же время контакты указанных конгломератов племен не ограничивались только воинствующим антагонизмом. При усилении в Великой степи какого-либо одного племени соседние племена, причем соседи зачастую весьма отдаленные территориально, вошедшие в систему властных полномочий нового образования, ничтоже сумняшеся, брали себе и название народа-победителя. Так, В.С. Таскин приводит свидетельство китайского хрониста о вхождении значительного количества хунну (сюнну) в состав сяньбийцев: «Оставшиеся роды сюнну, которые все еще насчитывали свыше 100 тыс. юрт, стали называть себя сяньбийцами, и с этого времени началось постепенное усиление сяньбийцев» [9, с. 45]. По расчетам автора, это не менее 500 тыс. человек – огромная, даже на сегодняшний день, численность населения для слабозаселенного региона. Приведенное свидетельство – лишь документальное подтверждение, по всей видимости, широко распространенной в среде номадов практики. Для хунну и дунху, вероятно, имели место

и обратные метаморфозы. Дело в том, что при внимательном изучении антропологии забайкальских хунну выявляется гетерогенность их краниологической серии. Ее составляют, с одной стороны, черепа характеризующиеся выраженной монголоидностью, близкие к серии культуры плиточных могил, широко распространенной в регионе в предшествующий период, и морфологически абсолютно европеоидные черепа, с другой. Разумеется присутствуют и переходные формы [2, с. 68- 69]. Принято относить европеоидный компонент к хунну, имея в виду их обширные западные контакты, а монголоидный, в свою очередь, к населению культуры плиточных могил – наиболее вероятным предкам дунху. Однако, все костяки погребены по идентичному обряду, в одних могильниках. Напрашивается вывод о вхождении части племен дунху в доминирующий тогда хуннский союз. При этом, такая ситуация на исследуемой территории представляется перманентной. Вне зависимости от племенных, этнических и даже расовых различий, кочевники объединялись вокруг сильнейшего. Такие же процессы, очевидно, проходили в период тюрко-монгольской борьбы за гегемонию в степи и далее, вплоть до присоединения региона к России. По всей видимости, такого рода процессам способствовали общие черты хозяйственно-культурной деятельности, огромная территория проживания, многовековые контакты, возможно, какие-то отголоски алтайского языкового единства и, несомненно, этническая лояльность центральноазиатских номадов, которую совсем недавно мы бы назвали интернационализмом.

К этому же многострадальному для предков Чингисхана времени относятся события, зафиксированные, кроме китайских авторов, Рашид-ад-дином в его «Сборнике летописей». По существу, Рашид-ад-дин является выдающимся этнографом эпохи средневековья. Кроме обстоятельного описания современных ему монголов, существенное внимание в труде уделено их этногенезу. Позволим себе привести образец работы ученого с информатором: «Примерно за две тысячи лет до настоящего времени у того племени, которое в древности называли монгол, случилась распря с другими тюркскими племенами и закончилась сражением и войной. Имеется рассказ, передаваемый со слов, заслуживающих доверия почтенных лиц, что над монголами одержали верх другие племена и учинили такое избиение среди них, что в живых осталось не более двух мужчин и двух женщин. Эти две семьи... бежали в недоступную местность... Название этой местности Эргэнэ-кун» [12, с. 153].

В современной этнографии Центральной Азии достаточно давно дискутируется проблема пространственной и хронологической локализации этого загадочного места и упомянутого события [1; 5; 8; 10; 11; 13]. Не вдаваясь подробно в суть различных толкований текста и подсчетов, заметим, что большинство исследователей сходится в датировании инцидента второй половиной I тыс. до н.э. и среди наиболее вероятных территориальных привязок наиболее часто фигурирует долина р. Аргунь (верховья Амура).

В Приаргунье (восточное пограничье Забайкальского края) за последнее десятилетие исследованы погребальные памятники Зоргольской

культуры, связываемой с племенами сяньби [6; 7]. На противоположном берегу Аргуни (в Китае) эти памятники также хорошо известны. Археологическая идентификация культуры, на настоящий момент, не вызывает сомнения. На основе археологических материалов культура датирована последними веками до н.э. - первыми веками н.э.

Антропологические материалы из исследованных памятников были любезно предоставлены автору настоящего сообщения. Серия состоит из монголоидных черепов без малейших следов европеоидной примеси. По всем антропологическим характеристикам сяньби практически идентичны монголоидным черепакам из серии забайкальских хунну, сближаясь, как и последние, с краниологическими материалами из плиточных могил.

Таким образом, междисциплинарное исследование подтверждает реальность переселения предков монголов на восточную окраину их ареала (Эргунэ-кун) и уточняет хронологию данного события. Кроме того, подтверждается предположение о расовом составе хунну. Действительно, в составе плиточников европеоидный компонент отсутствует; у хунну наличие европеоидной примеси несомненно; сяньби вновь демонстрируют расовую гомогенность. Представляется, что часть потомков населения культуры плиточных могил (сяньби), вступив в вооруженный конфликт с хунну, не пожелала покориться их гегемонии, а ушла относительно далеко на восток, в данном случае в Приаргунье.

В последние годы, с появлением ряда археологических в своей основе, работ, в которых авторы творчески интерпретируют достижения филологов, фольклористов, антропологов и этнографов, ситуация с изучением этнической истории Циркумбайкалья и Центральной Азии в целом, перспективно продвинулась.

Наибольшие сомнения в исследованиях вызывают попытки конкретно-исторической интерпретации эпоса монгольских и тибетских народов «Гэсэр». Противостояние западных и восточных небожителей (тэнгриев) трактуется как эпическое переложение вполне реальных исторических коллизий между племенами Запада и Востока евразийских степей [4, с. 69-77; 8, с. 32-44]. На ранних этапах развития кочевого скотоводства (бронзовый и ранний железный века) это противостояние племен, оставивших курганы-херексуры и населения культуры плиточных могил. Далее, антагонистические или кооперативные взаимоотношения между хунну и дунху, тюрками и монголами и т.д.

Исследователи отмечают значительное сходство сюжетов эпоса и произведений скифо-сибирского звериного стиля, объясняемое общим идеологическим посылом при их создании и синхронностью возникновения (эпоха бронзы) [8, с. 41-44]. Приведены исторически достоверные аналогии упоминаемым в произведении обрядам, артефактам, названиям племен и даже некоторым видам хозяйственной деятельности.

Безусловно, такие совпадения есть и должны быть. Авторы героического эпоса насыщали повествование реалиями своей повседневной жизни. Учитывая известный консерватизм кочевого образа жизни, подоб-

ные аналогии можно провести с номадами любого исторического периода. В то же время прямая экстраполяция мифологического сюжета на реальную историческую действительность, по крайней мере, весьма недостоверна. В большей своей части, любое эпическое произведение есть художественный вымысел. Для плодотворной работы в этом направлении необходимо совсем немного – нужно найти местную Трою.

При всех недостатках предъявленных выше письменных источников, особенно китайских, в части географической локализации племенных образований и их этнической принадлежности [3, с. 43; 7, с. 6-39], их составители, в отличие от народных сказителей (улигершинов) – певцов души, имели вполне утилитарные цели. Одной из которых, вне всяких сомнений, являлось предоставление достоверной информации.

Во всех рассмотренных примерах междисциплинарных исследований на территории Байкальского региона необходимо отметить наличие некоторой неадекватности в подходах к решению этногенетических задач. Над исследователями довлеет традиционный узкоспециальный подход к решению широкой проблемы этногенеза. Комплексность ограничивается более или менее комплиментарными ссылками друг на друга и на письменные источники. Крайне редко создаются творческие коллективы из ученых различных специальностей, совместно разрабатывающих этногенетическую проблематику. Именно такой междисциплинарный подход представляется единственно правильным, учитывая возросшую специализацию и, в этой связи, слабое владение материалами и методами смежных наук.

Кроме того, обращаясь к проблемам этнической истории Циркумбайкалья, сталкиваешься со слабой разработанностью глоттохронологии алтайской языковой семьи, что затрудняет получение достоверных этногенетических реконструкций. Предварительно можно отметить, что создается впечатление значительно большей близости между тюркскими и монгольскими языками, в отличие от мнения филологов, вплоть до эпохи средневековья. Таковы в первом приближении проблемы этноархеологии Байкальского региона.

Примечания

1. Бира Ш. Монгольская историография XII-XVII вв. М., 1978.
2. Бураев А. И. Средневековое население Прибайкалья и Забайкалья по данным краниологии. Улан-Удэ, 2000.
3. Викторова Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н.э. – XII в. н.э. // История и филология стран Востока. Л., 1958. С. 41-67. (Ученые записки ЛГУ. Сер. востоковедческих наук ; вып. 7).
4. Дашибалов Б. Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам : очерки. Улан-Удэ, 2003.
5. Зориктуев Б. Р. О происхождении и семантике этнонима бурят // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ, 1996. С. 8-31.

6. Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Литвинцев А. Ю. Граффити на бересте сяньбийского могильника Зоргол-1 // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока : тез. докл. XXXVIII РАЭСК, посвящ. 90-летию акад. А. П. Окладникова. Улан-Удэ, 1998.

7. Ковычев Е. В., Яремчук О. А. Погребальный обряд могильника Зоргол –III // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии : тез. докл. 40-ой РАЭСК. Новосибирск, 2000. Т. 3. С. 60-69.

8. Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ, 1999.

9. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.

10. Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ, 2000.

11. Пэрлээ Х. Некоторые вопросы истории кочевых цивилизаций древних монголов : доклад, обобщающий содержание научных трудов, представл. по совокупности на соискание ученой степени доктора исторических наук, (вместо реферата). Улан-Батор, 1978.

12. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М. ; Л., 1952. Т. 1.

13. Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962.

УДК 902/904(571.150)

Михиенко В.А.

Mikhienko V.A.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ НА АЛТАЕ

THE HISTORY OF STUDYING THE DENISOVA CAVE IN ALTAI

В публикации представлены основные этапы исследования одного из наиболее известных археологических памятников эпохи палеолита на территории Северной Азии – Денисовой пещеры. Изучение этого объекта ведется уже несколько десятилетий и заслуживает отдельного внимания. На основе анализа широкого круга опубликованных источников в статье впервые обобщены сведения о работах в пещере с момента ее открытия до настоящего времени.

The article presents the main stages of studying one of the most famous archaeological monuments of the Paleolithic epoch on the territory of North Asia - Denisova cave. The study of this object has been conducted for several decades and deserves special attention. On the basis of the wide range of published sources analysis the article summarizes some information about the work in the cave from the moment of its discovery to the present time.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, палеолит, плейстоцен, история исследования.

Keywords: Gorny Altai, Denisova Cave, Paleolithic, Pleistocene, research history.

Одним из ключевых районов изучения древнейшей истории Южной Сибири является Горный Алтай. На этой территории на настоящий момент выявлено большое количество палеолитических памятников, высокая концентрация которых наблюдается на северо-западе региона. На сравнительно небольшом расстоянии друг от друга располагаются уникальные многослойные местонахождения, материалы которых позволяют проследить эволюцию от среднепалеолитических к верхнепалеолитическим индустриям. Только за последние 25 лет здесь в результате полевых исследований было обнаружено свыше 70 культуросодержащих горизонтов раннего, среднего и позднего палеолита на пещерных стоянках и стоянках открытого типа [21].

Самый известный палеолитический памятник региона – стратифицированная многослойная стоянка в Денисовой пещере. Это хорошо изученный памятник, в плейстоценовых и голоценовых отложениях которого обнаружены археологические материалы от среднего палеолита до позднего средневековья, позволяющие проследить культурное развитие населения региона. В пещере найдены наиболее древние на территории Алтая стратифицированные комплексы среднего палеолита. Комплексные исследования естественнонаучных материалов из отложений пещеры позволили реконструировать условия обитания палеолитического человека в долине р. Ануй на протяжении среднего и верхнего плейстоцена [26].

Известность пещере принесли палеоантропологические находки, которые изменили представление о происхождении и миграциях древнего человека [15; 21]. В 2010 г. благодаря секвенированию митохондриальной и ядерной ДНК антропологических останков, найденных в восточной галерее, был открыт новый подвид человека – *Homo sapiens altaiensis* или «денисовец» [34; 35; 36].

Комплексные исследования Денисовой пещеры ведутся на протяжении более чем сорока лет. В течение многолетних работ (с 1982 г. по настоящее время) были изучены и в полном объеме введены в научный оборот материалы центрального зала, предвходовой площадки [26] и восточной галереи [24; 32] пещеры. Результатам исследований данных участков было посвящено множество статей и публикаций, затрагивающих вопросы стратиграфии и литологии, геохронологии и условий формирования плейстоценовых отложений, технико-типологическую характеристику археологических материалов [12; 13; 16; 17; 22 и др.]. Помимо статей, материалы комплексного изучения центрального зала и предвходовой площадки пещеры легли в основу крупных монографий, в которых представлена реконструкция древнейшей культуры и условий обитания палеолитического человека на Алтае [2; 26]. Однако, сегодня нет публикаций, специально посвященных истории и основным этапам изучения памятника, что определяет актуальность настоящей работы.

Денисова пещера находится в низкогорной зоне на северо-западе Алтая, в Солонешенском районе Алтайского края, в долине верхнего течения р. Ануй, на ее правом берегу. Пещера выработана карстовыми процессами в крупном блоке известняка горы Сосновая (1 112 м), вход в пещеру имеет южную экспозицию. Абсолютная высота пещеры 680 м. Пещера состоит из обширного центрального зала размерами в плане 11×9 м и высотой около 10 м. От центрального зала отходят две галереи – южная и восточная [26].

Пещера давно известна местным жителям, что вполне объясняется легкодоступностью памятника. Об этом свидетельствуют всевозможные записи, оставленные посетителями внутри на её стенах, а также письменные сведения о ней. Первые упоминания о Денисовой пещере относятся к XIX в. Миссионер В.И. Вербицкий упоминает о своем посещении пещеры у р. Ануй и дает краткое описание входа, внутреннего пространства, отметив при этом, что ни костей, ни других интересных находок в пещере не было «обретено». Следующие данные о пещерах в районе Черного Ануя появляются в начале XX века после экспедиции русского художника и археолога, академика Н.К. Рериха. Сам академик, а также участники экспедиции упоминают в своих записях, что во время посещения пещер видели надписи и кости [14].

Как археологический объект Денисова пещера была открыта в 1977 г. научным сотрудником ИИФиФ СО АН СССР, кандидатом биологических наук Н.Д. Оводовым. Он заложил два шурфа глубиной около 4 м и сделал обмеры пещеры. В результате были обнаружены материалы эпохи палеолита [14].

Уже на следующий год пещера была осмотрена группой археологов под руководством А.П. Окладникова, намечены перспективы работ. Систематическое изучение памятника началось с 1982 г. После расчистки пещеры от мусора и древесины на планируемой территории раскопок была сделана разбивка на секторы площадью 100 м^2 , которые в свою очередь делились на квадраты со стороной 1 м в соответствии с подвесной системой координат, зафиксированной на стенах. Внутри каждого сектора была принята буквенно-цифровая система обозначения [14].

На начальном этапе исследований в 1982-1983 гг. под руководством академика В.И. Молодина была вскрыта верхняя часть пещерных отложений: исследовалась голоценовая толща центрального зала и предвходовой площадки на общей площади 157 м^2 . В процессе раскопок было выделено 19 литологических слоев, 12 из которых (с 1 по 12) содержали разнообразный археологический материал от палеоэтнографического времени до неолита [14].

В 1984 г. исследования были продолжены в центральном зале пещеры (сектор 4). Площадь раскопа составила $5,5 \text{ м}^2$, а сами раскопки носили спасательный характер и производились по периметру шурфа 1977 г., заключив его внутрь участка площадью 9 м^2 . В ходе работ, вскрывших отложения до скального дна пещеры, было выделено 13 культуросодержащих

горизонтов; 8 голоценовых и 14 плейстоценовых литологических слоев, имеющих сквозную нумерацию с 1 по 22, и содержащих материал от средневековья до среднего палеолита. Получена выразительная коллекция каменного инвентаря, различных костяных изделий, обнаружены антропологические материалы, представленные двумя зубами палеоантропов [12; 14; 28].

В 1990-е гг. недалеко от памятника был построен крупнейший в России археологический научно-исследовательский стационар «Денисова пещера», на базе которого по сей день ведутся междисциплинарные исследования, проходят крупные научные мероприятия ИАЭТ СО РАН, международные симпозиумы, ежегодные полевые археологические практики студентов НГУ [25].

Исследования плейстоценовых отложений на предвходовой площадке пещеры начаты в 1990 г., когда был заложен раскоп общей площадью 8 м², занимающий квадраты В–Е по линиям 6 и 7 сектора 2 [4]. Нумерация выделенных в процессе работ 15 литологических подразделений производилась независимо от системы, принятой для плейстоценовых отложений центрального зала пещеры. Дальнейшие исследования на предвходовой площадке были продолжены в 1991 г. В северо-восточном направлении от раскопа 1990 г. сделана прирезка общей площадью 8 м², занимающая квадраты В–Е по линии 10 сектора 2 и линии 1 сектора 3 [5]. Работы проходили в рамках выработанной ранее для предвходовой площадки стратиграфической схемы.

В 1996 г. в северо-восточном направлении от раскопов 1990 и 1991 гг. была сделана прирезка 1×3 м, занимающая квадраты В–Д по линиям 3 и 4 сектора 3. При выделении стратиграфических подразделений использовалась общая система нумерации плейстоценовых отложений предвходовой площадки. Полученный археологический материал относился к разным этапам среднего и верхнего палеолита [8].

Дальнейшие исследования в центральном зале пещеры были продолжены в 1993–1994 гг., когда к юго-западной и юго-восточной стенкам раскопа 1984 г. были сделаны две прирезки 3×1 м и 3,5×0,5 м соответственно [7]. В 1995 г. к юго-восточной стенке раскопа 1994 г. была сделана прирезка 2×5 м, занимающая квадраты 5–9 по линиям Е–З сектора 4 [8]. Работы проводились в два этапа. На первом этапе были изучены голоценовые отложения. На втором этапе, на вскрытом участке проводилось исследование плейстоценовых отложений. Разбирались квадраты 5–9 по линии Е на общей площади 2,8 м².

В 1997 г. к юго-восточной стенке раскопа 1995 г. была сделана прирезка 0,5×4,3 м, занимающая квадраты 5–9 по линии Ж [9]. Исследования показали сложную стратиграфическую ситуацию, характеризующую процессы осадконакопления в центральном зале пещеры.

С 1999 по 2004 гг. проводились раскопки устьевой части южной галереи пещеры, в результате которых было вскрыто свыше 6 м отложений. За основу стратиграфической нумерации была взята схема членения, раз-

работанная для опорного разреза центрального зала [16]. В 1999 г. был заложен раскоп 4×5 м, включавший квадраты 2–7 по линиям А–Г сектора 7, вскрыты голоценовые отложения на площади 20 м², на глубину 1,8 м до кровли плейстоценовой толщи [10]. Выделено 8 голоценовых слоев. Затем на меньшей площади были изучены до скального основания плейстоценовые отложения. В результате раскопочных работ получены материалы среднего и верхнего палеолита. В 2000 г. в пределах раскопа 1999 г. вскрыты плейстоценовые отложения на участке 2×4 м, включавшем квадраты 2–5 по линиям В и Г. Толща плейстоценовых отложений вскрыта на глубину до 1,5 м [11]. В 2004 г. плейстоценовые отложения были выбраны до скального дна галереи на глубину до 4,5 м [29].

В результате проделанной работы было обнаружено, что в целом стратиграфия южной галереи значительно отличается от стратиграфии центрального зала из-за особенностей условий осадконакопления на этом участке [19; 23]. Также выявлено, что в геологической летописи устьевой зоны южной галереи отсутствуют слои 13, 15–18, имеющие локальное распространение в раскопе центрального зала. Предварительное датирование для имеющихся плейстоценовых слоев было сделано на основе корреляции отложений с разрезом центрального зала, так как слои 12, 21 и 22 идентичны аналогичным слоям центральной галереи. Слои 14, 19 и 20 южной галереи оказались не синхронны с аналогичными подразделениями центрального зала, но получили обозначение по наибольшему сходству осадка [23].

С 2004 г. по 2016 г. изучались рыхлые отложения в восточной галерее пещеры. В результате работ было выделено 17 основных стратиграфических подразделений, из которых слои 1–8 соотносятся с эпохой голоцена; слои 9–17 представляют плейстоценовую толщу, в целом соответствующую слоям 9–22 опорного разреза в центральном зале пещеры. В слоях 17 и 16 археологический материал отсутствует, в слоях 15–11.3 обнаружен среднепалеолитический материал. Слои 11.2 и 11.1 содержат материалы характерные для раннего верхнего палеолита; слой 10 археологически стерилен, что связывается с перерывом в осадконакоплении; слой 9 содержит индустрии второй половины верхнего палеолита [24; 32].

В 2011–2013 гг. исследования были продолжены в центральной части восточной галереи на площади квадратов Г–Е/2–4. В 2011 г. были изучены отложения нижней части литологического слоя 11 (горизонты 11.3 и 11.4) и верхней части слоя 12 (горизонты 12.1 и 12.2) [30]. В 2012 г. были исследованы отложения нижней части слоя 12 (горизонт 12.3) [31]. В связи с удаленностью разреза в восточной галерее от разреза центрального зала, существенным различием в составе и внешнем облике осадков, для нижележащих отложений в восточной галерее была введена самостоятельная стратиграфическая нумерация, номинально отличающаяся от нумерации стратиграфических подразделений центрального зала. В результате были выделены новые литологические подразделения – слои 13–17.

В 2015 г. были изучены небольшие участки голоценовых отложений в центральном зале и восточной галерее, в ходе работы были найдены и соотнесены с различными культурно-хронологическими этапами многочисленные фрагменты орнаментированной и неорнаментированной керамики, изделия из кости, наконечники стрел, продукты раскалывания камня [33]. В 2016 г. небольшая прирезка была сделана к основному раскопу центрального зала. В слое 11, помимо коллекции каменной индустрии, были обнаружены уникальные украшения и костяные орудия раннего верхнего палеолита [20].

Важно отметить, что с начала 1980-х гг. и по настоящее время исследования Денисовой пещеры носят комплексный характер. Общее руководство и научную координацию исследований осуществляют академик РАН А.П. Деревянко и член-корреспондент РАН М.В. Шуньков. Раскопочные работы на стоянке проводили археологи В.И. Молодин, С.В. Маркин, В.Т. Петрин, А.Н. Зенин, В.Н. Зенин, А.И. Соловьев, А.А. Анойкин, А.В. Постнов, А.Г. Рыбалко, А.И. Кривошапкин, А.А. Цыбанков, М.Б. Козликин. В полевых и лабораторных исследованиях пещеры принимали участие ведущие отечественные и зарубежные специалисты по различным направлениям естественной истории: палеоантропологии – В.П. Алексеев, Н.А. Чикишева, Е.Г. Шпакова, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, Б. Виола (Германия), К. Тернер (США); палеогенетики – С. Паабо, В. Слон (Германия); четвертичной геологии – А.М. Малолетко, С.В. Николаев, Г.Я. Барышников, В.А. Ульянов; палеозоологии – Н.Д. Оводов, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, С.К. Васильев, Н.Г. Ивлева, Н.В. Мартынович, В.С. Зыкин; палеоботаники, палинологи – В.С. Волкова, Е.В. Жадина, Е.М. Малаева, Н.С. Болиховская, палеопедологии – М.И. Дергачева; радиоуглеродного датирования – В.А. Панычев, Л.А. Орлова, Т. Хайм (Великобритания); физические методы датирования – О.А. Куликов (РТЛ), З.Н. Гнибиденко (ПМ), Р. Ричардс и З. Якобс (ОСЛ, Австралия); петрографии, геохимии – Н.А. Кулик; трасологии – П.В. Волков.

Археологические и естественнонаучные данные, ранее полученные из раскопов Денисовой пещеры, нашли отражение в сотнях научных работ, включая диссертационные исследования и крупные обобщающие труды, которые являют собой яркий пример междисциплинарного подхода в изучении пещерных объектов [1; 2; 24; 26; 27; 28 и др.].

Примечания

1. Анойкин А. А. Поздний палеолит Северо-Западного Алтая (по материалам пещерных стоянок) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 22 с.

2. Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А. П. Деревянко, А. К. Агаджанян, Г. Ф. Барышников, М. И. Дергачева, Т. А. Дупал, Е. М. Малаева, С. В. Маркин, В. И. Молодин, С. В. Николаев, Л. А. Орлова, В. Т. Петрин, А. В. Постнов, В. А. Ульянов, И.

К. Феденева, И. В. Форонова, М. В. Шуньков. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 176 с.

3. Деревянко А. П. Отчет об археологических исследованиях Денисовой пещеры в 1984 году. Новосибирск, 1985.

4. Деревянко А. П. Отчет об археологических исследованиях Денисовой пещеры в 1990 году. Новосибирск, 1991.

5. Деревянко А. П. Отчет об археологических исследованиях Денисовой пещеры в 1991 году. Новосибирск, 1992.

6. Деревянко А. П. Отчет об археологических исследованиях Денисовой пещеры в 1993 году. Новосибирск, 1994.

7. Деревянко А. П. Отчет об археологических исследованиях Денисовой пещеры в 1994 году. Новосибирск, 1995.

8. Деревянко А. П. Отчет об археологических исследованиях Денисовой пещеры в 1996 году. Новосибирск, 1997.

9. Деревянко А. П. Отчет об археологических исследованиях Денисовой пещеры в 1997 году. Новосибирск, 1998.

10. Деревянко А. П. Отчет об археологических исследованиях Денисовой пещеры в 1999 году. Новосибирск, 2000.

11. Деревянко А. П. Отчет об археологических исследованиях Денисовой пещеры в 2000 году. Новосибирск, 2001.

12. Исследование Денисовой пещеры: описание плейстоценовых осадков. Слои 9 – 22 / Деревянко А. П., Васильевский Р. С., Молодин В. И., Маркин С. В. Новосибирск : Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1985. 249 с.

13. Климатостратиграфия нижнего палеолитического слоя на привходовой части разреза многослойной стоянки Денисова пещера / Деревянко А. П., Левковская Г. М., Лаухин С. А., Шуньков М. В. // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск, 1992. С. 75–77.

14. Деревянко А. П., Молодин В. И. Денисова пещера. Новосибирск : Наука, 1994. Ч. 1. 262 с.

15. Деревянко А. П., Шуньков М. В. Развитие палеолитических традиций на Алтае и проблема становления человека современного вида // Традиции и инновации в истории и культуре : программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». М. : Изд-во Отд-ния историко-филол. наук РАН, 2015. С. 7–12.

16. Изучение голоценовых отложений Денисовой пещеры / Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К., Анойкин А. А., Ульянов В. А. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. Т. 5. С. 354–359.

17. Деревянко А. П., Шуньков М. В., Анойкин А. А. Археологическая характеристика верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий : (материалы междунар. симпозиума). Новосибирск : Изд-во ИАТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 153–161.

18. Деревянко А. П., Шуньков М. В., Анойкин А. А. Археологические материалы плейстоценовых отложений предвходовой площадки Денисовой пещеры // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. № 4. С. 3–10.

19. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры / Деревянко А. П., Шуньков М. В., Анойкин А. А., Ульянов А. В. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. Т. 6. С. 93–98.

20. Новые данные по каменным индустриям из плейстоценовых отложений центрального зала Денисовой пещеры / Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б., Белоусова Н. Е., Павленок Г. Д., Федорченко А. Ю., Чеха А. М., Чеха А. Н. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 22. С. 68–71.

21. Деревянко А. П., Шуньков М. В., Маркин С. В. Возможность формирования человека современного анатомического типа в Северной и Центральной Азии // Динамика палеолитических индустрий в Африке и Евразии в позднем плейстоцене и проблема формирования Homo Sapiens. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 69–99.

22. Деревянко А. П., Шуньков М. В., Рыбалко А. Г. Изучение плейстоценовых отложений предвходовой площадки Денисовой пещеры // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 1. С. 30–32.

23. Новые результаты исследований среднепалеолитического комплекса Денисовой пещеры / Деревянко А. П., Шуньков М. В., Ульянов В. А., Черников И. С., Колобова К. А. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. 9, ч. 1. С. 112–116.

24. Козликин М. Б. Палеолитические комплексы восточной галереи Денисовой пещеры : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 26 с.

25. Научно-исследовательский стационар «Денисова пещера» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archaeology.nsc.ru/ru/otdel/denis/denis.aspx> (дата обращения: 25.11.2017).

26. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А. П. Деревянко, М. В. Шуньков, А. К. Агаджанян, Г. Ф. Барышников, Е. М. Малаева, В. А. Ульянов, Н. А. Кулик, А. В. Постнов, А. А. Анойкин. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.

27. Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / А. П. Деревянко, С. В. Глинский, М. И. Дергачева, Т. А. Дупал, С. А. Ефремов, А. Н. Зенин, А. Н. Кривошапкин, О. А. Куликов, Е. М. Малаева, С. В. Маркин, С. В. Николаев, Т. И. Нохрина, В. Т. Петрин, А. А. Поздняков, С. М. Попова, Е. П. Рыбин, Ю. Г. Симонов, И. Н. Феденева, Л. М. Че-

валков, М. В. Шуньков. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 312 с.

28. Шуньков М. В. Археология и палеогеография палеолита Северо-Западного Алтая : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2001. 54 с.

29. Шуньков М. В. Отчет об археологических исследованиях на Алтае в 2004 году. Новосибирск, 2005.

30. Шуньков М. В. Отчет об археологических исследованиях на Алтае в 2011 году. Новосибирск, 2012.

31. Шуньков М. В. Отчет о проведении археологических полевых работ на территории выявленных объектов археологического наследия «Стоянка Карамы» и «Стоянка Денисова пещера» в Солонешенском районе Алтайского края в 2012 году. Новосибирск, 2013.

32. Шуньков М. В., Козликин М. Б. Каменная индустрия заключительной стадии верхнего палеолита из восточной галереи Денисовой пещеры // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 180–188.

33. Новые результаты исследования голоценовых отложений в Денисовой пещере / Шуньков М. В., Ульянов В. А., Козликин М. Б., Чеха А. М. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 470–474.

34. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature / Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. 2010. Vol. 464. P. 894–897.

35. High-Coverage genome sequence from an archaic Denisovan individual / Meyer M., Kircher M., Gansauge M.-T., Li H., Racimo F., Mallick S., Schraiber J.G., Jay F., Prüfer K., de Filippo C., Sudmant P.H., Alkan C., Fu Q., Do R., Rohland N., Tandon A., Siebauer M., Green R.E., Bryc K., Briggs A.W., Stenzel U., Dabney J., Shendure J., Kitzman J., Hammer M.F., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Patterson N., Andrés A.M., Eichler E.E., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääbo S. A // Science. 2012. Vol. 338, N. 6104. P. 222–226.

36. Nuclear and mitochondrial DNA sequences from two Denisovan individuals / Sawyer S., Renaud G., Viola B., Hublin J.-J., Gansauge M.-T., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Prüfer K., Kelso J., Pääbo S. // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2015. Vol. 112, N. 51. P. 15696–15700.

Дашиева Н.Б.

Dashieva N.B.

**ЗНАК «ТОПОР» В МИРОВОЗЗРЕНИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ
ЗАБАЙКАЛЬЯ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

**THE SIGN «AX» IN THE WORLDVIEW OF THE ANCIENT
POPULATION OF TRANSBAIKALYE AND THE BURYAT
TRADITIONAL CUTLTURE
OF THE END OF THE XIXth-BEGINNING OF THE XXth CENTURIES**

В статье на основе историко-сравнительного и семантического анализа персонажей текстов шаманских призываний ряда бурятских родов освещается проблема исторических связей традиционной культуры бурят с мировоззрением древнего населения Забайкалья эпохи раннего металла.

The article highlights the problem of historical ties of the traditional culture of the Buryats with the worldview of the ancient population of Transbaikalia of the early metal age on the basis of the historical-comparative and semantic analysis of the texts characters of shamanic calls of some Buryat kins.

Ключевые слова: Евразия, скотоводы, погребения, бронза, медь, бог-громовник, индоевропейцы, буряты, карасукская культура.

Keywords: Eurasia, cattle-breeders, burials, bronze, copper, the god of thunder, Indo-Europeans, the Buryats, Karasuk culture.

Глубокие перемены в жизни древних рыболовов и охотников Забайкалья происходят со времени первоначального распространения металла – меди и бронзы, которые сопровождались изменениями в духовной культуре. Так, в 1948 г. экспедицией А.П. Окладникова в инвентаре многочисленной группы ранних погребений у деревни Фофаново в низовьях Селенги, наряду с характерными для этого времени изделиями из бронзы и меди, были найдены и топоры из саянского нефрита. В соответствии с характерной для фофановских погребений особенностью – намеренной порче орудий, их превосходно отделанные и тщательно отшлифованные лезвия были грубо выломаны ударами какого-то тяжелого предмета [16, с. 304; 17, с. 322].

В продолжившей работу экспедиции сезон 1950 г. здесь же, на Фофановой горе, были обнаружены нефритовые топоры и в более поздних захоронениях. В связи с новыми находками А.П. Окладников отмечает как наиболее интересное по ритуалу и обилию сопровождающих вещей детское погребение. Костяк ребенка 3-4 лет был завернут в собольи пеленки и положен в сумку из бересты, густо окрашенной киноварью в темно-малиновый цвет. Сверху его покрывали тщательно уложенные в ряд тонкие прутики, по предположению исследователя, когда-то соединенные тем же

способом, что скифские щиты из Пазырыкских курганов. Примерную датировку погребения дает находившийся при костяке бронзовый или медный кинжал карасукского типа. А.П. Окладников пишет, что это первый карасукский кинжал, найденный археологами в могилах Восточной Сибири. Его возраст не моложе XII–XIII вв. до н.э. Вместе с кинжалом в детском захоронении были найдены два миниатюрных топорика из саянского нефрита изумрудно-зеленого цвета [16, с. 305; 17, с. 322-323].

Сопроводительный инвентарь, свидетельствуя о социальном расхождении общества, указывает на принадлежность ребенка к правящему сословию. Кроме дорогих и редких для тех времен вещей как бронзовый или медный кинжал, привозная издалека киноварь, а не местная природная красная охра, употреблявшаяся прежде, в каменном веке, особое значение для такого вывода имеют нефритовые топорики. Они, по всей вероятности, не были предназначены для практического применения, а были предметами сакрального уровня, ритуального значения, связанного с социальным статусом семьи. Наше предположение обосновывается универсальным значением топора как атрибута бога-громовника, символа санкционированного небесными божествами земной власти у всех древних народов Евразии. Не вызывает сомнений и символизм цвета и породы камня, из которого были выполнены топорики из забайкальских погребений. У древних китайцев, шумеров, вавилонян, народов Передней Азии ярко и темно-зеленый нефрит был связан с культом плодородия и представлениями о загробной жизни [14, с. 219], идее возвращения жизни после смерти.

В свете всего изложенного интерес представляет культурно-историческое значение знака «топор» в сакральной генеалогии отдельных бурятских родов конца XIX – начала XX вв., возводивших свои истоки к богам-громовникам с функциями покровителей кузнечного ремесла. В традиционном бурятском обществе они относились к социальной элите, более того, у родов, входящих в булагатский племенной союз, только их члены имели наследственное право быть кузнецами и жрецами своего престижного семейно-родового культа. По поверьям бурят, могущественные при жизни кузнецы, как и шаманы, после ухода в иной мир покровительствуют своим потомкам в образах духов-предков. Потомки же, с целью периодического обновления, укрепления и сохранения этой связи, обязаны ежегодно устраивать родовые праздники с обрядами коллективных жертвоприношений. В процессе таких праздников призывались почитаемые божества и духи, каждого называли по имени, в поэтической форме излагались мифические и реальные события из их жизни и деяний. Буряты опасались, что любое отступление от закрепленного традицией текста может привести к разрыву связи «предки-потомки», а в результате лишит их защиты и покровительства со стороны семейно-родовых покровителей.

Отражение идеи непрерывности линии родовой наследственности, восходящей к самой ранней поре распространения культуры металла на территории Центральной Азии и этнической Бурятии, можно видеть в текстах призываний духов-предков ряда бурятских родов. В качестве примера приведем призывания двух родов с общим этнонимом *Хурдат* в составе

племени *Булагат*. Один из них идентифицируется как «Белый Хурдат» (*Сагаан Хурдат*), а другой – «Черный Хурдат» (*Харын Хурдат*).

Призывание рода *Харын Хурдат*:

ТҮрҮҮлмэ тҮргэн хара
Бахуунай абга,
Бахуунай абгын
Хан баабай Дайбага
Дайбагарай баабайн удха:
Сагаан дээрэ салим гарахан
Сагаан хэрмэн зала бэлэй,
Хара дээрэ халим гарахан
Харжаа хэрмэн бэлэй.
Харын Хурдад удхамни
Хурдат хҮнэй удха бэлэй,
һухэ нойон тэнгэри бэлэй,
һҮн саган буудал бэлэй,
Тайга газар буудал бэлэй,
Тала газар нэрьеэр бэлэй,
Толгойн шэнээн буудал бэлэй,
Тобшын шэнээн мҮндэр бэлэй,
Шуһан ехэ хура бэлэй,
Шулуун ехэ мҮндэр бэлэй,
Гал ехэ сахилган бэлэй,
Газар ехэ доһолгоон бэлэй!
һэмжэн саган ҮҮлэнээрнь
һэлгэлдэмэ удха бэлэй,
һубарю сагаан ҮҮлэнээрнь

һундалдама удха бэлэй!

Основатель нашего черного рода
Дядюшка Бахуунай,
Дядюшки Бахууная
Хан-отец Дайбагар,
Дайбагара-отца происхождение:
На белой пище воду сотворивший,
С кистями из белой белки на шапке ведь,
На воде жир сотворивший,
С кистями из осенней белки на шапке ведь.
Моя родословная Черные Хурдаты
Хурдатов родословная ведь,
Тэнгри **Топор-господин** ведь,
Бело-молочная молния ведь,
По всей тайге гром и молнии ведь,
По всей степи громыханье ведь,
Молнии величиной с голову ведь,
Град величиной с пуговицу ведь,
Кроваво-великий ливень ведь,
Каменно-великий град ведь,
Огненно-великие молнии ведь,
Сотрясение всей земли ведь!
Последовательно с белыми облаками
Перемежающееся происхождение ведь,
За плывущими друг за другом
облаками
Следующее происхождение ведь!

Далее описывается мифологическая история становления Дайбагара-праотца как шамана таежного народа: в тайге у синего моря, у крутого берега солончакового озера с зайцем в беге состязался, с медведем в силе соревновался. Медведя победив, оседлал его, льва поймав, обуздал его, из толстых змей поводья сделал, из тонких змей кнут сделал.

За этим следует призывание духов-предков шаманских истоков со стороны материнского рода в лице царственной праматери Гообжэ:

Гообжэ эхын удха бэлэй
Дойдон долоон һэмнай,
Доһолон эрезн Дэлэг бэлэй,
Долоон шара боошул бэлэй,
Айдан Арбан һэмнай,
Алаг эрезн нюдэтэн бэлэй,
Арбан шара боошул бэлэй,
Захын Занхад бэлэй,
Заха хартуул бурхан һэмнай!

Родословная праматери Гообжэ
Семеро земных старцев ведь,
Хромоногий пестрый Дэлэг ведь,
Семь желтых шаманов ведь,
Айдан Арбан ведь,
Пестроглазые ведь,
Десять желтых шаманов ведь,
Основоположник Занхад ведь,
Старинных сартулов божество ведь!

Следующим призывается дух-предок *Бахуунай* – основатель рода Черный Хурдат, происходивший из семейно-родового клана шаманов Дайбагаровых. Перечисляются сакральные центры его культа в Приангарье – Унга – зимники, Залари – летники. Он дух (*заяан*), получивший магическую силу (*эльбэ*) и право на табуированное имя (*ара бэеэ*) от *Хан Шаргай ноён-отца*. По описанию его деяний он шаман, наделенный сверхъестественной силой притягивать облака, вызывать дождь, ливень, град, гром и молнии, сотрясающие землю. Его история связывается с русским периодом Предбайкалья, указываются город Иркутск, упоминается Ермак как его губернатор [30, с. 78-85] (*Перевод наш*).

Текст призывания рода *Сагаан Хурдат* начинается со строки «Происхождение наше Белые Хурдаты» (*Сагаанай Хурдат удха бэлэйл*). Но в следующей строке истоки рода возводятся к роду Черный Хурдат как более раннему (*Харын Хурдат удха нэмнай!*). Далее текст полностью совпадает с текстом призывания рода Черный Хурдат, где в качестве родового покровителя называется «**Тэнгри Топор-господин**», а его явленные силы – град, гроза, огненные молнии, гром. В отличие от Черных Хурдатов, материнская родословная Белых Хурдатов – баргуты [30, с. 86-92] (*Перевод наш*).

В призывании духов-предков бурятского рода *Муруй (Муры удха)*, прибывшего в середине XVIII в. в Приангарье из Джунгарии, одной из первых называется мать *Номгошуул* из хоринского рода *Хангил*:

Хангил хара удха бэлэй,

*Хангил хҮнэй тэнгэри бэлэй,
Хан Нэръеэр тэнгэри бэлэй,
Суудалши саган тэнгэри бэлэй!
Хангил хҮнэй удха бэлэй,
Хариха шубуун хани бэлэй,
Ерэхэ шубуун жэгуур бэлэй!
Нарихан далай бэрхэхэн гарам,
Найман дабхар зэлэ бэлэй,
Ехэ далай бэрхын гарам,
Юһэн дабхар зэлэ бэлэй,
Хобол мҮнгэн хушуун бэлэй,
Хотогой мҮнгэн хушуун бэлэй,
Мандир ноён баабай бэлэй,
Сандир хатан ишиби бэлэй,
Хорёодой ноён баабай бэлэй,
Хурбама хатан ишиби бэлэй!*

Черная наследственность рода
Хангил ведь,
Тэнгри-покровитель хангилов ведь,
Хан Громовник-тэнгри ведь,
Прославленный **белый тэнгри** ведь!
Наследственность хангилов ведь,
Отлетающие птицы спутники ведь,
Прилетающие птицы крылья ведь!
Узкое море трудный брод,
Восемь слоев зэлэ ведь,
Широкое море трудный брод,
Девять слоев зэлэ ведь,
Желобообразно-серебряный клюв ведь,
Изогнуто-серебряный клюв ведь,
Мандир ноён отец ведь,
Сандир хатан мать ведь,
Хорёдой ноён отец ведь,
Хурбама хатан мать ведь!

В продолжение под табуированным именем «Меньшой отец» (*Баахан баабай*) призывают духа-предка со стороны отцовского происхождения хоринской праматери *Номгошуул*. По материнской линии происхождения в его родословной перечисляются роды *Онгой*, *Онхо Баргад*, *Танха Баргад*. Роды с этнонимом «Барга(т)» по многочисленности своих членов сопоставляются с таежными деревьями. Родовые истоки (*узуурлама удха*)

– «пятеро таежных», 58 хамниганов (эвенки), 60 шаманов, 68 хамниганов. Призываются великий отец *Хамнагалдай*, праматерь *нахуурай тоодай* [30, с. 93-95] (*Перевод наш*).

В свете отношения бурят к текстам шаманских призываний как сакральной истории рода приведенный материал представляет собой уникальный по глубине своей памяти источник историко-культурного значения, а ключом к его пониманию является семантическая природа упоминаемых в них персонажей, местностей и событий. Все эти роды, независимо от своей черной шаманской наследственности, обусловленной ранним таежным этапом их истории, в качестве родового небесного покровителя почитают **Белого бога-громовника** (*Сагаан тэнгэри*). Это табуированное имя светоносного небесного божества. Собственное же имя божества – *Зайаян Сагаан тэнгэри*, известное в фонетических вариациях у разных групп бурят, монголов и тюркских народов Центральной Азии и Сибири, в своем генезисе восходит к индоевропейскому праязыку. По определению Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «здесь они выражали понятие некоторой циклической силы, которая переходила от одной жизни к другой и с которой была связана идея вечности» [5, с. 802].

В призываниях бурятских родов с общим этнонимом *Хурдат* персонификацией функций общепурятского Белого бога-громовника выступает божество «**Топор-господин**» (*нухэ-нойон-тэнгэри*). Параллель его образу в пантеоне якутов составляет помощник бога-творца *Айыы-тойона* громовник *Сюгэ-тойон* (Топор-господин). По сообщению А.К. Кулаковского, молния – это острога или топор *Айыы* тойона, «свое имя бурятское и якутское божества получили в Прибайкалье, очевидно, еще в курыканское время» [8, с. 190-206, 247-249].

На древность представлений бурят о боге-громовнике, атрибут которого персонифицируется в его образ, указывают общепринятые речевые обороты. Буряты при ударе молнии говорят «тэнгри спустился» (*тэнгри бууга*, или *буудал бууга*). Когда «спускается» *тэнгри*, т.е. ударяет молния, поражая людей, животных или жилище, совершали обряд возвращения на небо «спутившегося тэнгри» [3, с. 19]. В приведенных выражениях молния, воспринимаясь как оружие громовника, отождествляется с самим божеством-тэнгри и этими представлениями обуславливается традиция бурят из кузнечных родов кропить жертвенными напитками на топор.

Параллели бурятскому обычаю обнаруживаются в религиозной идеологии и обрядовой практике скифских народов Евразии. По сведениям Геродота у скифов символом божества, соотнесенного с эллинским богом войны Аресом, выступал железный меч, воткнутый на вершине его алтаря, воздвигнутого из хвороста. Этому мечу ежегодно приносили в жертву домашних животных и совершали человеческие жертвоприношения. По своей природе скифское божество относится к типу ведического Индры, управляющего дождем и грозами с молнией и громом, покровителя воинов и земных сражений [9, с. 14].

Железному мечу поклонялись родственные им сарматы [22, с. 448, 449]. Поклонение богу войны Веретрагны в форме меча засвидетельство-

ван в III веке христианским теологом Климентом Александрийским у персов, мидян и савроматов [1, с. 564].

Преемственность с религиозно-мифологическими воззрениями и обрядовыми традициями древних народов Евразии составляет традиция хоринских бурят Забайкалья устраивать нагорные жертвоприношения домашними животными в летнем календарном празднике «обо тахил». По срокам проведения праздники приурочивались к середине лета и представляли собой, шаманские в прошлом, коллективные моления о дожде с ламаизированными обрядами жертвоприношений духам-хозяевам местности на алтарях в виде насыпи из камней (*обо*). Название праздника, известное в различных фонетических вариантах общего тюрко-монгольского термина *ова, оба, ува, ови, обо* [24, с. 398-399], впервые в форме *она* упоминается в древнетюркской рунической надписи в долине реки Талас в Киргизии. Памятник датирован С.Е. Маловым, примерно VII в. [10, с. 63-68].

У хоринских бурят конца XIX – начала XX вв. мотив грозовой природы духа-хозяина местности, проявленный в обращенных к нему молениях с просьбой дождя, позволяет видеть в его раннем образе бога-громовника индоевропейской мифологии. На былые функции адресата как воинственного защитника своей территории указывает обычай южных хоринских родов (агинских бурят). В исследуемый период агинские буряты на *обо* духу-хозяину местности посвящали коня под седлом с притороченным к нему старинным шлемом и доспехами, лук и стрелы, копьё, меч и другие предметы вооружения [19, с. 410; 20, с. 470; 21, с. 44-45].

Строки шаманских призываний, обращенных к изначальным истокам родов с этнонимом *Хурдат*, отражают этническое и культурное взаимодействие древнего населения степных регионов с населением тайги посредством заключения экзогамных браков. Так в качестве первопредка по линии отцовской родословной хурдаты указывают персонифицированный в образ божества «Топор-господин» атрибут индоевропейского, и перенявшего его образ индоиранского бога-громовника, а в качестве материнской родословной предка-шамана рода *Сагаан Хурдат* выступает многочисленное племя *Баргут*. О баргутах и местности Баргучжин-токум, «находящейся вниз по реке Селенге» неоднократно говорится в «Сокровенном сказании монголов» (1240 г.) [26, с. 39, 64 и др.]. Территорию Баргучжин-токума монгольской летописи, согласно «Сборника летописей» персидского историка XIV в. Рашид-ад-Дина населяли: «Племена баргут, кори и тулас; племя тумат также ответвилось от них. Эти племена близки друг с другом. Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища [находятся] на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум ...» [23, с. 121-122].

О многочисленности этнического объединения баргутов и широте их этнических связей свидетельствуют двойные этнонимы как *Барга-бурят* и *Барга-монгол*, в первую очередь сознающих себя бурятами и монголами и лишь затем как их отдельные составные – баргуты. Сложные этнонимы *Онхот-баргат*, *Солон-баргат* и *Хорчин-баргат* указывают на их об-

щее этническое самосознание как баргуты, а уже потом как его отдельные составные части. По сведениям средневекового монгольского источника, этническая группа *онхот* перечисляется среди тюрков [4, с. 105], в нашей современности солонами называют эвенков Забайкалья, а хорчины входят в монгольскую этническую общность.

Разделение некогда единого рода с этнонимом *Хурдат* на два рода, один из которых стал называться «черный», а другой «белый» произошло в Предбайкалье при его вхождении в булагатский племенной союз. Эта история излагается непосредственно в тексте призывания, где истоком рода *Хара Хурдат* называется *Дайбагар*-праотец, описываемый как шаман таежного народа, посредством своего сверхъестественного дара победивший и подчинивший себе духов тайги в звериных образах. Его прямой потомок шаман *Бахуунай*, по преданиям бурят-булагатов, положивший начало шаманской наследственности рода *Хара Хурдат*, в Приангарье прибыл из Забайкалья, сидя верхом на медведе [11, с. 22-23]. По поверьям бурят, медведи служат ездовыми животными **черных** шаманов, наделенных даром оборотничества в своего тотемного зверя.

В дальнейшей линии шаманской наследственности рода *Хара Хурдат*, вошедшего в племенной союз булагатов со стороны, ключевую роль играет *Шаргай-нойон-баабай*. По булагатскому мифу небесное божество *Шаргай-нойон* строит первую земную кузницу, учит ремеслу земных людей и его первые ученики становятся основателями кузнечных родов [27, с. 25]. По мифологическим сюжетам тункинских булагатов и хонгодоров, *Шаргай-нойон* спускается с неба на коне соловой масти [12, с. 152], а в мифе балаганских, унгинских и нукутских булагатов – быке сивой масти, держа в руке каменный молот [27, с. 25]. В этой своей ипостаси бурятское божество сопоставимо с образом Митры, изображенным на спине золоторогого быка на петроглифах урочища Тамгалы в Казахстане среди сцен боя на колесницах. Культура населения, создавшего петроглифы Тамгалы, в археологии известна как **карасукская** культура полукочевых скотоводов с памиро-ферганским типом хозяйства [13]. Они разводили крупный рогатый скот, овец, лошадей, знали верховую езду и примитивное земледелие. Распространившись в восточной части евразийских степей с середины II-го тысячелетия до н.э., эта культура включала в себя Прибайкалье, Забайкалье, Западную Монголию, Северный Китай, Южную Сибирь, Восточный Туркестан [15, с. 104-105, 120, 121, 126, 140, 148].

По тексту родового призывания Черных Хурдатов, силой своего камлания, поднявшийся в небесные чертоги Шаргай-нойон-баабайя, сын Дайбагара юный шаман *Бахуунай* получает от него права и обязанности защищать членов своего рода [30, с. 84]. Иносказательно речь идет о получении черным шаманом таежных родов от божества скотоводческих родов белой кузнечной наследственности. Поэтому к названию божества Шаргай-нойона прибавляется термин родственной номенклатуры «отец» (*баабай*). У бурят соблюдается правило, согласно которому человек, обладающий шаманской и кузнечной наследственностью, вначале проходит через

обряд инициации в шаманы, лишь затем получает посвящение в кузнецы. Такие личности приобретали статус шамана-кузнеца (*боо-дархан*).

В отличие от рода *Саган Хурдат*, материнская родословная *Хара Хурдат* – сартулы. Сартулами монголы называют потомков ираноязычного населения Средней Азии – сартов с земледельческо-скотоводческим типом хозяйства и культуры. Часть сартов в эпоху Чингисхана была переселена в Монголию, а в конце XVII – начале XVIII вв. их отдельные группы, увлеченные миграционными процессами времен халхаско-джунгарских войн, оказались на территории Западного Забайкалья. Иранским культурным наследием объясняется наличие со стороны материнской наследственности рода *Хара Хурдат* духов-предков «земных старцев», описываемых как «желтые шаманы» – жрецы культа «старинного сартульского божества За-нхад». Эпитет «желтые» можно воспринимать как цветовой маркер белых шаманов – жрецов культа Солнца, светлых солнечных богов. В пользу предложенного выступает имя предка праматери сартулки *Айдан*. Это имя образовано от индоевропейского корня «ай», основные значения которого восходят к понятиям «белый создатель», «творец». В контексте земледельческо-скотоводческого типа хозяйства и культуры и эпитета «пестрый» в описании шаманских духов-предков материнского рода – этнических сартулов, интересно было бы сопоставить его с встречающимся в якутском эпосе названием персонажа «сын пегой коровы Айдан-богатырь». По поверьям якутов могучие, богатые и щедрые светлые духи-хранители домашнего скота особенно любят животных пестрой масти [25, с. 648].

Через этническое «сартул» проявляется общее в линии наследственности хоринского рода *Хангил* и булагатского рода *Хара Хурдат*. По сведениям М.Н. Хангалова, племя *Сартул*, живущее в Селенгинском ведомстве, «будто бы вышло из Шишки-Монголии». В этой связи автор пишет, что родоначальник хангинцев (*хангилов*) и шаратов (*шарайтов* – Н.Д.) *Хоредой* был из племени *Сартул* [29, с. 222]. В поэтическом тексте призывания родов с этнонимом *Хангин* и *Шарайт* о первоначальной родине говорится:

<i>Ерхэ шубун ерэб</i>	С прилетающими птицами прилетели,
<i>Харьха шубун хани</i>	Отлетающих птиц спутники
<i>Хамок томон хангин</i>	Все тысячные хангины,
<i>Хара монгол утха</i>	Хара-монгольский корень
<i>Сэн шубун сэрэл</i>	Птица Сэн-сэрэл,
<i>Сэрэл-монгол утха</i>	Сэрэл-монгольский корень
<i>Захалама заха</i>	Изначальный исток,
<i>Захан-шарад утха</i>	Начальный корень шаратов
<i>Урда газар мана</i>	Ранняя земля наша,
<i>Шингил шибэ газар</i>	Шингил-Шибэ местность
<i>Шишхэ монгол утха</i>	Шишхэ-монголов корень.

Далее имеющаяся в тексте призывания строка «Девятью лебедями прилетели» [28, с. 487-489] однозначно увязывает эти роды с самым многочисленным бурятским племенем *Хори*, у которых тотемной птицей почитается лебедь – мифологическая Мать-прародительница, а отцом-основа-

телем племени – *Хоредой Мэргэн*.

Кем же были «шишхэ-монголы»? Этнографы и фольклористы в разных районах Прибайкалья записывали легенды о том, что до бурят эти земли населяли монголы, откочевавшие затем на южную сторону Байкала. Местное население, задабривая души умерших монголов, якобы, наносящих вред людям и пасущемуся в степи скоту, приносили им жертвы. Особый страх перед такими духами испытывало население о. Ольхон [18, с. 34, 35]. По материалам А.Г. Митрошкиной, верхоленские буряты ежегодно устраивали обряды под названием «Кормление своего монгола» (*Монголоо эдээлхэ*) [6, с. 58]. Ольхонские и верхоленские буряты в основной своей массе принадлежат к племени *Эхирит*. По нашим полевым материалам, буряты Кабанского района РБ, переселившиеся с Приленья в устье Селенги – кударинские степи, один раз в году устраивали общественные обряды с жертвоприношениями под названием «монгол тайлган». В обрядах адресатом жертвы указывались «происходящие от хор-монголов» (*хор-монгол утхатан*). Их призывали совместно с «горными эвенками» (*Хадын хамнигад*), самих же призываемых локализовали «под деревом» (*Модон дорхи монголнууд*) [7, с. 79], что указывает на горно-таежную местность их обитания.

Согласно текстам призываний балаганских булагатов, хор-монголы не автохтоны Предбайкалья, их происхождение возводится к местности Шингил-Шибэ [28, с. 389]. Таким образом можно ставить знак равенства между шишхэ-монголами шаманских призываний хоринских родов *Хангин* и *Шарайт* и хор(и)-монголами/хара-монголами шаманских призываний эхиритов и булагатов.

В контексте значений слова *шибэ/шэбэ/шэбэр* – чаща, густой лес с преобладанием ельника и лиственницы [31, с. 710] и парного выражения «Шингил-Шибэ» (лит. вариант – *шэнгил-шэбээ*) – «плетеная загородка» [31, с. 715], «шишхэ-монголы» вышли из горно-таежной местности, поросшей густой черневой тайгой. Булагатские шаманы левобережья Ангары с указанной местностью связывали происхождение медвежьего онгона. По мифу, когда-то он был большим черным шаманом, а после смерти превратился в черного духа (*заяна*), требовавшего в жертву себе человека. Этот обычай прекратился вследствие того, что *бурхан* превратил его в медведя (см. *Бахуунай* – предок рода *Хара Хурдат* как черный шаман наделяется способностью превращаться медведя – своего зверя-тотема). В тексте призывания унгинских шаманов Приангарья «Шишки монгол» и «Шингил шибэ газар» помещаются на западе – «Западной тайге» [29, с. 210-211].

Б.Б. Дашибалов в статье, посвященной проблеме связи «хори-монголов» и «хордутов» шаманских материалов М.Н. Хангалова с этногенезом бурят, приводит этноним ранних насельников Баргузинской долины как «аба-хорчин-монгол». По мнению исследователя, их этноним имеет одну основу с этнонимами «хори» и «хордуг» [6, с. 59-60]. В поддержку высказанного предположения, приведем указание Рашид-ад-дина об особенностях оформления у монгольских народов в начале II-го тыс. н.э. названия рода и племени. В данный период у монгольских народов принад-

лежность к роду по женской линии оформлялась аффиксом «чин», в то время как показателем принадлежности к роду по мужской линии выступал суффикс «тай» [23, с. 77]. Исходя из этого правила, *хорчин*, *хор(и)* и *хордут* являются разными формами одного и того же этнонима *хор-монгол*, где этническое «хор» по отношению к этническому «монгол» находится в отношении частного к общему. Собственно племенной этноним – *хор(и)*, а *хорчин* – форма этого этнонима, образованного с аффиксом показателя принадлежности к роду по женской линии происхождения, *хордут* – монгольская форма множественного числа с окончанием на «т». В контексте былого тюрко-монгольского двуязычия в тюркский период истории Предбайкалья оформлено имя племенного первопредка как *Хоридай* или же *Хорилартай (Мэргэн)*. В первом варианте формы личного имени основа «Хор» представлена с монгольским показателем отцовского рода, во втором варианте присутствует тюркский суффикс множественного числа «лар».

В источниках перечисляются этнонимы *аба-хорчин-монгол* и *онго-хордут*. Оба этнонима родственных хорчинов и хордутов образованы на основе монгольского языка. В этнонимах термин *аба* со значениями «волшебство», «чары» как и *онго*, передающее понятие «дух», «дух-предка» указывают на веру в наличие у хоринских шаманов наследственной магической силы, полученной от бога-громовника. В тексте шаманского призывания хоринского рода *Хангил* образ и функции громовника «Прославленного белого тэнгри» маркированы знаками «Желобообразно-серебряный клюв», «Изогнуто-серебряный клюв», «восемь слоев зэлэ» (веревки из конского волоса), «девять слоев зэлэ», образующих семантический ряд «птица-конь-Солнце» и сакрализации чисел «восемь», «девять». Это универсальные коды культуры кочевых народов степей Центральной Азии и сопредельных с ним территорий Сибири.

Итак, знак «топор» в традиционной культуре бурят восходит к культуре индоевропейских богов-громовников, почитавшихся древними скотоводческими народами Евразии. К этническим предкам бурят эти представления проникли от ирано-язычных народов степей Центральной Азии и сопредельных с ней территорий Южной Сибири через посредство тюрков.

Примечания

1. Брагинский И. С., Лелеков Л. А. Иранская мифология // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. 2-е изд. М. : Совет. энцикл., 1991. Т. 1. С. 560-564.

2. Михайлов В. А. Религиозная мифология. Улан-Удэ : Соел, 1996.

3. Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск : Наука, 1987.

4. Галданова Г. Р. Эволюция представлений о тэнгри (по текстам монголоязычных обрядников) // Средневековая культура Центральной Азии : письменные источники. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1995.

5. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 т. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984.

6. Дашибалов Б. Б. О «хори-монголах» и «хордутах» в шаманских материалах М. Н. Хангалова // Этническая история и культурно-бытовые традиции народов Байкальского региона. Иркутск : Оттиск, 2010. С. 54-60.

7. Дашиева Н. Б. К вопросу о традиционных праздниках в Бурятии // Полевые исследования Института этнографии АН СССР 1980-1981 гг. М. : Наука, 1984.

8. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства на материале обрядового фольклора бурят. Новосибирск : Наука, 1991.

9. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М. : Наука, 1990.

10. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959.

11. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М. : Наука, 1978.

12. Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск : Наука, 1980.

13. Кляшторный С. Г., Сулейманов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб. : Петерб. востоковедение, 2009.

14. Никулина Н. М. Ритуальные топоры-молоты из Троянского клада «L» (К вопросу о датировке данного археологического комплекса) // Вестник древней истории. 1999. № 2 (228). С. 218-228.

15. Новгородова Э. А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М. : Наука, 1989.

16. Окладников А. П. Археологические исследования в низовьях реки Селенги (Предварительное сообщение о раскопках, произведенных в 1948 г.) // История и культура Бурятии. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. С. 302-306.

17. Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // История и культура Бурятии. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. С. 315-329.

18. Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск, 1928.

19. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу // Записки РГО по отд. Этнографии. СПб., 1887.

20. Шагдарон С. Д., Очиров Б. Д. Игры и увеселения агинских бурят // Записки РГО по отд. Этнографии. СПб., 1909.

21. Нацов Г. Д. История возникновения обо на горе Адагалик // Описание архива Г. Д. Нацова. Улан-Удэ, 1972.

22. Раевский Д. С. Скифо-сарматская мифология // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. 2-е изд. М. : Совет. энцикл., 1992. Т. 2. С. 445-450.

23. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, кн. 1.

24. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М. : Наука, 1974.
25. Серошевский В. Л. Якуты : опыт этнографического исследования. М. : Росспэн, 1993.
26. Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1990.
27. Тушемилов П. М. Шаманские материалы (1948 г.). Улан-Удэ : Наран, 1995.
28. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1.
29. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1960. Т. 1.
30. Хухэ Мунхэ Тэнгэри. Сборник шаманских призываний. Улан-Удэ : Респ. тип., 1996.
31. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951.

УДК 623.441(=512.31)

Харитонов Р.М., Бутуханова И.М.

Kharitonov R.M., Butukhanova I.M.

БУРЯТСКИЙ ЛУК КОНЦА XIX в. ИЗ УЛУСА ТАМЧА

THE BURYAT BOW OF THE END OF THE XIXth CENTURY FROM TAMCHA ULUS

В статье представлено подробное описание бурятского лука конца XIX в. из фондов Национального музея Республики Бурятия. Дается характеристика всех участков кибити, перечисляются основные особенности, выдвигается ряд предположений по различным аспектам конструкции предмета.

The article presents a detailed description of the Buryat bow of the end of the XIXth century from the funds of the National Museum of the Republic of Buryatia. The characteristics of all sections of kibiti are given, the main features are listed, a number of assumptions are made on various aspects of the object construction.

Ключевые слова: лук и стрелы, буряты, традиционный бурятский лук, береста, сухожилия, рог.

Keywords: bow and arrows, the Buryats, traditional Buryat bow, birch bark, tendons, horn.

Лук и стрелы с древнейших времен были самым распространенным видом ручного метательного оружия кочевников Сибири и Центральной Азии вплоть до вытеснения его огнестрельным оружием. Однако этот простой, хорошо известный человеку механизм не вышел из употребления, а

лишь изменил сферу своего использования. В наши дни лук и стрелы используются в качестве спортивного инвентаря. Одним из народов, сохранивших в современных условиях традиционную стрельбу из лука, являются буряты.

К вопросу ручного метательного оружия бурят не раз обращались в своих работах оружейеды и этнографы, однако это делалось в рамках определенной темы [1, с. 74-76; 2, с. 247-254; 3, с. 91; 4; 5, с. 52-61; 6, с. 11-16; 7, с. 99-100; 8; 10, с. 39-42; 11, с. 171; 12]. Специалисты ограничивались лишь общими описаниями, отражающими, по их мнению, особенности и характеристики большинства луков, бытовавших у бурят, но ни один из отдельных предметов по сей день не был опубликован.

В фондах Национального музея Республики Бурятия хранится крупная коллекция луков XIX-XX вв. Краткая ее характеристика и основные проблемы, связанные с ее изучением, были представлены нами на международной научно-практической конференции «Михновские чтения». Каждый предмет коллекции имеет свои особенности, нуждается в подробном изучении и отражении полученных данных в научных публикациях. Один из таких луков (МИБ ОФ 17848) был выбран нами для публикации как наиболее информативный. Это самый старый из всех луков коллекции с зафиксированными в учетных документах музея данными о месте и времени изготовления.

Согласно музейным данным, лук был куплен музеем в 1996 г. у Шагжина Дансарана Дугаровича. Предмет был изготовлен в 1888 г. известным мастером из улуса Тамча Селенгинского округа по заказу местного охотника. Цырен-Доржо (прадед владельца лука) выкупил лук, отдав за него одного скакуна и двух бычков.

Лук сложносоставной (рис. 1), рекурсивный (со снятой тетивой, концы лука выгнуты в обратном направлении), симметричный. Длина кибити 150 см, расстояние между концами лука со снятой тетивой по прямой линии составляет 135 см.

Рукоять лука, толщиной 2,9 см и шириной 2,4 см, округлая в сечении, с внутренней стороны имеет жесткую накладку из светлого материала, предположительно рога оленевых, длиной 18 см со слегка расширяющимися концами. Этой длиной ограничивается центральная зона жесткости. Боковая и внешняя поверхности рукояти полностью оклеены берестой, срединная фронтальная накладка только в центре.

В месте перехода от рукояти к плечу сечение кибити плавно меняется. Плечо в сечении имеет линзовидную форму со срезанными острыми гранями. Максимальная ширина упругой части плеча 3 см, толщина 1,6 см, в направлении концов кибить плавно сужается, толщина остается неизменной.

На внутреннюю поверхность плеч приклеены роговые накладки черного цвета, предположительно из чехла рога сибирского горного козла (рис. 2). Общая длина накладок на каждое плечо 40 см. В нескольких мес-

тах присутствует обмотка кожаным шнуром. Вероятно, обмотка фиксирует места стыков роговых накладок, из чего можно сделать предположение, что накладки составные, но определить точное их количество не удалось, так как снять обмотку без повреждения музейного предмета не представляется возможным. На одном плече содержатся следы попытки ремонта изделия – плотная многослойная обмотка красными нитями, зафиксированная современным клеем. Трудно говорить об эффективности такого укрепления кибити, однако стоит отметить, что полностью повреждение устранить не удалось. Об этом свидетельствует то, что при равной длине, плечи лука выгнуты неравномерно.

К боковой поверхности упругих плеч и частично жесткого конца приклеен боковой конструктивный элемент – тонкая, возможно составная, вытянутая деревянная пластинка, длиной 45 см, шириной 0,5 см и толщиной 0,2 см. В литературе подобные элементы упоминал Б.Д. Санданов. Описывая процесс изготовления бурятских луков, он отмечал, что на завершающем его этапе спинка оклеивалась берестой, а «тонкая тростниковая обшивка» приклеивалась с боков кибити для защиты лука от влаги и «придания красоты» [8, с. 14]. Функциональное назначение этого технологического приема еще предстоит выяснить. Стоит отметить, что, несмотря на возраст, повреждение одного плеча и следы многочисленного использования, ось лука по спинке остается прямой. Можно предположить, что боковые конструктивные элементы прочно фиксировали плечи лука, предохраняя их плоскости от перекручивания во время использования.

Концы лука укреплены боковыми, фронтальными и тыльными роговыми накладками. На последних 10 сантиметрах концов лука вдоль боковых и тыльных накладок, для достижения зоны жесткости также изменяется сечение. Толщина в этом месте составляет 2 см, ширина резко уменьшается до 1 см, а затем в направлении кончиков лука до 0,8 см. Боковые роговые накладки длиной 10 см черного цвета (рис. 3), предположительно из того же материала, из которого изготовлены плечевые накладки (чехол рога сибирского горного козла), состыковываются с боковым конструктивным элементом. В этом месте ширина накладки соответствует ширине боковой деревянной пластины – 0,7 см. Затем накладки имеют полукруглое расширение со стороны спинки до 1,5 см, длиной 2 см, после чего ширина остается неизменной до конца накладки.

Тыльные фигурные роговые накладки (рис. 4), из рога оленевых, со стороны плеча имеют узкую область длиной 9 см и шириной 0,6 см, которая резко расширяется от центра к краям накладки до 1 см, и следующие 8 см до арочного выреза слегка сужается до 0,8 см.

Одной из особенностей лука является отсутствие выраженного перехода между упругим плечом и негнувшимся концом. Зона жесткости достигается главным образом не за счет резкого изменения сечения кибити, а благодаря длинным фронтальным концевым накладкам, изготовленным из рога оленевых, менее упругого материала, чем плечевые накладки (рис. 5).

Длина этих роговых пластин 30 см, в месте стыка с плечевыми накладками ширина составляет 2,5 см, вдоль всей длины плавно сужается, а на расстоянии 10 см от противоположного конца, вдоль концевых боковых накладок сужается более резко до 1 см. Место стыка укреплено кожаной обмоткой. Несмотря на то, что сечение кибити все же меняется вдоль последних 10 см концов лука, и укреплено в этом месте боковыми накладками, зона жесткости равна длине концевой фронтальной накладке, то есть 30 см.

На краях концов лука, поверх концевых накладок надеты медные колпачки с арочным вырезом для крепления тетивы. Главное их назначение укрепить место крепление тетивы.

На расстоянии 10 см от арочных вырезов, медной проволокой закреплены деревянные подпорки для тетивы. Благодаря им достигается эффект сокращения тетивы, что позволяет повысить силу выстрела.

Хорошая сохранность предмета создает определенные сложности в его всестороннем изучении. Так, например, без демонтажа кибити, не представляется возможным зафиксировать параметры отдельных ее элементов: толщину роговых пластин, количество слоев сухожильной оплетки, размеры и конструкцию деревянной основы, что представляет особый интерес. В изделиях большинства евразийских народов (тюркских, монгольских, китайских, некоторых северных народов и т. д.), в которых используется способ крепления концов, названный в оружейно-литературе как «ласточкин хвост», жесткие концы фиксируются под небольшим видимым углом к плечам. В исследованном же нами луке таких углов нет, и место перехода плеч в жесткие концы не выражено. Бурятский лук в положении без тетивы, по наблюдениям Е.И. Тугутова, имеет «полуэллипсоидную форму» [10, с. 40]. Автор также писал, что «остов лука состоит из целой березы» [10, с. 40], однако придание цельнодеревянной кибити такой формы весьма проблематично, и напрямую зависит от качества используемого дерева, любой изъян которого может негативно отразиться в свойствах готового изделия. Гораздо легче было подобрать материал для отдельных деталей меньшего размера и собрать из них составную основу. Также стоит отметить, что помимо «ласточкиного хвоста» применялся и другой способ крепления концов, описанный Ю.Б. Симченко, при котором уплощенный край составного конца клеивался между двумя деревянными пластинами, составляющими плечи и рукоять [9, с. 111-114]. Переход между зонами жесткости и упругости при таком способе плавный, не имеющий выраженного угла. Однако этот тип фиксации концов Ю.Б. Симченко считает характерным для западносибирских изделий [9, с. 116]. Таким образом, количество и способ соединения деревянных частей остаются значительным пробелом в изучении данного предмета и требуют привлечения естественно-научных методов для изучения предмета без нарушения его целостности.

Изучение конструктивных особенностей предмета позволяет сделать вывод, что он сохраняет плавный изгиб как в положении без тетивы, так и с надетой и натянутой тетивой.

Лук из улуса Тамча имеет все основные черты, характерные для бурятских луков, на которые обращали внимания в своих работах ученые: длина около 150-160 см, роговые накладки, сухожильная оплетка, берестяная оклейка [1, с. 74-76; 4, с. 123-124; 5, с. 54-55; 8, с. 10-18; 10, с. 40]. Изученный нами лук имеет уникальные конструктивные особенности, позволяющие выделить его из массива луков азиатских народов: главным образом это достижение жесткого рычага за счет негнушейся длинной концевой накладки, при отсутствии выраженного перехода между плечом и концом. Следует отметить, что изученный нами предмет, является самым ранним полностью сохранившимся бурятским луком, из известных науке на данный момент. Не исключено, что в частном владении сохранились еще более ранние изделия, но точное время их производства установить будет весьма проблематично без полного целенаправленного их изучения. Для создания полной картины развития бурятского лука и вариативности его экземпляров необходимо изучение всех доступных образцов, что позволит выявить их региональные и хронологические особенности.

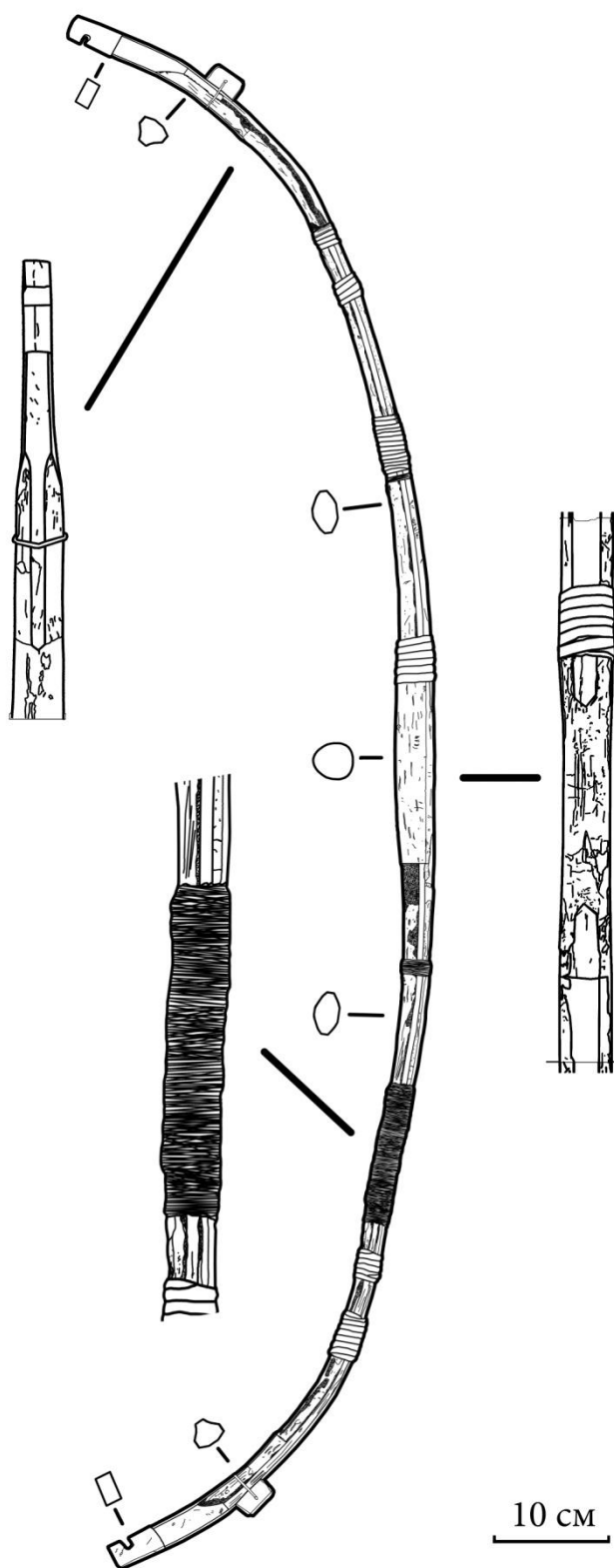

Рис. 1 Бурятский лук (МИБ ОФ 17848)

Рис. 2 Плечевая фронтальная накладка

Рис. 3 Конец лука,
вид сбоку

Рис. 4 Конец лука
со стороны спинки

Рис. 5 Конец лука
со стороны живота

Примечания

1. Бадмаев А. А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.
2. Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в позднее Средневековье и Новое время : учеб. пособие. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2010. 288 с.
3. Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2008. 776 с.
4. Гомбожапов А. Г. Традиции изготовления лука и лучные состязания бурят // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, вып. 3. С. 123-126.
5. Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 175 с.
6. Михайлов В. А. Оружие и доспехи бурят. Улан-Удэ : Изд-во ОНЦ Сибирь, 1993. 73 с.
7. Мясников В. Ю. Военное дело кочевников восточной Сибири в XVII – начале XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2007. 170 с.
8. Санданов Б. Д. Эрын гурбан наадан: три игры мужей. Улан-Удэ : Соел, 1993. 160 с.
9. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М. : Наука, 1976. 312 с.
10. Тугутов И. Е. Материальная культура бурят : этнографическое исследование. Улан-Удэ : Тип. М-ва культуры БурАССР, 1958. 215 с.
11. Хангалов М. Н. Собрание сочинений : в 3 т. Улан-Удэ : Респ. тип., 2004. Т. 1. 508 с.
12. Худяков Ю. С. Лук и стрелы бурят в эпоху позднего средневековья // Бурятия: проблемы региональной истории и исторического образования. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 2001. Ч. 1. С. 78–88.

УДК 398.3(=512.31)

Николаева Д.А.

Nikolaeva D.A.

ФУНКЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

FUNCTIONS OF PUBLIC CALENDARLY RATES IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE BURYATS OF PREBAYKALYE (END OF THE XIXth - THE BEGINNING OF THE XXth CENTURIES)

Анализ общественных календарных праздников бурят Предбайкалья выявил, что для отправлений коллективных жертвоприношений мужской мир располагался в сакральном Центре, ориентированном на молодое

сильное солнце. Этот Центр мультиплицировался такими объектами как гора, огонь, березки, жертвенное животное. Мужчины обращались к боже-ству Земли-Воды и предкам с просьбой по обеспечению благополучия сво-его рода.

Женский мир располагался на периферии пространства и был свя-зан с функциями наделения членов социума богатством и плодородием.

The analysis of the public calendar holidays of the Buryats of Prebaikalye showed that the masculine world was in the sacral Center oriented towards the rising strong sun for making collective sacrifices. This Center was multiplied by such objects as a mountain, fire, birches, a sacrificial animal. Men addressed the deity of Earth-Water and ancestors requesting to provide prosperity to the family.

The female world was on the periphery of space and was related to the functions of allocating members of the society by wealth and fertility.

Ключевые слова: календарные общественные обряды, мужское, женское пространство, сакральный Центр мира, периферия.

Keywords: calendar public ceremonies, male, female space, sacral Center of the world, periphery.

Естественные природно-климатические и ландшафтные характери-стики Предбайкалья обусловили формирование жизненно важных общест-венных обрядов *тайлаганов*, связанных со сменой сезонов года, от кото-рых зависела трудовая деятельность людей традиционной культуры. В бу-рятоведческой литературе имеются довольно подробные исследования этих обрядов (структура, виды, семантика, эволюция и пр.). Этнографы (М.Н. Хангалов, Т.М. Михайлов, Д.-Н.С. Дугаров, Н.Б. Дашиева и др.) от-мечали актуальность для традиционного общества этих коллективных мо-лебствований, которые «наряду с обрядами жертвоприношений, были од-ними из важнейших социально-культурных институтов» [3, с. 67]. Извест-ный этнограф Д.-Н.С. Дугаров полагал, что сезонный календарный харак-тер *тайлаганов* указывает на то, что они генетически восходят к двум ос-новным жертвоприношениям-праздникам в тюрко-монгольской ритуаль-ной традиции – *намарай тайлаган* (осенний *тайлаган*) и *хабарай тайла-ган* (весенний, или весенне-летний *тайлаган*), которые совершались еще средневековыми монголами и якутами [2, с. 153].

Исследователи писали также и об утилитарно-просительных функ-циях молений на *тайлаганах*, которые проводили для обеспечения благо-получия социума как на уровне сакрального, так и профанного: «Главное назначение *тайлаганов* – просьба у богов, *эжинов*, благополучного года, урожая, травостоя, умножения скота, счастья, избежания бед и несчастий» [3, с. 66].

Поскольку основные этапы цикла календарных обрядов *тайлага-нов* довольно подробно описаны учеными, поэтому мы не будем повто-ряться, а постараемся выделить из синтагматического поля только ключе-вые парадигмы по предложенной теме данной работы.

Для традиционной полукочевой культуры предбайкальских бурят наиболее распространенной формой общественных обрядов были два вида *тайлаганов*, которые носили сезонный характер (весенний, летний, осенний) приуроченные к смене природно-хозяйственных циклов. Во-первых, *Ехэ тайлган*, состоявший из весеннего цикла *тайлаганов*, приуроченных к **перекочевке из зимников в летники**. Его праздновали в конце мая «в честь благодатного возвращения весны». Он был посвящен **духам Земли и Воды**. Летний цикл проводился в конце июня/в начале июля и посвящался **западным хатам** (предкам) у булагатов и **восточным** у эхиристов. И осенний цикл *тайлаганов* проводился в конце августа, сентябре-октябре, **перед возвращением в зимник** и посвящался **божеству Земли**.

Данный цикл обрядов был многоплановым мероприятием и включал в себя: 1) магические действия в целях обеспечения хозяйственного, семейно-бытового и другого благополучия; 2) ритуальное поедание мяса убитых животных с соблюдением определенных правил и традиций; 3) заботу об убитых животных – сжигание головы, ног, костей и осердия с дыхательным горлом или вывешивание *зухли* – шкуры вместе с головой и конечностями на высоком шесте в сторону солнца; 4) всеобщее торжество, пиршество, угощение друг друга, песни, пляски, танцы, спортивные состязания [4, с. 84].

В структурном плане календарных обрядов исследователи выделили следующие этапы: подготовительную, основную, заключительную и всеобщее торжество, пиршество. В традиционной культуре каждая семья, в зависимости от благосостояния, обязательно принимала посильное участие на всех этапах празднества. Например, приготовление пищи, молочных алкогольных напитков, покупка на общих паях жертвенного животного и т.д. «Неучастие в *тайлаганах* считалось нарушением традиций отцов и дедов, оскорблением богов, *эжинов*, возможным последствием которого могли быть какие-нибудь беды для всей улусно-родовой общины, семьи и родственников... никому из мужчин, даже самых бедных, нищих, не возбранялось прийти на это торжество, повеселиться, попробовать мяса и вина от чужих паев» [3, с. 67].

Во-вторых, *тайлаган Ухан-хатам* (жертвоприношение царям вод). Его проводили также весной и осенью, когда буряты переезжали с **летников на зимники** и с **зимников на летники**. М. Н. Хангалов писал: «Если обряд общественный, то в нем участвовали все члены общества: мужчины, женщины, молодежь обоего пола и дети ... они начинают брызгать тарасун и вино целыми обществами и поодиночке на реке *Ухан-хату*» [6, с. 118]. Но у части эхиристов и части булагатов этот *тайлаган* сохранил родовые черты, о чем свидетельствует запрет на присутствие женщин (чужеродка).

Обряд состоял из трех частей – очищение огнем *хан табиха*, жертвоприношение молочной пищей *хада юһэлхэ/далга ургэхэ*, увеселения и развлечения. Первая часть начинается с церемонии очищения пространства. Главным исполнителем является обычно глава семейства **старик-домохозяин, глава семьи** (в случае его отсутствия, это мог быть приглашен-

ный старик из того же рода, знаток мифологии и обрядовой практики или шаман), который разжигал ритуальный огонь, совершал жертвоприношение божеству **Земли-Воды, хозяевам местности, огню**, проводил обряд стрижки гривы и хвоста лошадей, при переезде на **летники**, гадал на чашке. Кроме того, обряд был связан и с деятельностью взрослых женщин, которые, под руководством старух, находящихся в доме, в поселении, *улусе*, готовили во дворе ритуальную молочную пищу: саламат, сметана, молоко, масло, чай и т. д.

Вторая часть состояла из жертвоприношения этой пищей. Н. Б. Дашиева описывала обряд следующим образом: «Старик/шаман ставил 9 туесов с молочными продуктами и обкуривал дымом богородской травы. Затем, призывая божества, доставал деревянной ложкой из каждого туеса пищу и с возгласом *Сээк* подбрасывал ее в воздух. После этого пища считалась освященной и называлась *даланга*. Каждый домохозяин откладывал понемногу от освященной пищи в свою посуду и после окончания *тайлагана* увозил домой. Оставшуюся еду раскладывали в 9 деревянных корыт *тэбшэ* и 9 молодых мужчин (*юһэн хубууд, юһэнгут*), взяв их в руки, становились в ряд в затылок друг другу. По команде шамана они бежали по ходу солнца вокруг *туургэ* и с большой поспешностью ели то, что было в корытцах. Чтобы они быстрее ели и быстрее бежали, шаман хлестал их березовыми ветками. Бег продолжался до тех пор, пока не съедали всю еду в корытцах. Тогда шаман первинки пищи из всех посуды, находившихся на *туургэ*, бросал в огонь, угощая духа-хозяина огня (*гали эжинна*), пробовал сам, после чего разрешал всем приступить к трапезе» [1, с. 52].

Мы обращаем внимание на четкое разделение общества по половозрастному признаку, в соответствии с которым, каждая группа на своем локусе выполняла определенные функции при проведении указанных общественных *тайлаганах*. Например, взрослые мужчины устанавливали *туургэ* (молодые березки), разводили костры, носили воду, забивали и разделывали животных, варили мясо, помогали шаману. Шаман с помощниками проводил обряды очищения, призывания богов, *эжинов*, их умиловления, прошения и гадания. Старики (главы семейств) разводили ритуальный огонь, угощали первинками пищи и молочным алкоголем богов и предков. Молодежь (юноши) в стороне занималась спортивными состязаниями (борьба, бег и т.д.), дети играли, девушки и молодые замужние женщины танцевали круговой танец *ехор*. Старухи руководили взрослыми женщинами (кому готовить саламат, варить чай, мыть и чистить столы и посуду).

Таким образом, мы видим, что, во-первых, основная функция обряда заключалась в сакрализации и гармонизации окружающего пространства, через установление Центра мира, который мультиплицировался действиями стариков и взрослых мужчин (*огонь, березки, жертвенное животное*), а также молодыми женщинами и девушками (*круговой танец*). С Центром мира связано и само место проведения обряда, причем, если родовые обряды проводились на священной родовой горе, то общественные как на горе, так и на поляне, но возле горы и реки. Здесь символом Центра

выступали уже искусственные маркеры. Кроме того, маркировка Центра мира, в любом случае связывалась с культом предков, которые, находясь в центре космологической модели мира, соединяли все части космоса в пространстве и во времени. И, наконец, Центром мира в качестве медиатора между мирами выступала собственно космология обряда (Небо-Земля-Вода).

Во-вторых, рассматривая функции общественных обрядов, следует обратить внимание на ориентацию направления в пространстве обряда. В устной беседе этнограф С.Б. Болхосоев заметил, что при проведении общественно значимых обрядов прослеживается общая ориентация на **восток** (для большинства предбайкальских родов означает **юго-восток**). Так, ближе к востоку находились наиболее сакрально значимые члены общества (старики-домохозяева, шаман с помощниками), которые выполняли жреческие/ шаманские функции, проводя ритуалы призывания божеств и предков, за ними следовал локус взрослых мужчин, которые выполняли функции маркировки сакрального Центра и сакрализации пространства, помогая тем самым проведению обрядов и ритуалов. Затем была территория молодежи и детей, которые выполняли космогонические функции творения мира посредством состязания, борьбы, соревнования, игр и исполнения кругового танца. При этом женский круговой танец способствовал открытию информационно-энергетического канала связи между *этим* миром и *иным*. За ними следовал локус (**северо-западное** направление) с взрослых женщин, выполняющих функции креатора посредством приготовления белой сакральной пищи.

Тем самым, в обряде прослеживается некая ось, актуализирующая направление на солнце или его рождение в *этом* мире, связанное с главами семейств, мужчинами, предками, молодежью и детьми (*день*). Направление же на северо-запад символизирует смерть солнца, уход в *иной* мир, связанный со взрослыми женщинами и старухами (*ночь*). Так, *начало* обрядовой оси пространства связано со стариками, а *конец* со старухами.

Как видим, наряду с моделированием горизонтальной пространственной организации обряда, прослеживается вертикальная (старики, шаман – *предки, солнце, верх* и, старухи, женщины – *боги Земли-Воды, ночь, низ*). В этой связи, согласно архаическим воззрениям, в вертикальной оси выделялись два компонента – *верх* и *низ* (Отец – Небо, Мать – Земля). Прежде всего, следует отметить, что в традиции многих народов алтайской языковой семьи существуют представления об оппозиции Небу не только Земли, но и Земли-Воды, в которой Земля-Вода в космогоническом мифе выступает в качестве универсальной оппозиции *верху*. В общественных обрядах западных бурят данный момент прослеживается в оппозиции мужское – *Небо/предки* и женское – *Земля-Вода/низ*.

Здесь, с одной стороны, имплицитно проявляются следы культа матери-прародительницы. На это указывают следующие моменты: молочная ритуальная пища, приготовлением которой занимались старшие женщины (на мужских родовых *тайлаганах* присутствует запрет на *чужое*, в том числе женщин, используется мясная пища и алкогольные напитки); испол-

нение женского кругового танца молодыми женщинами и девушками; активное руководство в организации приготовления сакральной молочной пищи старухами; обращение к божествам плодородия Земли-Воды в женской ипостаси, которых Б.Э. Петри обозначил как «общебурятские боги» [5, с. 7]; локус женщин, а также общеплеменных игрищ соотносится с понятием «земля»/«низ»/«женское»/«вода».

Обращение к женским божествам плодородия обеспечивало выполнение функции благополучия, как жизнедеятельности социума, так и наделяние плодovitостью отдельных членов, примером чего служит ритуальное поедание молочной пищи молодыми мужчинами *юхэнгутами*. Заметим, что старики, при обращении к предкам, вначале совершали моления божествам Земли-Воды, а шаман активно способствовал проведению ритуала поедания молочной пищи молодыми мужчинами.

С другой стороны, в общественных обрядах актуален культ предков, который прослеживается в действиях старших глав семейств (обращение и моление предкам).

Таким образом, в обрядах *свой* мужской мир располагался в Центре мира ориентированном на молодое сильное солнце и был связан с функциями сакрализации и гармонизации пространства, а также просительных обращений к предкам в целях обеспечения благополучия традиционного общества и подтверждения *своего* рода. Женский *чужой* мир располагался на периферии пространства и был связан с функциями наделяния членов социума богатством, благодатью, плодородием и плодотворением.

Примечания

1. Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят : (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2001.

2. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства : на материале обрядового фольклора бурят. М. : Наука, 1991. 297 с.

3. Михайлов Т. М. Структура бурятского шаманизма // Традиционные верования и быт народов Сибири (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1987.

4. Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 320 с.

5. Петри Б. Э. Старая вера бурятского народа. Иркутск : [б. и.], 1923. 26 с.

6. Хангалов М. Н. Собрание сочинений : в 3 т. Улан-Удэ : Респ. тип. 2004.

Болхосоев С.Б.

Bolkhosoev S.B.

**К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ИСТОКАХ И ЭТНОНИМЕ
БУРЯТСКОГО ПЛЕМЕНИ *БУЛАГАТ***

**TO THE ISSUE OF ETHNIC ROOTS AND THE ETHNONYM
OF THE BURYAT TRIBE *BULAGAT***

В статье предлагается новая версия, согласно которой возникновение этнонима *булагат* связано с историческими событиями, происходившими в Центральной Азии (XV–XVI вв). В этой связи выявлены этническое происхождение племени, состав его основной группы, которая в силу древней степной воинской и охотничьей традиции имела мифопоэтические воззрения, восходящие к тотему волка. Исходя из этого, доказывается взаимосвязь волчьей символики с наименованиями родовых объединений данного социума и ее сопряженность с этнонимом *булагат*.

The article suggests a new theory according to which the origin of the ethnonym *bulagat* is connected with the historical events that took place in Central Asia (XV–XVI centuries). In this regard, the ethnic origin of the tribe and its main group which due to the ancient steppe fighting and hunting traditions had mythopoetic beliefs going back to the wolf totem are revealed. On this basis the relationship of the wolf symbolism with the names of tribal associations of the community and its contingency with the ethnonym *bulagat* are proved.

Ключевые слова: этноним, этимология, этнические группы, волк, тотем.

Keywords: ethnonym, etymology, ethnic groups, wolf, totem.

Происхождение этнонима бурятского племени *булагат* (*булгад*) остается во многом спорным и не до конца выясненным. По поводу его этимологии существуют разные версии, которые, на наш взгляд, не прояснили смысл данного наименования. Соответственно, остаются не разрешимыми некоторые неизвестные стороны этногенеза и этнической истории булагатов, так и происхождения его отдельных локальных компонентов. Исходя из этого, мы хотим представить в данной статье свою точку зрения по этимологии этнонима *булагат*. Но перед тем как мы приступим к изложению своей трактовки значения этнонима, рассмотрим основные версии этимологии имени бурятского племени, имеющиеся в научной литературе.

Так, одни исследователи имя булагатского племени возводят к названию *булагачин* 'соболевщик' (монг. *булган* 'соболь' +суфф. деятеля *-чин*), которое в перечне наименований древних племен и народов, проживавших в Предбайкалье, фиксируется в письменных источниках «Сокровенное сказание монголов» (1240 г.) и «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина (1304 г.) [22, с. 28]. Другие, в частности, Г.Д. Санжеев, отрицает предко-

вость *булагачинов* к булагатам и не видит преемственности между этими наименованиями, поскольку усматривает в древнем названии не этноним определенного племени, а обобщенное обозначение лесных племен, занимавшихся пушным промыслом, которое стало известно из средневековой купеческой среды [28, с. 82–86]. Третьи, предложили отличную от предыдущего мнения версию, по которой слово *булагат* заключает тотемические корни и обозначало тотема (соболя) каких-то групп древних предбайкальцев, от которых и распространился в виде этнонима [21, с. 76]. Оппоненты усматривают не тотемическое происхождение, а топонимические истоки [34, с. 283–284], указывая, что этноним восходит к гидронимическому термину *булаг* 'родник' [13, с. 108–109]. Учитывая данную версию сомнительной, отдельного мнения придерживается Б.Р. Зориктуев, связывающий этноним *булагат* с тюркскими словами *була* 'светло-желтый, буланый' (в значении масти животного) и *ат* 'лошадь', которые при сращении дали лексическую форму, которая выступала племенным именем, отражавшее коневодческое занятие курыканской части предков булагатов, выделившейся сначала в отдельную социальную прослойку, именованную названием масти животного, а потом в этническое образование с тем же обозначением, но уже в составе бурят. При этом в самоназвании между *була* и *ат* вставляется звук -*з*, из чего появляется *була'ат* – *булагат*/ *булагад* [14, с. 125–128]. Данное мнение было раскритиковано Д.Д. Нимаевым, который отметил ряд погрешностей в этой версии. Например, отрицание возможности появления лишнего интервального -*з*, поскольку в монгольских языках наблюдается совершенно противоположный процесс – процесс ассимиляции этого интервокального звука и т.д. [23, с. 142–144]. По следующей гипотезе, предложенной Б.З. Нанзатовым, образование слова *булагат* также связывается с тюркским языковым фондом, где основой выступает лексема *булга*: 1) перемешивать, смешивать; 2) мутить; 3) досаждать, обижать, вредить; 4) сеять смуту. Из этих значений выбор пал на первое и последнее, в итоге *булга+д* (окончание мн.ч.) → *булгад* – «смешанные» либо «смутьяны». Носителями этого названия по данной версии признается тюркоязычная в основе группа, которая и привнесла его в Предбайкалье [22, с. 27–29].

Из приведенных версий склоняемся к соображению Г.Д. Санжеева и считаем отчасти близкой к смысловому разрешению с позиции лингвистического сопоставления гипотезу Б.З. Нанзатова, но не оправданной, с точки зрения соответствия этнографической реалии. Поскольку этническое ядро булагатов, как мы считаем, имеет монгольские корни (см. ниже), нежели тюркские, как предполагает ученый (и ряд других исследователей). С другой стороны, маловероятно, чтобы булагаты по отношению к себе применяли понятие «смешанные». Во-первых, еще до недавнего времени они сохраняли «чистоту» рода, хорошо знали, судя по родословным преданиям, кто именно булагат (Тугалаковец – см. ниже), а кто нет. Даже в русских источниках XVII в. четко определяются кто булагаты, а кто *Ашабагаты*, *Готолы*, *Харануты* и др. (считающиеся в современной литерату-

ре булагатами), т.е. этнического смешения как такового не наблюдается, а название *булагат* уже существовало и, видимо, не в смысле «смешанные». Относительно значения «смутьяны», предполагающее понятие «подстрекать к смуте, мятежу или раздорам», то оно по логике должно иметь отношение к объекту нападения/подчинения, чем его источнику, а поскольку булагаты, в известной мере, например, к моменту прихода русских в XVII в. представляли ведущее объединение среди бурятских родоплеменных групп, по выражению Ц.Б. Цыдендамбаева, племя «номер один» [34, с. 293], то вряд ли их самоназвание выражало определение «бунтарей». Следовательно, считаем спорной попытку возвести название *булагат* к тюркской основе, хотя ее отдельные определения («досаждать, обижать, вредить») сопоставимы со значением слова, имеющее бурят-монгольское происхождение.

К приходу русских в XVII в. ареал расселения булагатов охватывал бассейн верхнего и среднего течения р. Ангары, т.е. племенная территория располагалась между землями, занятыми другими бурятскими образованиями: с юго-западной стороны хонгодорами Присяянья, северо-западной – джунгаро-ойратскими группами Нижней Ангары, северо-восточной – эхиритами Верхоленья и юго-восточной – хоринцами Приольхонья и Забайкалья. Иными словами, булагаты географически занимали как бы центр этнической территории бурят. Результатом такого месторасположения племени является не только его лидирующая позиция среди бурятских объединений того периода, но и позднее формирование группы. По нашему мнению, время сложения племени относится к XV–XVI вв. и связано с историей военных действий восточных монголов против западных, т.е. ойратов. Известно, что походы были направлены на объединение разрозненных областей Монгольской империи. Вследствие таких акций к границам Предбайкалья (Прибайкалья) прибыли группы кочевников, впоследствии сформировавшие бурятское племя *булагат*. Однако в начале, как мы полагаем, они представляли военизированные группы, призванные для осуществления интеграции Предбайкалья в централизованное государство. Поскольку следствием военной экспансии данной территории, как мы полагаем, свидетельствует слово *булагат* в значении ‘захватчики’, которым обозначались собственно монгольские пришельцы. Полагаем, что апеллятивной основой лексемы *булагат* является слово бурятского/монгольского происхождения: *булга* ‘сбить, сломать’, ‘сместать’ [35, с. 150], ‘нападение, захват’ [7, с. 275] и суффикса мн. числа -д.

Следовательно, носителями имени *булгад/булагат* изначально являлись монголоязычные группы воинов, которые через Тункинскую (Торскую) долину, вторгшись в Предбайкалье, покоряют племена, населявшие Приангарье (долины рек Куды, Алари, Унги и т.д.), потом Верхоленья и других местностей [5, с. 195; цит. по: 11, с. 81; 32, с. 79]. При этом в привычной степнякам традиции эта военная среда была тесно связана с волчьей символикой, поскольку такое явление часто встречалось во многих культурах Центральной Азии, когда образ зверя соотносился с воинскими

и охотничьими объединениями.

Соотношение воинов с образом волка было следствием подражания характерным особенностям зверя как охотника, добытчика. Притом, как неутомимого, бесстрашного и беспощадного к затравленной жертве. Следовательно, воинское объединение ассоциировалось с волчьей стаей, которая к тому же демонстрирует строгий иерархический порядок, столь необходимый для организации военных действий (разведки, выслеживания, диверсии, окружения, нападения, преследования, захвата, уничтожения и пр.). И в то же время связь воинов с образом волка обусловлена мифологическими воззрениями, где зверь выступал в качестве покровителя, охранителя и вдобавок как духа, воплощающегося в них. Отсюда наименование волка или названия его характерных особенностей поведения и окраса, отдельных частей тела и физических способностей, выступали в качестве обозначения отдельных воинов или целых групп, связанных с военными действиями [33, с. 17].

Полагаем, что основу бурятского племени *булагат* представляли именно те группы или подразделения воинов-кочевников, которые отождествлялись с образом волка. При этом каждая из них имела свой собственный волчий маркер, который сохранился в виде родовых названий булагатов. В частности, об этом определенно свидетельствует этнонимия коренных булагатских родов, которые по сведениям генеалогических преданий составляли шесть объединений, включаемых в число прямых потомков Тугалака, основателя главной и одноименной группы племени. В литературе они известны как *Алагуй*, *Хурхуд*, *Далхай*, *Бурюха*, *Хойго* и *Саган*. Но, следует отметить, что в устной традиции, эти названия сочетаются с дополнительными лексемами и компонентами, которые, по нашему мнению, уточняют смысл наименований и указывают на определенные внешние и функциональные характеристики волка.

Так, наименование *Алагуй* соотносится с фразой *Ама Сагаан Алагы*, которая на бурятском языке репрезентирует понятие «беломордый, пегий» (волк). Доказательством этого значения, во-первых, является перевод данного словосочетания – *ама* 'рот, пасть'; *сагаан* 'белый, светлый'; *алагы* от корневой основы *алаг* 'пегий' и частицы утверждения *-ы*, а во-вторых, наименование «беломордый, пегий» было обусловлено наличием в природе волков с соответствующей окраской. Как пишет ученый-зоолог Д.И. Бибиков, волки с разношерстной (пегой) окраской – темным верхом на спине и бокам тела, светлым оттенком на брюшной полости и ног, а также белой нижней частью морды и шеи – самые типичные дикие животные районов Сибири и Центральной Азии. Также в окраске волков этих регионов обнаруживаются такие цветовые тона как серо-бурый, буровато-палевый, светло-белесый, ржаво-охристый, буровато-черный и др. [6, с. 28–30, 64], которые, несомненно, были известны этническим группам данных территорий, занимавшихся охотой и скотоводством. Соответственно, каждый окрас в лексическом отношении имел свое обозначение.

В свою очередь, на подобную к приведенным данным цветовую

привязку указывает семантика названия *Хурхуд* (в литературе встречаются варианты *Куркут/Куркат*), которое в фольклорной версии предстает лексемой *Хүзүү Сагаан Хүрхүүд*, имеющее значение «белошейные, буренькие» (волки). Подтверждением этого является перевод с бурятского языка компонентов *хүзүү(н)* 'шея', а *хүрхүүд* от уменьшительно-ласкательного корня *хүрэхэн* 'коричневенький, буренький' и аффикса множественности -*үүд*, которые при стяжении *хүрэхэ (н)+үүд* развились в слово *хүр(э)хүүд* → *хүрхүүд*.

Следующим названием, содержащим указание на окраску волка, является фраза *Далхай – Боржин Далхай*, которую можно интерпретировать как «серобокий» (волк). Объяснением являются переводы с бурятского языка слов *боржин* и *далхай*. Первое образовано от стяжения корня *боро* 'серый' и аффикса, показывающего наличие признака *-жин/жсон*, который имеет варианты *шон/шиг*. Например, *боршон/боршиг*. Кстати, по материалам И.Н. Мадасона, имя *Боржин Далхай* записано в форме *Боршон/Боршиго Далхай* [16, л. 15; 17, л. 129], что свидетельствует о вариации словообразовательного форманта. Второе слово также происходит от стяжения корня *дала* 'лопатка, плечо' и аффикса с уменьшительным значением *-хай*, отсюда *дал(а)хай*.

Продолжением подобного рода названиям относится лексема *Бурюуха*, которая в отдельных говорах предбайкальских бурят обретает другие формы звучания. Например, кудинцам характерно произношение *берюуха/барюуха* [8, с. 10], а осинцам *бирууха*. Как пишет С.С. Балагунова: там, где представлен гласный -у в словах некоторых бурятских говоров, в осинском подговоре наблюдается появление -э/и [3, с. 43]. Заметим, что лексема *бирууха* отмечается в материалах С.П. Балдаева, видимо, записанная со слов информантов указанной группы (либо респондентов из местностей территориально близких к ним) и к которой соответствует фольклорная фраза *бирууха түргэн*. Следует отметить, что это название, согласно материалам ученого, не связано ни с одним из бурятских родов, представленных в его работе «Родословные предания и легенды бурят» (1970). Однако по сведениям других источников эта лексема, зафиксированная как *бурюуха түргэн* [17, л. 95, 98], представляет имя одного из предков в генеалогической традиции булагатских родов *Олзой*, *Муры* и *Хулмэнгэ*. Об этом свидетельствуют материалы М. Малагасаева, составленные в начале XX в. По его сведениям, жители унгинской долины (совр. Нукутский район) являются потомками Брюхатургена (т.е. Бурюуха Түргэна) [18, л. 15], выступавшего отцом Бумола/ Бомола, от которого происходят роды *Олзой*, *Муры* и *Хулмэн* [19, л. 1–2].

Что касается этимологии словосочетания *бурюуха түргэн*, то здесь, на наш взгляд, первый компонент выражает цветовую номинацию, а второй элемент указывает на особые физические качества определенного нами дикого животного. Полагаем, что исходной основой термина *бурюуха* выступает бурятское слово *бур(и)* в значении 'ил, глина', 'плесень' в союзе с аффиксом, указывающим на присутствие признака *-юу* и формантом *-ха*,

который, по мнению филолога А.Г. Митрошкиной, является уменьшительно-ласкательным суффиксом [20, с. 58, 62]. Т.е. развитие этого слова выглядит следующим образом: *бур + юу + ха* → *бурюуха*. В итоге лексема выражает значение, которое можно определить, как «подобный цвету ила, глины (или плесени)», т.е. указывает на серый/темный окрас. С другой стороны, можно видеть корреляцию значений слов *бурюуха* и *буумол/бомол (буумал)*, выступающими именами предков указанных групп булагатов, что является неслучайным соотношением. По нашему мнению, термин *буумал* имеющий значение 1) ниспускающийся, ниспадающий, 2) молния [35, с. 159], также могло применяться для эвфемического названия волка, согласно представлениям бурят, как имеющего небесное происхождение: *тэнгэрийн нохой* 'небесная собака' [32, с. 17]. В связи с чем, вероятно, возник вариант имени *Буумал Сагаан* 'Ниспускающийся Белый', которое фиксируется в отдельных преданиях [4, с. 160; 32, с. 75]. Отметим, что в традиции народов Центральной Азии эпитет «белый» символизирует связь с верхним миром. Примечательно, что подобные эпитеты (*тэнгэри буумал* 'небесного происхождения', *буумал онготой* 'с небесным духом', *цагаан онгон* 'белый, светлый дух') для обозначения «небесной собаки» используют баргуты, близкие по культуре к бурятам монголоязычный народ, проживающий на северо-востоке Китая [25]. Следовательно, эпитет «ниспускающийся, белый» может подразумевать сакральность волка (тотема) и было еще одним наименованием, параллельно употребляемым с *бурюуха*, которое в сочетании с лексемой *түргэн* 'быстрый, проворный' имеет значение «темно-серенький быстрый» (волк).

Добавим также, что фразы *бурюуха түргэн* и *буумал* (или *буумал сагаан*) в генеалогических преданиях являются именами не двух отдельных предков, а взаимозаменяемыми наименованиями в прошлом одной группы, ставшей основательницей булагатских родов унгинской долины *Олзой*, *Муры* и *Хулмэнгэ*. Кстати отметим, что реминисценцией представлений о волке как предке, имеющего небесное происхождение, для унгинцев являлся обычай, при котором они, убив зверя, снимали с него шкуру вместе с головой, дыхательным горлом, сердцем и легкими и совершали обряд *хурылха* («призывание благодати»), для привлечения удачи на облавных охотах. После их окончания голову с данными внутренними органами отделяли от шкуры и помещали на крыше амбара или сарая [32, с. 48].

По поводу еще одного названия *Хойго* (варианты *Хойхо*, *Сейгот*, *Хойбот*), которое в устной традиции бурят известно под именами *Һойго* (мн. числе *Һойгод/Һойгууд*), *Нарин Һойһо* [4, с. 166] и *Сагаан Һойбо* [5, с. 129] следует сказать, что эти обозначения в целом подразумевают волчью манеру поведения, отражающую специфику охотничьей повадки и характеристику окраса шерсти. Сказанное обуславливает этимология указанных лексем на основе бурятского языка. Так, термин *нарин* переводится как 'тонкий, стройный, изящный, искусный'. При этом он относится к категории усилительных слов при существительных, прилагательных, наречиях и глаголах, а также имеет категорию ласкательного определения. В

свою очередь, слово *хойго/хойхо/хойбо*, на наш взгляд, близко по смыслу такому однокоренному лексическому образованию как *хойхо* 1) привязывать кого-что-л.; 2) перен. держать кого-что-л. в каком-л. положении; 3) стоять, поджидая, стоять в настороженной позе, подкараулить; 4) делать стойку на соболя и белку [35, с. 558]. Следовательно, корневая основа *хой* указывает на такие значения как «задержать, схватить, подстеречь, поймать на ловушку». В итоге, основа *хой* с помощью суффикса *-го*, который, как отмечает А.Г Митрошкина, имеет уменьшительное значение [20, с. 58], а также формантов действия *-ho* и *-бо* образуют названия *хойго/хойхо/ хойбо*, значения которых может быть истолковано как «ловец», «перехватчик». Примечательно, что именно так в современной охотничьей среде и литературе обозначают волков, притаившихся в засаде, на ловушку которых другие члены стаи загоняют жертву [6, с. 311].

Что касается цветового обозначения – *сагаан* в лексеме *хойбо*, то оно может подразумевать сакральность зверя и в то же время масть волка, видимо, со светло-серым (белесым) окрасом шерсти, который встречается в лесах и степях Южной Сибири, в частности, Прибайкалья и Забайкалья [6, с. 29, 44]. У некоторых групп бурят его называли белым волком, считавшимся священным животным, связанным с Небом [10, с. 49]. Однако у булагатов в категорию небесного животного включался не только волк с указанной мастью, но и с другими оттенками шерсти, хотя присутствие светлых тонов в окраске зверя считалось маркером духовной связи с божественными силами высшего уровня. Таковыми в булагатской традиции выступают Небо и западный хат – мифический прародитель бурятского племени Буха-нойон, который возглавляет сонм божеств небесного происхождения, выступающих хозяевами горных вершин и отрогов Восточных Саян. Отсюда волк считался «собакой» не только Неба, но также западного хата Буха-нойона [32, с. 154, 249]. Здесь связь волка с родоначальником булагатов Буха-нойоном отражает мифологическое воззрение, сопряженное с идеей предковости со стороны дикого животного.

Также добавим, что на тотемический культ волка у булагатов указывает ритуальное действие, которое совершалось на свадебном обряде кудинских бурят. По описанию М.Н. Хангалова, после обряда брызгания тарасуном (молочной водкой) божествам-покровителям, который проводился на улице, перед сватами, присевшими на правой стороне от юрты родителей жениха, на стол клали кожу от головы волка, белую войлочную сумку со священным шаманским предметом (*онгон*) и ритуальные блюда из мясных продуктов. Сакральные элементы использовались при благословлении жениха и невесты, совершаемые тремя стариками *онгони өбөгөд* (букв. «старцы духов-предков»), восседавшими направо от сватов [32, с. 79]. В данном случае, как пишет Н.Б. Дашиева, место расположения и название старцев в ритуале указывают на их статус как старших по генеалогии, выполняющих коммуникативные функции между сородичами и духами-предками, в том числе и духом тотемного предка в образе волка [12, с. 99]. В этой связи нельзя не отметить, что явление последнего посредством де-

монстрации экстатического действия было свойственно шаманам кудинских, балаганских и идинских бурят [32, с. 145, 154, 395], т.е. булагатов, для которых волчий дух-онгон являлся покровителем, предком. Как отмечает М.Н. Хангалов, шаманы перевоплощаются только в тех животных, с образом которых соотносились их предки. Поэтому к животным, от которых шаманы не «происходят», они не могут обратиться [32, с. 145]. Из этого следует, что до недавнего времени племенная традиция сохраняла поверья о происхождении булагатов от волка, незримым олицетворением которого, в частности, выступают и названия коренных родов. Последнее из вышерассмотренных нами представляет именование *нарин/сагаан хойгод*, которое в переносном смысле имеет значение «искусные/светло-серые перехватчики».

Осталось коснуться наименования родовой группы *Саган*. Судя по вышеизложенному, оно восходит к слову, которое в комбинации с другими терминами и в единственном числе, как в данном случае, представляет устойчивую лексему, активно применяемую в обозначении окраса волка. Тем не менее отметим, что в генеалогических преданиях бурят, собранных у кудинских булагатов, ведущих свое происхождение от Сагана, имя своего предка они дают как в форме *Сагаан*, так и *Сагаалаг* [8, с. 12] или *Сагаанаг* [17, л. 65, 69, 138], что является неслучайным обстоятельством. Поскольку думаем, что последние термины являются праформами указанного ранее наименования, и которые в силу простоты употребления в речевой практике приобрели сокращенный вариант *сагаан*. К тому же в этом не в последнюю роль сыграла смысловая близость. Тем не менее, лексические формы различаются некоторыми оттенками значений. Так, при рассмотрении лексем *сагаалаг* и *сагаанаг* выделяется производящий корень *сагаа(н)* и словообразующие аффиксы *-лаг* и *-наг*, которые показывают и характеризуют наличие признака. Следовательно, эти лексемы указывают на цветовую характеристику объекта, который был не просто белый, а скорее серо-белый, т.е. седой или сивый. Последнее значение, как известно, было сопутствующим компонентом названия волка, которое было популярно у многих народов и в том числе у бурят, в частности, у сагановской группы булагатов. В качестве свидетельства тому приведем отрывок обрядового текста, посвященный предкам рода *Шаралдай*:

<i>Шаралдайтнай удхалаһан удха</i>	По происхождению Шаралдаевцы
<i>Боро соохор моритон</i>	Владеют серо-пегими лошадьми,
<i>Боро шоно хүдэргэтэн...</i>	имеют накидки из шкур сивых волков...

[4, с. 24].

В этой связи интересно отметить, что, по представлениям бурят и баргутов, только мужчины, наделенные особой духовной силой (*һур һүлдэтэй/сүлдэтэй*), могут носить шубы из волчьей шкуры. Например, это охотники и воины [26], которые в прошлом представляли социальную группу с особым статусом и соответствующим волчьим символом. Исходя из этого полагаем, что предки Шаралдаевцев, так называемые Сагановцы, были причастны к указанному сословию людей, образ которых, в свою очередь, стал источником появления фольклорного выражения *хүбүүд бэ-*

шэ хүхэ шонод («не молодцы, а сивые волки») [24]. В современное время кудинские буряты эту фразу относят к молодым людям мужского пола, наделенных такими качествами, как сметливость, решительность, ловкость, выносливость и энергичность. В прошлом же в образе сивого волка кудинцы представляли себе воина (и охотника). Например, это получило отражение в эпическом произведении «Аламжи Мэргэн», в котором герой сказания в борьбе с противником оборачивается в сивого волка [9, с. 176–177]. Также свидетельством отождествления воина с волком являются сюжеты из эпоса «Гэсэр». К примеру, в кудинском варианте сказания эпические богатыри воплощают волчий ум (*шоно һанан*), выражающий, по представлениям западных бурят, твердость характера и непоколебимую волю [35, с. 617]:

*Абай Гэсэр хүбүүн! – гэжэ.
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
– Тантай ла ябахата
Бахтиирнууд биди байналди,
Тан үгэй хадаа
Ямар хани бахтиир байнамди?
Энээнэһээ хойшо гэнэн ябадалаа
мартахамнай,
Шоно һанаа һанаахамнай,
Шудуун зүрхэ зүрхэлхэмнай! – гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.*

Абай Гэсэр молодец! –
Такие слова говорил.
Вместе идти
Богатырями мы становимся,
Без вас
Какой я воин–богатырь?
С этого времени
обычный путь забудем
Волчью мысль задумаем
Каменное сердце
приобретем! –
Такие слова он произнес.
[1, с. 58–59].

В унгинском варианте эпоса герои обладают не только волчьим умом, но и звериным аппетитом:

*Абай Гэсэр хаан
Эржэн Шуумар баатартаа һуужа,
Шоношолжо залгиба,
Шубуушалжа сумсэбэ.*

Абай Гэсэр хан со своим
Эржэн Шуумар батором
По-волчьи заглывает,
По-птичьи клюет.
[2, с. 96, 246].

Резюмируя сказанное, отметим, что образ волка как символа силы и доблести воина занимал важное место в традиции булагатов, особенно его значительная роль была характерна для периода военной демократии. Кроме того, он как сакральное существо был табуирован, отражением чему являются вышеуказанные эвфемические наименования булагатских родов. Причем большей частью эти названия имеют форму уменьшительно-ласкательного наклонения, выражающие положительное отношение к объекту. Впрочем, у бурят существовали и другие иносказательные названия волка: *арзагар шүдэн* ‘оскаленные зубы’, *ноохон толгойто* ‘мохнатоголовый’, *шэрүүн* ‘жесткий’, *хээрын хүхэ* ‘степной сивый’, *ута һүүлтэй* ‘длиннохвостый’ [35, с. 617], *хүдөөгэй таабай* ‘лесной дедушка’, *хээрын нохой* ‘степная собака’ и т.д. [10, с. 49]. Подобные названия свойственны и монголам: *молхоо хүрэн* ‘бурый ползун’, *их амтай* ‘большеротый’, *бор*

дахт 'в бурой дохе', *сурхий баатар* 'ловкий' и др. [36, с. 54].

Все эти названия содержат меткую, точную и яркую характеристику внешности, нрава и поведения зверя, которые были хорошо известны кочевникам Южной Сибири и Центральной Азии, в том числе и предкам булагатов. Как скотоводы и охотники, они прекрасно знали и понимали мир дикой природы, его краски и обитателей разных зон. Особенно чем они выделяются и какими специфическими свойствами обладают.

Но с другой стороны, думается, что волчьи эпитеты булагатских групп, восходящие к образной лексике, могли одновременно представлять их боевые кличи, которые использовались во время войн и облавных охот. Кстати, такого рода кличи, имевшие военное назначение, отмечаются в традиции забайкальских бурят-хоринцев [34, с. 229]. Однако смена военно-охотничьей эпохи более мирной приводит к отступлению хищных образов на второй план, но заметим, что эпическая традиция, которая сама является результатом военной и охотничьей идеологии, сохраняет представления о волчьем символе [33, с. 17]. Последнее еще присутствует в религиозной и бытовой традиции и заключено в этнонимии.

Таким образом, видно, что родовые названия булагатов, как и само племенное наименование, этимологизируются на бурятском языке, следовательно, происхождение этнического ядра племени имеет монгольские корни и у которого в традиции проявлялось особое отношение к волку как тотемному животному и символу воинов. Последнее означает, что булагаты изначально представляли общность не этнического, а социального типа, похожую и на племя, и на войско. Поэтому в качестве военной силы они выполняли определенную задачу, направленную для покорения новых территорий, в частности, Предбайкалья, находившегося (примерно с XV в.) вне сферы влияния позднесредневековой Монголии (кон. XV–XVI в.), которая, с момента распада (кон. XIV в.) империи Юань на отдельные независимые уделы, старалась путем военных действий восстановить единство государства и установить свою гегемонию в неподконтрольных регионах Центральной Азии и Южной Сибири. Соответственно, булагаты являлись частью этой политики, которая, в частности, отобразилась в их самоназвании – *булгад* 'захватчики', являвшееся изначально соционимом, но в итоге ставшее этнонимом.

В то же время действия булагатов стали той основой, которая предопределила возникновение этнонима *бурят*. Поскольку значение последнего, с нашей точки зрения, этимологизируется с тюркского языка как «рыскающие/крадущиеся собаки» (*бура* 'кружить, обвивать' [30, с. 264–265] + *ыт* 'собака, пес' [29, с. 385] = бураыт → бураэд/буряэд). Данное обозначение, сопряженное с волчьим тотемом булагатов, выступало их прозвищем, которое со временем было принято ими как второе наименование, употребляемое до XVIII в. с приставкой *барга* («барга буретт») [15, с. 264], переводимая с бурятского языка как 'грубый, некультурный, первобытный' [35, с. 116], но подразумеваемая как «дикий». Отсюда *барга бурят* – «дикие рыскающие собаки» или «дикие крадущиеся псы», т.е. «волки» (була-

гаты). В этом случае первый компонент этнонима, который впоследствии вышел из употребления, ранее использовался для разъяснения значения второй заимствованной лексемы. Получается, что в прошлом носители этого «прозвища» хорошо разбирались в его значении и происхождении, поскольку тесно соприкасались с тюркским элементом местного населения Предбайкалья, который в прошлом, видимо, был представлен значительным составом, имевшим много общего в области материальной культуры и языка с этническими группами Саяно-Алтайского нагорья. Примечательно то, что у сохранившихся до наших дней части этого компонента – тофаларов в обозначении монголов применяется слово *адай* [27, с. 19], имеющее значение «собака» [31, с. 17, 379], что сопоставимо с прозвищем булагатов, которые, по сути, также являлись монголами, бывшими на военной службе кочевого государства. Об этом обстоятельстве может косвенно свидетельствовать еще одно фольклорное имя булагатов – Гур-бурят [32, с. 75], поскольку первый компонент может восходить, во-первых, к термину *гүрэн* (монг. *гүр*) 'государство', а, во-вторых, пониматься как 'верша', в переносном смысле 'науськивание' [35, с. 232–233], т.е. «ловить, захватывать, нападать». Следовательно, рассматриваемое лексическое выражение имеет ту же основу, что и значение слова *булагат*.

Таким образом, проведенный анализ показывает о сложном характере процессов сложения и формирования этнических групп, возникновения этнонимии, что не дает нам в рамках одной статьи уделить внимание многим аспектам исследуемого вопроса.

Примечания

1. Абай Гэсэр могучий. Бурятский героический эпос / пер. А. Б. Соктоева ; коммент.: Д. А. Бурчина, А. Б. Соктоев; ст. М. И. Тулохонова, Д. С. Дугарова. М. : Вост. лит. РАН, 1995. 526 с.

2. Абай Гэсэр / вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. к нему А. И. Уланова ; отв. ред. С. Ш. Чагдуров. Улан-Удэ : [б. и.], 1960. 314 с.

3. Балагунова С. С. Краткая характеристика лексического состава языка осинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках : сб. науч. ст. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1987. С. 41-52.

4. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. 366 с.

5. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2010. 2 ч.

6. Бибииков Д. И. Волк. Происхождение, систематика, морфология, экология. М. : Наука, 1985. 609 с.

7. Большой академический монгольско-русский словарь : в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001. Т. 1. 520 с.

8. Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск : Наука, 1992. 217 с.

9. Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн» / сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск : Наука, 1991. 312 с.

10. Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск : Наука, 1992. 183 с.
11. Дашибалов Б. Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам : очерки. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 124 с.
12. Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука : Вост. лит., 2015. 239 с.
13. Егунов Н. П. Бурятия до присоединения к России. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1990. 176 с.
14. Зориктуев Б. Р. Об этническом составе населения Западного Забайкалья и Предбайкалья во второй половине I первой половине II тысячелетия н.э. // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1993. С. 121-130.
15. История Бурятии: древность и средневековье. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 1. 328 с.
16. Мадасон И. Н. Материалы, собранные во время фольклорно-этнографической экспедиции VI-VII 70 году. Худайн гол, Тугалаг, Одхон, ул. Хара Азаргай, Хөөрсэг, ул. Олой, Хийтэй ураг, Хухэнэй // Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Ф. 18. Оп. 1. Д. 239/а. Л. 15.
17. Мадасон И. Н. Иркутская область. Эхирит-Булагатский район // Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Ф. 18. Оп. 1. Д. 235. Л. 149.
18. Малагасаев М. «Предание о потомках Хоридоя – Нагатай, Ната-ла, потомках Булагата – Бузган, Тугалык и др. О роде Нохой урук и происхождение 6-ти западных родов» // ГАРБ (Гос. архив Респ. Бурятия). Ф. 362. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.
19. Малагасаев М. «Предания о родах Сэгэнут, бомол, об урянхайском шамане-людоеде Ненгарме» // ГАРБ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 20. Л. 8.
20. Митрошкина А. Г. Морфологическая структура исконно бурятских личных имен и семантика их апеллятивов // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1976. Вып. 26. С. 46-68.
21. Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен до XVIII века). Новосибирск : Наука, 1980. 320 с.
22. Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI-XIX вв.). Иркутск : Радиан, 2005. 159 с.
23. Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2000. 190 с.
24. Полевые материалы автора. Экспедиция в Эхирит-Булагатский и Баяндаевский районы Иркутской области РФ, 2011.
25. Полевые материалы автора. Экспедиция в Хулунбуирский аймак АРВМ КНР, 2015.
26. Полевые материалы автора. Экспедиция в Хулунбуирский аймак АРВМ КНР, 2016.
27. Рассадин И. В. Хозяйство, быт и культура тофаларов. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 191 с.
28. Санжеев Г. Д. Заметки по этнической истории бурят. Кто такие

булагачины и керемучины? // Современность и традиционная культура народов Бурятии. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1983. С. 81-108.

29. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М. : Наука, 1974. 768 с.

30. Севортян Э. В. Этиологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву Б. М. : Наука, 1978. 349 с.

31. Хакасско-русский словарь / сост.: Н. А. Баскаков, А. И. Инкиженова-Грекул. М. : ГЛАВИЗДАТ, 1953. 488 с.

32. Хангалов М. Н. Собрание сочинений : в 3 т. Улан-Удэ : Респ. тип., 2004. 3 т.

33. Харитонов М. А. Образ волка в социокультурной традиции народов Центральной Азии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 20 с.

34. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.

35. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряд-ород толи = Бурятско-русский словарь : в 2 т. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010. Т. 1. 636 с.

36. Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX - начало XX в.). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.

УДК 294.321(=512.36)

Болхосоев С.Б., Чулуун С.

Bolkhosoiev S.B., Chuluun S.

БУДДИЗМ БАРГУТОВ КИТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

BUDDHISM OF THE BARGUTS OF CHINA (BASED ON THE MATERIALS OF FIELD STUDIES)

Статья посвящена исследованию некоторых аспектов буддийской религии у новых баргутов Китая. На основе этнографических полевых материалов изучается история становления буддизма и его современное состояние.

The article is devoted to the research of some aspects of the Buddhist religion of the new Barguts of China. Based on ethnographic field materials, the history of Buddhism and its contemporary condition are studied.

Ключевые слова: новые баргуты, буддизм, религия, монастыри, традиция.

Keywords: new Barguts, Buddhism, religion, monasteries, tradition.

История и культура баргутов Китая стала предметом изучения российской науки с конца XX в. С этого времени, в частности, учеными из Института монголоведения, буддологии и тибетологии (г. Улан-Удэ) предпринимались неоднократные научные экспедиции в районы проживания

баргутов, в частности, Хулун-Буирский городской округ Автономного района Внутренней Монголии. При этом состав экспедиционных групп пополнялся исследователями из других научно-образовательных учреждений г. Улан-Удэ (Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, Восточно-Сибирского государственного института культуры). Соответственно, сбор научного материала производился по многим аспектам этнокультурного развития народа, в том числе по религиозной буддийской тематике.

В настоящей статье рассматривается современное состояние буддийской религии у баргутов Китая, в сопоставлении с ее историческим прошлым. С последним связаны вопросы распространения и становления буддизма у исследуемого народа, который, в свою очередь, подразделяется на две субэтнические группы – так называемых старых баргутов (*хуушан барга*) и новых баргутов (*шинэ барга*). Первые от вторых территориально расселяются восточнее и сохраняют в духовной сфере шаманистское мировоззрение, тогда как последние являются приверженцами буддийской идеологии (*бурхан шүтөөн*).

Новые баргуты были вовлечены в сферу данного религиозного института в XVII в. под влиянием халхасских князей, активно внедрявших новые духовные ценности во многих районах Монголии. В результате традиционные верования сменяются новыми воззрениями, нашедшими многих последователей у шинэ баргутов [2, с. 172]. Данный процесс впоследствии был поддержан маньчжурами, включившие монгольские владения в состав Цинской империи. Укрепление буддизма у новых баргутов обусловило увеличение священников–лам и строительство храмовых комплексов. К примеру, если в начале XVIII в. у новых баргутов насчитывалось 157 лам [6, с. 402; 7, с. 182], то к середине того же столетия их стало 309 священников, а к его концу было уже 400 религиозных деятелей [6, с. 402]. В это же время были приобретены многие ритуальные предметы, вещи, скульптурные/иконографические изображения божеств и полное собрание буддийского трактата «Ганджур», которые, со слов информантов (С. Пунцыгванжила, Г. Сэвэгдоржи), сначала использовались и хранились в кочевых молельных юртах (1750–1780 гг.), а потом в виду того, что традиционные войлочные жилища не обеспечивали сохранность культовой атрибутики, особенно во время непогоды (дождя), частых переездов и малой площади для обрядовых действий, то в 1785 г. религиозные святыни были перевезены в специально построенный храм [4, л. 15] (в 175 км. от современного г. Хайлар), названный по приказу китайского императора Гандантэблинг (тиб.), Өлзий Энхжүүлэгч (монг.), что означает «устанавливающий мир и спокойствие» [1, с. 280].

В народе он стал известен как *Ганджур сүм* и как главный и самый крупный монастырь (*хамагы их сүм*) не только районов расселения новых баргутов, но и всей территории Хулун-Буира. Этот статус также подтверждался высокими строениями, к примеру, одно из них было высотой 81 локтей (81 *тохой*, т.е. более 25 метров) [4, л. 16]. Об этом храме шинэ бар-

гуты говорят, что он основан именно для хранения 108 томов «Ганджура» (*ганджур судра хадагалх түлөө байгулсан сүм*). Отсюда происхождение простонародного названия Ганджур сум или баргутский красный Ганджур (*баргын улаан Ганджур*). По поводу цветового обозначения информанты поясняют таким образом, что оно происходит не от цвета монастырских стен, а от молитвенных сутр «Ганджура», написанных красными чернилами в результате их перевода с тибетского языка на монгольский. Такой вариант буддийского трактата был представлен только в данном храме, а человек, использовавший при оформлении сутр красные чернила был отмечен высшими чинами духовенства и начальства и был вознагражден серебряными слитками. В литературе он известен под именем Аюши гуши [6, с. 401].

Надо сказать, что идею строительства храма инициировали новобаргутские нойоны восьми территориальных образований (*хушуун*), которые по системе военно-административного деления составляли два объединения (т.е. правую и левую крылья – *баруун шинэ барга* (западные новые баргуты) и *зүүн шинэ барга* (восточные новые баргуты), подчинявшиеся к окружному начальству (*яаманы ноен* или *хутагт яаман*). Последняя в свою очередь была под управлением военного наместника (*жанжсин яаман*) северо-восточной области Цинской империи. Соответственно, баргутская аристократия со своей идеей, по словам информанта С. Пунцыгванжила, обратилась во все административные (окружной, областной) инстанции вплоть до императорского двора. Бывший в то время правителем Китая Энхэ Амгалан хан (по кит. Цяньлун) удовлетворяет просьбу представителей новых баргутов и повелевает им самим собрать деньги на строительство буддийского храма, что в свою очередь и было сделано новобаргутским обществом, силами которого и воздвигнут Ганджур сум.

Ни пике своего расцвета монастырь представлял архитектурный комплекс из двенадцати храмов, огороженный каменно-кирпичной стеной. Исследователи отмечают такие храмы как Гэсэр сум, Майдари сум, Дабхар сум, находившиеся в северной части монастырской площади, в западной – Нюнэй сум и Лабран сум, в восточной – главный Цогчин сум, с которым соседствовал Чойра сум и т.д. В архитектурном отношении храмы сочетали в себе черты китайской, тибетской и монгольской традиций. Реликвиями монастыря являлись изображения и скульптуры Шакьямуни, Гомбо, Жамсаран бурхана, в храмах хранилось более 3000 книг, более 2000 рукописей. Наибольшее количество лам в Ганджур суме достигало 4500, как дают одни источники [5, с. 147-149, 152-153], а по другим, их составляло примерно 2000 монахов [4, л. 20], которые в таком количестве собирались один раз в год для проведения главного молебствия, посвященного буддийскому учению (*жилийн/номын хурал*). Следовательно, большая часть лам представляла посланников других буддийских храмов Барги или Хулун-Буира (в том числе из элетского, дагурского, эвенкийского и других сумов). Поэтому в самом Ганджур суме обычно службу несли 400–500 лам (иногда достигавшее до 700 служителей культа [3, л. 5]). Отметим, что

собственно лам из новобаргутских земель составляло 1000–1500 человек, которые управлялись одновременно двумя настоятелями (*шэрээт*) из Ганджур сума [4, л. 16]. Один возглавлял буддистов западной части Новой Барги, другой – восточной. При этом второй в таблице о рангах выступал главным иерархом буддийской церкви Барги (Хулун-Буира), поскольку поддерживался верующими восточного крыла новых баргутов, которые были более многочисленны, чем последователи религии из западной ее части. Но, несмотря на это, паритет между двумя новобаргутскими крыльями соблюдался, о чем свидетельствует местонахождение Ганджур сума, располагавшееся на границе между двумя указанными административными образованиями. Отсюда у баргутов происходит еще одно известное наименование монастыря – «храм двух крыльев» (*хоер гарын сум*).

Параллельно с этим употреблялось название, связанное с делением новых баргутов на восемь хушунов (совр. *сомон/хомон*) – «храм восьми хушунов» (*найман хушууны сум*), по-другому, «храм восьми знамен». Т.е. название каждого хушуна соответствовало цвету их знамени, которые были даны баргутским подразделениям маньчжурскими властями. В этой связи примечательно то, что построенные впоследствии после возведения Ганджур сума буддийские храмы в восьми хушунах, носили простонародные наименования, соответствующие названиям знаменных делений. Это монастыри западного крыла *Хүвөөт Хүх сум* («Хувот синий храм»), *Гүл Улаан сум* («Гул красный храм»), *Гүл Шара сум* («Гул желтый храм»), *Хүбөөт Улаан сум* («Хувот красный храм») и восточного – *Гүл Хүх сум* («Гул синий храм»), *Гүл Цагаан сум* («Гул белый храм»), *Хүвөөт Цагаан сум* («Хувот белый храм»), *Хүвөөт Шар сум* («Хувот желтый храм»).

Кроме того, данные религиозные центры имели административные обозначения, оформленные на маньчжурском языке (*засагы нэр*), а также названия, образованные на основе тибетского языка, т.е. на «языке религиозного учения» (*номы нэр*). Однако существовавшие сложности для восприятия и запоминания иноязычных названий, употребляемых в узких кругах, лучше всего до настоящего времени сохранились обозначения, чаще всего употребляемые и привычные для речи простых аратов-кочевников. Например, данное обстоятельство хорошо демонстрируется современными информантами, большинство которых при нашем опросе давали частичную или достаточно полную информацию о количестве буддийских храмов и их названиях.

Стоит сказать, что хушуновые религиозные центры были основаны в XIX в. и представляли в основном одноэтажные кирпичные строения небольшого размера (*жижиг сум*), в которых служили от 30 до 100 лам, возглавляемые настоятелями, носившие звание *даалам*. Следующими во внутренней иерархии ранги занимали *дэмчи*, *гэсхи* и *унзад* [5, с. 566]. Также были известны монахи, носившие название *хамбо лама*. Интересно то, что если в буддийской церкви бурят данное звание носили главные иерархи, то в баргутской, оно относилось к религиозному служителю, ответственного за хозяйственными делами монастырей и подчиненного настояте-

лям. В то же время монахов, отличавшихся большими знаниями как в религиозной, обрядовой области, так и философской, астрологической сферах баргуты обозначали *эрдэмэ лама* (по-другому, *марамба лама*, *доромбо лама*, *зурхайч лама*). Выделялись также ламы-лекари традиционной (монгольской, тибетской) медицины (*эмчи лама*). Все они, по рассказам баргутов, проходили обучение в буддийском центре г. Пекина или после нескольких лет службы рядовыми монахами в местных храмах, ездили получать религиозное образование в тибетские монастыри. Хотя в нач. XX в. в некоторых крупных монастырях функционировали подразделения, связанные с подготовкой деятелей религиозного и медицинского направления. Например, открытый в 1926 г. Аршан сум (недалеко от совр. г. Амгалан) наряду с религиозным образованием специализировался как центр традиционной медицины.

При этом хотелось бы отметить, что по поводу основания данного монастыря и выбора медицинской специализации существует интересная легенда, по которой храм был воздвигнут на месте пребывания дракона, который спустившись с небес на землю образовал своим длинным телом географическую возвышенность на краю баргутской степи. Причем возле «головой (или «пасти») дракона» расположился Аршан сум, а в полутора или двух километрах от него из «его пупка» бьет целебный источник (*аршаан*). Отсюда происходит популярное название и специализация храма и его внутреннее убранство и художественное оформление имеют связь с символикой дракона. Например, атрибутика представлена в большей степени в синем цвете, а все стены и опорные столбы внутри храма имеют изображения драконов [4, л. 25].

Следует сказать, что кроме указанного храма и известных Ганджур сума и восьми хушунных монастырей на территории проживания новых баргутов были построены также еще другие храмы, посвященные выдающимся личностям, например, ламам и нойонам (полководцам). К первым относились так называемые Енгын сум (или Таарамбын сум), Увдэгы сум, Лодон хамбын сум, Лойлон сум, Номгур сум (Батгайн сум), Габжин сум и др. Вторые – Жанжин сум или Дугар жанжин сум. В это число можно отнести и Аршан сум, основанный Эржином Бату нойоном [3, л. 7]. По словам информантов, были малые храмы с временным режимом работы, т.е. в силу разных причин религиозная служба в них прекращалась на некоторое время и заново возобновлялась. Такие буддийские центры организовывали и обслуживали отдельные ламы. Тогда как большая часть лам были связаны со своими монастырями, вокруг которых или рядом с ними проживали в небольших глиняных жилищах или в войлочных юртах. Они были освобождены от хозяйственных работ, службы в армии, участия на войне и государственных дел. Жили на пожертвования верующих и целиком были поглощены религиозной деятельностью.

Тем не менее, статус буддийской религии был очень высок. К середине XX в. каждая семья у новых баргутов имела священника. Монашество было представлено значительным числом в новобаргутском обществе. Следовательно, буддийскими традициями были охвачены многие стороны

жизни социума. Например, без обращения к ламам не проводился ни один из обрядов жизненного цикла и т.п. Кроме того, многие общественные праздники (*наадам*) были приурочены к буддийским молебнам-хуралам. К примеру, ежегодно после Ганджур хурала проводилось большое празднество со спортивными состязаниями, в котором принимали участие представители всех новобаргутских хушунов.

Словом, сильная позиция буддийской церкви, установившаяся у новых баргутов, оказывала значительное влияние на соседние восточные территории. Так, несмотря на активное бытование шаманской традиции у старых баргутов, в 1878 г. на их землях был основан буддийский храм. Далее сумы возникли у хулун-буирских эвенков, дагуров, элетов. Построен монастырь Дарджалан возле г. Хайлар [4, л. 2].

Добавим, что для строительства храмовых комплексов приглашались мастера-строители (плотники, кузнецы, каменщики, художники и др.) из больших монастырей Китая. Некоторые из них оставались в Барге, основывали рядом с храмами поселения ремесленников, т.е. плотников, кузнецов, ювелиров, а также мастеров кожевенных, войлочных и обувных дел и т.д. У них местные баргуты обучались многим ремеслам и, по словам информанта С. Пунцыгванжила, становились мастерами своего дела. Хотя были свои собственные баргутские плотники (*модны дархан*), кузнецы (*түмэры дархан*) и ювелиры (*мүнгэны дархан*), но их было немного. Можно сказать, что строительство буддийских монастырей способствовало культурному и социально-экономическому развитию баргутского общества.

Таким образом, начиная с XVIII в., строительство буддийских монастырей у баргутов получило мощное развитие. Как пишет исследователь Амаржаргал, у баргутов к 1947 г. насчитывалось 40 монастырей [5, с. 568–573]. В 1966 г. в результате «культурной революции» все они были разрушены. Исключением являются Ганджур сум и Рашаан сум [1, с. 281] (Аршан сум) – восточного хушуна и Дашпунцэг сум – западного хушуна Шинэ Барги. Последний был построен 1868 г. в 5–7 км от современного г. Алтан-Эмэл. Отметим, что, начиная 1981 г., в этих храмах возобновились религиозные службы, а за последние 10 лет они были полностью восстановлены и дополнены новыми строениями. При этом, если в прошлом в данных монастырях службу несли от 70 лам в Аршан суме, 100 – в Дашпунцэг суме, 500 – Ганджуре, то в настоящее время во всех храмах служат по 10 служителей [3, л. 3], т.е. общее число священников не превышает и 30 человек. Многие из них обучение прошли в религиозных училищах городов Хух Хото, Пекин, а также Тибета. Возглавляющие сумы служители культа находятся на уровне гэсхи (см. выше), т.е. к ним не применяются такие звания как *шэрээт*, *даалам*, *хамбо лама*. Но как наследники традиции современные ламы, как и монахи прошлого, используют религиозные обрядники и книги, изданные в Пекине и Хух Хото. Некоторые совершают ритуалы при помощи молитвенников, имеющих происхождение из Кукунора.

Что касается отношения к религии современных баргутов, то они, воспитанные в атеистической системе, буддийские ценности воспринимают в виде воспоминаний, оценочных явлений, знаний о существовании монастырей и традиций. Преобладает оценочный, критический подход. Тем не менее, многие, особенно молодое поколение баргутов, соблюдают буддийские заповеди, посещают хуралы в монастырях, совершают обряды почитания будды (*бурханаа тахина*), по знаменательным датам и другим причинам приглашают к себе домой служителей культа, а также зовут их на родовые ритуалы (*овоо*). Верующими почитаются так называемые пять покровителей баргутов – *Отоши бурхан, Ногоон Дара эхэ, Сагаан Дара эхэ, Сан бурхан, Намсарай бурхан*. Образы божеств выставляются в домашнем алтаре у западной стены дома или юрты. При этом духовным лидером считают Панчен ламу, современного иерарха буддийской церкви Китая.

В заключении хотелось бы сделать некоторые общие замечания о характере буддийской религии у новых баргутов. Прежде всего, необходимо отметить, что в прошлом буддизм осознавался маньчжурской администрацией в качестве весомого фактора внутренней политики. Поэтому поддерживалось активное строительство храмов и вовлечение большого количества баргутского населения в рамки буддийских воззрений. У современных новых баргутов нет особого пиетета перед буддизмом. Это связано с вытеснением религиозной традиции из их сферы жизненных установок, поскольку в этом свою роль сыграла смена образа жизни и влияние новых модернизированных идеологий. Но, несмотря на скептицизм по отношению к религии, наблюдается стремление к возобновлению утраченной традиции, поскольку буддизм является отличительной особенностью культуры данного народа, выступая как этноинтегрирующее явление, признак принадлежности к одной культуре (общей с монгольской) и ее ценностям.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 15-21-03004 а(м) «Монголоязычные этносы северо-востока Китая: история, культура, язык».

Примечания

1. Миягашева С. Б. К истории Хулун-буирского монастыря Ганджур-сумэ // Мир Центральной Азии – 4 : сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 279-281.

2. Тубшинима Г. История происхождения баргутов (транслитерация, перевод, примечания) / ввод. ст. и примеч. Д. Д. Нимаева, Л. Б. Бадмаевой. Улан-Удэ : Изд-во БНЦСОРАН, 2008. 188 с.

3. Полевые материалы автора. Экспедиция в Хулунбуирский аймак АРВМ КНР, 2016.

4. Полевые материалы автора. Экспедиция в Хулунбуирский аймак АРВМ КНР, 2017.

5. Amarjargal O. Baryu buriyadčud-un ba kúgjlte qubiralta // ОАФ ЦВРК ИМБТ СО РАН. № 2876/1.

6. Dugarjab J. Baryu jang úyile. Baryu soyul čobural bičig-3. Òbúr Mongyul-un soyul-un qoriya, 2004.

7. Mesige H. Baryu-yin tobči teúke. Òbúr Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriya, 2009. 256 t.

УДК 791.43.03(571.54)+930

Бураева С.В., Батурин С.А.

Buraeva S.V., Baturin S.A.

БУРЯТИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО СОВЕТСКОГО КИНО (1923-1941 гг.)

BURYATIA IN THE SPACE OF DOCUMENTARY SOVIET FILMS (1923-1941)

В статье дан обзор деятельности Народного комиссариата просвещения и Бурятского ученого комитета по развитию кинодела в Бурятии. В хронологическом порядке рассмотрено содержание выпусков кинохроники, кинолетописей, документальных фильмов, созданных сотрудниками студий «Союзкинохроника», «Совкино», «Центральная студия документальных фильмов», «Иркутская студия кинохроники» и др. Кратко характеризуются художественные фильмы, связанные с Бурятией.

The article reviews the activities of the National commissariat of education and the Buryat scientific committee on the development of film industry in Buryatia. The content of newsreel releases, film chronicles, documentaries created by the studio staff «Soyuzkinokhronika», «Sovkino», «Central Studio of Documentaries», «Irkutsk Studio of Newsreels» is considered in the chronological order. The feature films connected with Buryatia are briefly characterized.

Ключевые слова: киноматериалы, визуальные источники, кинохроника, документальный фильм, Бурятия.

Keywords: film materials, visual sources, newsreel, documentary, Buryatia.

Кино – один из феноменов культуры XX века. Обсуждение его специфики, форм, жанров, социальной роли остается актуальным на протяжении всего существования этого «нового» искусства. Еще в 1985 г. А.Г. Рутковский справедливо отметил: «В системе современной художественной культуры кинематограф по масштабности своей аудитории, по глубине и интенсивности идейно-эстетического воздействия на нее, по выраженности социально-политического эффекта и во многих других отношениях занял ведущее положение. На важность жанровых вопросов в общественно-практическом плане указывает то обстоятельство, что они в той или иной

форме всегда играли заметную роль в организационной и идейно направляющей деятельности партии в области кинематографии, в организационно-творческой сфере внутрикинематографической жизни» [11, с. 3]. Тематика, связанная с «киноисторией» Бурятии, привлекала философов, социологов, культурологов, литераторов, историков; изданы монографии и статьи, рассматривающие различные исторические и культурологические аспекты [1; 2; 3; 4; 5; 6; 8; 9]. Тем не менее, представляется необходимым акцентировать внимание коллег на имеющихся источниковедческих ресурсах для более полного освещения проблематики, в частности на периоде 1923-1941 гг., как времени становления кинодела в молодой советской стране.

В первой половине 1920-х гг. в Бурят-Монгольской АССР проводится активная работа по кинофикации районов республики. В Верхнеудинске и на местах предпринимается ряд усилий по созданию сети кинотеатров, набору и подготовке для них профессиональных киномехаников. Руководство кинопросветительной работой было возложено на политико-просветительский отдел Народного комиссариата просвещения [10, с. 189-190]. В 1924 г. начали свою работу первые кинопередвижки (через год их работало уже 7). В столице республики на принципах хозрасчета действовал 1 кинотеатр. Однако сотрудники Наркомпроса столкнулись с проблемой отсутствия достаточно квалифицированных кадров, способных организовать работу по кинофикации БМАССР. Для решения вопроса были проведены организационные реформы, созданы специализированные учреждения. При Совете народных комиссаров БМАССР в начале 1930-х гг. было образовано Управление по кинофикации. До 1934 г. сетью киноустановок по республике распоряжалась контора «Роскино» («Совкино»). По постановлению СНК БМАССР № 1470 контора «Роскино» была ликвидирована, а имущество и функции кинопроката были переданы новой республиканской организации – Тресту по Кинофикации при СНК БМАССР (Трест «Буркино»), созданному в апреле 1934 г. [ГАРБ. Ф. Р-980. Оп. 1. Д. 1. Л. 27]. На 1 января 1936 г. в 22 районах БМАССР и в г. Улан-Удэ насчитывалось уже 3 звуковые стационарные киноустановки, 7 немых стационарных киноустановок и 54 передвижные немые киноустановки, находящиеся в ведении Треста «Буркино» [ГАРБ. Ф. Р-980. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.].

Помимо обеспечения территории БМАССР аппаратурой и кадрами для демонстрации агитационно-пропагандистской и художественной кинопродукции, в республике предпринимались попытки создания своей киноиндустрии, с разработкой сценариев и съемкой киносюжетов преимущественно документальной направленности. Эта сфера деятельности государственных учреждений, в первую очередь, рассматривалась как одна из форм агитационной работы. Значение кинематографа признавалось весьма важным для населения республики средством политинформации и агитации. Так, 7 апреля 1928 г. на заседании Президиума ЦИК БМАССР прозвучал доклад Наркомпроса по вопросу о выпуске фильмов, после чего было единогласно принято решение: «а) Выпуск культурфильмы «Бурреспублика» признать крайне необходимым; б) Предложить руководителям всех уч-

режидений оказывать администрации при киносъемке самое широкое содействие по успешному выполнению культурфильмы «Бурреспублика» [Научный архив БНЦ СО РАН. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 63. Л. 9].

Активно включился в эту деятельность Бурятский ученый комитет. Несмотря на отсутствие высококвалифицированных специалистов и качественных материалов, сотрудниками Буручкома были успешно разработаны несколько сценариев для кинофильмов собственного производства и проведены пробные съемки. В Кратком отчете «О деятельности художественного Бюро» отмечается, что «... По получении киноматериалов мы сразу приступили к опытам – киносъемкам. Произвели киносъемки с разрешения РВС в Кавбригаде и Буркавшколе. Съемки произвел при присутствии Бюро фотограф-оператор Карпов, он же произвел съемки женорганизации – сняты бурятки-женщины в количестве до 60 человек в нарядных национальных костюмах. Кроме т. Карпова в целях испытания знания и умения операторов, поручил киносъемки другому фотографу-оператору Гордиенко, который запечатлил стадион, «Сур-Харбан» и частичку карнавала. Как работу Карпова, так и работу Гордиенко продемонстрировали в присутствии членов правительства, Буробкома, Бурполитпросвета, ГПУ и др. в пролеткино «Эрдэм». Съемки т. Карпова признаны неудачными, удачными признаны съемки т. Гордиенко. На днях необходимо выехать в Гусино-Озерский дацан для съемок праздника «Цам». По окончании съемок праздника «Цам» все съемки будут связаны в одну цельную картину и показаны в наших кино, а также они будут использованы для диапозитивов с тем, чтоб перебросить их на места...» [Научный архив БНЦ СО РАН. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 2. Л. 22]. И так, уже в 20-х гг. XX в. в Бурят-Монгольской АССР была начата работа по подготовке кадров и технической базы для производства собственных художественных и документальных фильмов в соответствии с потребностями региона. Заметим, что серьезных результатов подобная работа вероятно не принесла. На сегодняшний момент кинодокументов, отснятых сотрудниками Буручкома, не найдено, однако возможно удастся обнаружить эти свидетельства в дальнейшем.

С другой стороны, на территории Бурятии еще со времен ДВР работали кинематографисты из Иркутска и Москвы. В Российском государственном архиве кинофотодокументов хранится 26 документальных киносюжетов на 35-мм черно-белой пленке (10 из них звуковых), снятых на киностудиях «Союзкинохроника», «Совкино», «Центральная студия документальных фильмов», «Иркутская студия кинохроники» режиссерами Л. Степановой, В. Будиловичем, И. Венжером, А. Ованесовой, Р. Гиковым. Наиболее ранняя – кинолетопись «Хроника № 4», снятая Кинофабрикой Иркутского Губнаробразования в 1920 г. Сюжет содержит кадры коммунистического субботника в Иркутске и Верхнеудинске, виды Верхнеудинска торжественную встречу на улицах города частей Красной Армии. [РГАКФД. Кинофонд. № 12596.]. К этому же периоду относится киносюжет «Бурят-Монгольская хроника», состоящий из набора отдельных сюжетов, снятых на территории республики – деревня в БМАССР, совещание в Тункинском аймачном исполкоме, полевые занятия красноармейцев, люди,

читающие газеты [РГАКФД. Кинофонд. № 395].

В 1927 г. снимается кинофильм «К берегам Тихого океана», показывающий зрителю советское государство на протяженности от Москвы до побережья Тихого океана на Дальнем Востоке. В фильме показаны здания ученого комитета, педагогического техникума Верхнеудинска, выгрузка почты из самолета на аэродроме, виды с высоты полета самолета на один из улусов БМАССР, животноводы за работой, виды дацана – территория, здания, храмы, монахи, занимающиеся хозяйственными делами, проводящие религиозные обряды, ведущие занятия с послушниками. Необходимо отметить, что помимо самого источника сохранились монтажные листы с покадровой росписью сюжета кинофильма [РГАКФД. Кинофонд. № 2699].

Одним из первых документальных этнографических фильмов снятых на территории Бурят-Монгольской АССР стал фильм оператора Зотова «Тунгусы» (1927), который рассказывает о жизни и быте тунгусов Восточной Сибири, в том числе о строительстве шалаша «джютэ», приготовлении пищи, шитье унтов, охоте на белок, выпасе оленей, обмене пушнины на продукты и оружейные припасы, игре на самодельном музыкальном инструменте.

Отдельной темой, всегда интересной для кинематографистов, была тема природы и жизни вокруг озера Байкал. Так, в 1928 г. студией «Совкино», режиссером Н.А. Кудрявцевым и оператором В.В. Беляевым снят кинофильм «Байкал». Фильм интересен тем, что иллюстрирует не только природу западного и восточного побережья оз. Байкал, но затрагивает такие темы, как русское и бурятское население на Байкале, добыча ресурсов у Байкала, лесозаготовки, религия и религиозные праздники, водные ресурсы. В фильме показаны виды г. Иркутска и ст. Слюдянка, повседневная жизнь и быт русской деревни и бурятского улуса. Особое внимание в фильме уделено религиозным и национальным праздникам, подробно сняты буддийские храмы и монастыри. В заключительной части фильма показаны курорты «Аршан», «Нилова пустынь», детский костнотуберкулезный санаторий [РГАКФД. Кинофонд. № 2718].

Еще одним фильмом, снятом в духе своеобразного агитационно-пропагандистского ознакомительного путешествия, стал кинофильм «По Бурят-Монголии», снятый в 1929 г. режиссером Л. Степановой [РГАКФД. Кинофонд. № 2686]. Фильм демонстрирует разнообразные пейзажи БМАССР, а также жилища бурятов, семьи бурят-скотоводов, обряды и религиозные праздники, дацаны; показана панорама древнего монгольского кладбища. Отдельной темой выделяется «нищета чумов и богатство дацанов». Как контраст к началу фильма далее идет рассказ о достижениях советского строительства на территории БМАССР – митинг, посвященный 5-летию Бурят-Монгольской АССР; деятельность советско-германской экспедиции по борьбе с сифилисом (осмотр населения медперсоналом экспедиции, диагностика и лечение сифилиса, выступление профессоров В.М. Броннера (СССР), М. Иесснера (Германия), доцента Н.Л. Россиянского перед населением); в заключении идут кадры «нового быта в советской Бу-

рятии» – дети-буряты на занятиях в школе, быт семьи в новом чистом чуме.

Изначально данное направление работы находилось в ведении Народного комиссариата по просвещению (политико-просветительский отдел), в 1926 г. обслуживание населения кинопросветительской работой было передано Наркомпросам всех аймачных отделов народного образования. В этот период по одной кинопередвижке работало в Агинском, Аларском, Боханском, Баргузинском, Верхнеудинском, Эхирит-Булагатском, Тункинском, Троицкосавском, Хоринском аймаках [7, с. 70.]. Демонстрация и просмотр в расширяющейся киносети документальных и художественных фильмов становится неотъемлемой частью повседневной жизни населения. Особенно важное значения уделяли демонстрации агитационно-пропагандистских киножурналов и кинолетописей.

В 1930-х гг. растет количество фильмов и киносюжетов, снятых на территории БМАССР. Так в РГАКФД выявлено 19 кинодокументов, включая документальные фильмы и киножурналы, снятые на территории Бурятии до 1941 г. Важной особенностью является появление среди выявленных документов 1931-1941 гг. звуковых кинолент. Сюжеты о Бурят-Монгольской АССР нередко входят в состав регулярно выпускавшихся киножурналов, таких как «Союзкиножурнал», «Совкиножурнал», «Социалистическая деревня» и других.

Среди выявленных киноисточников РГАКФД отметим 4 номера «Союзкиножурнала», выпускающихся студией «Союзкинохроника». Первый из них относится к 1931 г. Киножурнал состоит из 4 сюжетов, посвященных различным учреждениям Советского Союза. Четвертый сюжет иллюстрирует г. Верхнеудинск и процесс лесозаготовок на предприятии города. [РГАКФД. Кинофонд. «Союзкиножурнал № 33\377». № 2209]. В 1932 г. режиссером С. Гуровым выпущен новый номер «Союзкиножурнала». В сюжете №3 сняты геодезисты, ведущие изыскательские работы на месте предполагаемого строительства Вагоно-паровозоремонтного завода. Режиссером С. Бубриком в № 16 «Союзкиножурнала» за 1935 г. также размещены кадры с пейзажами БМАССР. Небольшой сюжет короткого киножурнала посвящен охоте на соболей в республике [РГАКФД. Кинофонд. «Союзкиножурнал № 16». № 4365]. В 1940 г. важным событием в жизни БМАССР, запечатленном в 73 номере «Союзкиножурнала», стала декада Бурят-Монгольского искусства в Москве.

В 1930-х гг. студией «Союзкинохроника» выпущено также 4 номера киножурнала «Совкиножурнал» с отдельными сюжетами, снятыми в БМАССР. «Совкиножурнал № 1. Восточная Сибирь» (1932) иллюстрирует борьбу с наводнением в г. Верхнеудинске [РГАКФД. Кинофонд. № 12796]; в 1935 г. выходит «Совкиножурнал» с сюжетом о паровозо-вагонном ремонтном заводе; тот же киножурнал в 1936 г. демонстрирует вручение представителям Бурят-Монгольской АССР орденов в Кремле В.М. Молотовым, К.Е. Ворошиловым и И.В. Сталиным [РГАКФД. Кинофонд. № 2850]. В киножурнале № 33 (1938) режиссером Н. Кармазинским показана

документальная съемка улиц и домов г. Улан-Удэ [РГАКФД. Кинофонд. № 2998].

Встречаются сюжеты о БМАССР и в других киножурналах. Так, в 1932 г. уборка хлеба в колхозе «Красный Нельхай» показана в киножурнале «Восточная Сибирь» (№2) [РГАКФД. Кинофонд. № 12794]. Большая часть киножурнала «Пионерия» (1933 г.) посвящена видам Бурят-Монгольской республики – селения кочевников, юрты, поселок бурят, колхозный тракторист вспахивает поле, женщины стригут овец, школьники на уроке в классе, врач обследует пациента. Здесь же съемка Улан-Удэ с высоты птичьего полета во время парада физкультурников [РГАКФД. Кинофонд. № 2493]. Киносюжеты, посвященные социалистическим достижениям в БМАССР, выходят также в двух номерах киножурнала «Социалистическая деревня»: в №12 (1935 г.) – кадры вспашки поля трактористом; в №1 (1936 г.) подробно демонстрируются производственные процессы на стекольном заводе г. Улан-Удэ [РГАКФД. Кинофонд. № 2662, 3352].

Отдельно нужно отметить два звуковых киножурнала. В 1937 г. №4 киножурнала «СССР на экране» был выпущен с комментариями на английском языке для демонстрации в том числе за рубежом. Первый сюжет киножурнала посвящен лыжному переходу по маршруту Улан-Удэ-Москва (лыжницы Бурят-Монголии во время перехода по маршруту Улан-Удэ-Москва; лыжницы финишируют в Москве) [РГАКФД. Кинофонд. № 3472]. Звуковой киножурнал «Железнодорожник» (1939 г.), созданный на центральной студии документальных фильмов режиссером С. Репниковым, включает в себя шесть сюжетов по истории советской железной дороги. На территории БМАССР демонстрируется состояние Восточно-Сибирской железной дороги, показано новое здание вокзала г. Улан-Удэ, детей, играющих в комнате матери и ребенка [РГАКФД. Кинофонд. № 4840].

В 1930-е гг. отдельные киносюжеты, снятые в БМАССР, вошли в состав ряда кинофильмов, как немых, так и со звуковым сопровождением. Так, в 1933 г. на экраны страны выходит кинофильм «Репорт миллионам». Изначально фильм был посвящен V Всесоюзному съезду Советов, но впоследствии стал своеобразным фильмом-отчетом о наиболее значимых достижениях советского государства. Небольшая часть киноряда посвящена Бурят-Монгольской республике – верующие разных религий на молитве, пляска шамана; в противоположность этому даны кадры уборки урожая в колхозах республики, кадры с отрывками сюжетов о медицинском осмотре населения Бурятии, занятия молодежи в спортивных залах [РГАКФД. Кинофонд. № 4010]. Сюжет о БМАССР входит и в кинофильм 1935 г. «Кто лучше? Кто скорее?», созданный студией «Союзкинохроника». На примере Бурят-Монгольской АССР в фильме показаны строительство, занятия в новых школах, борьба с неграмотностью, обработка земли тракторами, проведение электричества [РГАКФД. Кинофонд. № 3733]. Еще один звуковой фильм «Народонаселение СССР» демонстрирует многонациональность Советского Союза, в том числе небольшой сюжет посвящен бурятам и их быту [РГАКФД. Кинофонд. № 13522].

Наконец, в 1940 г. Восточно-Сибирской студией кинохроники (режиссер В. Будилович, оператор О. Зекки) был снят кинофильм «В Бурят-Монголии». В нем демонстрируются пейзажи Бурятии и Забайкалья, различные сельскохозяйственные работы в одном из колхозов Бурят-Монгольской АССР, небольшой репортаж о колхознице Семеновой (чай в кругу друзей и родных, работа на скотном дворе), вручение орденов колхозникам Бурятии М.И. Калининым [РГАКФД. Кинофонд. № 13443]. В этом же 1940 г. на Новосибирской киностудии «Техфильм» режиссером Н. Соколовыми и оператором Б.А. Жилиным был снят звуковой кинофильм «Байкал». Это полноценный документальный фильм об озере Байкал и населении, живущем на его берегах – показаны виды озера и часть берега, плывущий по озеру парусник, скалы; озеро на карте СССР; реки и ручейки, несущие воды с гор в озеро Байкал, которые сменяют кадры сплава баргузинского леса по горным рекам, рабочие на лесосплаве связывают бревна. Продолжают фильм кадры работы рыболовецкой артели и рыбной копильни. Отдельным сюжетом демонстрируется внешний вид и работа в цехах консервного завода с. Усть-Баргузин. Показаны и пейзажи Баргузинского заповедника. Завершает кинофильм прогулка по реке и озеру на теплоходе, где теплоход плывет по реке, пассажиры осматривают берега, виды берегов, озеро Байкал на закате солнца, стада овец на пастбище [РГАКФД. Кинофонд. № 32913].

В 1941 г. студией «Монголкино» был снят совместный монголо-советский звуковой фильм «XX лет МНР» [РГАКФД. Кинофонд. № 9814]. Основная часть фильма демонстрирует киносюжеты из жизни Монголии, однако небольшая часть фильма посвящена БМАССР (работа в цехах промышленного комбината г. Улан-Удэ, больница, детский сад, школы Верхнеудинска, занятия студентов педагогического техникума, прибытие советской делегации на празднование 20-летия МНР).

К концу 1930-х гг. относится большой блок сюжетов, снятых Восточно-Сибирской студией кинохроники [ГАИО. Ф. Р-1390. Оп.1. Д. 1. Л. 7]. В студии сложился талантливый коллектив режиссеров и операторов, снявших десятки документальных сюжетов по Восточной Сибири. С момента создания ВССК (1932) выпускался киножурнал, включающий в себя документальные кадры, снятые в нашем регионе. В Иркутском областном кинофонде хранится 7 выпусков киножурнала «Восточная Сибирь» за 1939-1941 гг., включающих в себя киносюжеты, снятые на территории Бурят-Монгольской АССР. Каждый из выпусков киножурнала содержит в себе от 3 до 6 сюжетов на различные темы, снятых в том или ином регионе Восточной Сибири.

Из отснятого документального материала в 1939 г. был создан кинофильм «Советская Бурят-Монголия». Видеоряд кинофильма, созданный ассистентом режиссера С.В. Никитиной и ассистентом оператора В.А. Громоздинским, сопровождался музыкальными композициями. В фильме демонстрируются пейзажи, снятые на территории БМАССР; г. Улан-Удэ, его улицы, здания, проезжающие машины, прохожие на улицах города. Отдельной частью в фильме освящаются достижения в сельскохозяйствен-

ном и промышленном строительстве в столице и селах республики – сюжет о паровозо-вагоном ремонтном заводе (цеха и рабочие); колхоз им. Тельмана (стада овец и коров, знатные пастухи и доярки).

В 1939 г. было выпущено 3 номера киножурнала «Восточная Сибирь» с сюжетами, иллюстрирующими различные стороны жизни в БМАССР. Так в №1 киножурнала включены кадры катания зимой на санках и с горки, отдых детей в Улан-Удэнском городском парке. Особый интерес вызывает киножурнал «Восточная Сибирь» № 70, выпущенный в декабре 1939 г. [Иркутский областной кинофонд. № 345]. Весь выпуск киножурнала посвящен БМАССР – пейзажи побережья озера Байкал, сцены охоты на пушного зверя, панорамы улиц и зданий, повседневная жизнь г. Улан-Удэ, крупнейшее промышленное предприятие республики – Паровозо-вагонный ремонтный завод, а также кадры, снятые в колхозе им. Тельмана – стада мелкого и крупного рогатого скота, колхозники за работой, знатная доярка Т. Желсанова за дойкой коровы.

В 1940 г. выходят еще три выпуска киножурнала «Восточная Сибирь», информирующие об общественно-политической, экономической и культурной жизни БМАССР. Так, в январском выпуске один из сюжетов посвящен рабочим республиканской типографии [Иркутский областной кинофонд. № 456], в №2 размещен сюжет о праздновании дня именинника в одном из пионерских лагерей республики, снятый оператором Л. Гроцким [Иркутский областной кинофонд. № 457]. Артиллерийским стрельбам в БМАССР, посвящена заключительная часть №12 (артиллерийские учения одной из частей Забайкальского военного округа, расквартированной в БМАССР, бойцы, командиры воинской части во время выполнения учебных задач) [Иркутский областной кинофонд. № 463].

В 1941 г. неоднократные кино съемки на территории Бурятии проводил оператор О. Зекки. Его киноматериал вошел в различные номера киножурнала «Восточная Сибирь». Так, в № 2 (январь 1941 г.) включены два киносюжета – «Хандагатайские лесорубы» и «Лагерь отличников». В первом сюжете запечатлены работы по заготовке древесины в Хандагатайском механизированном лесопункте БМАССР – панорамы зимнего леса, стахановцы лесопункта и его директор – тов. Куцубин [Иркутский областной кинофонд. № 521]. Второй сюжет иллюстрирует отдых детей-отличников в доме отдыха «Верхняя Березовка» – дети, гуляющие по зимнему лесу и катающиеся на лыжах. В №3 включен киносюжет «Стахановское депо», о работе депо железнодорожного вокзала г. Улан-Удэ – панорамы цехов, станки, передовики производства [Иркутский областной кинофонд. № 527].

В большинстве киносюжетов отсутствует уточненная локализация, однако известно, что съемки велись в Селенгинском аймаке (Селенгинск, могила Н. Бестужева, виды реки Селенги), Аларском аймаке (съемки уборки хлеба в колхозе «Красный Нельхай»), Баргузинский аймак (съемки сплава леса по р. Баргузин, съемки Консервного завода с. Усть-Баргузин), Тункинский аймак (съемки совещаний Тункинского аймачного исполкома, съемки курорта «Аршан»).

Первым художественным фильмом о Бурятии стал «Домик на Бай-

кале» (в некоторых случаях документы говорят об «Избушке на Байкале»). В ряде источников упоминается фильм «ЦАМ» по сценарию П. Дамбинова (1926), однако документарно его выход подтвердить пока не удалось. К этому же периоду относится фильм «Разбитые боги» режиссера А. Лемберга (в источниках даты разнятся – 1924 или 1929 гг.). В 1934 г. многие артисты бурятского народного театра были приглашены на съемки фильма «Наместник Будды», по завершению запрещенный к показу из-за развернувшейся в стране агрессивной антирелигиозной компании; два года спустя вышел фильм «Девушка западной юрты».

Уникальные кинокадры, снятые в БМАССР, вошли отдельными эпизодами в широко известный художественный фильм режиссера В.И. Пудовкина «Потомок Чингисхана» («Буря над Азией») (1928). Фильм снимался в Верхнеудинске, на станции Дивизионная и в других местах города, Селенгинске, Тарбагатае, Ганзурино, Боргойской степи. Часть съемок была организована, с разрешения Пандито Хамбо-ламы, в Тамчинском дачане. В результате были получены уникальные кадры мистерии Цам, имеющие большую этнографическую ценность.

Выявленные киноматериалы являются документальным подтверждением процесса создания Бурят-Монголии как части советского социалистического государства. Исследование источников подобного типа позволяет более полно осветить социально-политические, экономические, культурные преобразования, осуществлявшиеся в довоенной Бурятии. Документальное кино дает возможность более глубокого осмысления формирования у населения Бурятии нового самосознания в духе социалистических преобразований.

Примечания

1. Баторова Д. Бурятское кино – история и национальная гордость: [беседа с поэтом А. А. Мухраевым] // Бурятия. 2015. 16 сент.

2. Дашибалова И. Н. Бурят-Монгольская Олимпия: иконография пеще-лыжного перехода «Улан-Удэ – Москва» 1936-1937 гг. (по визуальным материалам региональных СМИ) // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 1. С. 59-78.

3. Дашибалова И. Н., Базаров А. А. Кинофиксация бурят: советский репертуар в диахронии // Журнал социологии и социальной антропологии, 2014. Т. 17, № 273. С. 180-192.

4. Дашибалова И. Н., Базаров А. А. Кинодокументальная хроника как источник изучения бурятской этничности // Власть. 2013. № 6. С. 102-106.

5. Дашибалова И. Н., Базаров А. А. Бурятская идентичность и три слоя кинодокументальной реконструкции // Вестник БНЦ. 2013. № 3. С. 50-58 ; № 4. С. 88-96.

6. Дымчикова Ж. История бурятского кино : обзор кино в Бурятии и его перспективы. 5 июля 2014. URL: <http://soyol.ru/art/kino/705/>.

7. Затева Н. А. Татарова С. П. Социально-культурная деятельность в Восточной Сибири: история становления, современное состояние и перспективы развития. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010.

8. Идыгов А. «Наместник Будды». Фильм, который не вышел в прокат // МК в Бурятии. 2012. 15 февр.
9. Мухраев А. А. История бурятского кино – ступени успеха. Улан-Удэ, 2015.
10. Номогоева В. В. Бурятия в 1920-1930-е гг.: опыт социально-культурной модернизации. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 2011.
11. Рутковский А. Г. Принципы и методика жанрового анализа фильма : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1985.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008(571.5) + 304.2

Кургузов В. Л.

Kurguzov V.L.

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

THE FEATURES OF THE CIVIL SOCIETY FORMATION IN THE EASTERN SIBERIAN CULTURAL SPACE

В статье отмечается, что культурное пространство Восточной Сибири характеризуется не только своей гигантской территорией, но и многонациональным составом населения, территорией, граничащей с сопредельными государствами Центральной Азии, что в свою очередь подчеркивает геополитическое значение этой части России. В решении политических, экономических, социальных проблем возрастает значение формирования и развития гражданского общества этого региона, роста его авторитета и влияния на решение всех актуальных проблем современности.

The article considers that the Eastern Siberian cultural space is characterized not only by its huge territory, but by the multinational composition of the population and territory, bordering the neighboring states of Central Asia, which in turn, underlines the geopolitical significance of this part of Russia. The significance of formation and development of the civil society of this region, growth of its prestige and influence on all burning problems solution, the value of the formation and development of civil society in this region are increasing while tackling political, economic and social problems.

Ключевые слова: Россия, Восточная Сибирь, регион, гражданское общество, политика, экономика, культура.

Keywords: Russia, Eastern Siberia, region, civil society, politics, economy, culture.

Одной из самых значимых особенностей культурного пространства Восточной Сибири является то, что этот обширный регион Российской Федерации являет собой многонациональный конгломерат его населения. Наряду с русскими, удельный вес которых в составе населения занимают стабильное большинство, здесь проживает аборигенное население, которое имеет свои национально-государственные формирования.

В частности, за годы советской власти здесь сформировались национальные республики бурят, тувинцев, хакасов и якутов. Долгое время в состав Читинской области (ныне Забайкальский край) входил Агинский бурятский национальный округ, в состав Иркутской области – Усть-Ордынский бурятский национальный округ. Последующие изменения их статуса не имеют в данном случае принципиального значения, ибо нацио-

нальный состав населения этих административных формирований не претерпел каких-либо значимых изменений. Существенным можно считать лишь то, что Республика Саха (Якутия) стала административной частью дальневосточного региона.

Динамика развития межнациональных отношений в годы советской власти характеризовалась не только ростом городов и сел, промышленных предприятий, учебных заведений и учреждений культуры и образования в этом гигантском регионе страны, но и быстрым ростом числа весьма разнообразных общественных организаций созданных по инициативе граждан уже с первых лет советской власти, что само собой вызвало необходимость ускорения выработки принципов взаимоотношений добровольных объединений граждан, органов формирования новых механизмов контроля государства за деятельностью подобных объединений.

Однако, если в первые годы советской власти государство считало для себя возможным формирование гражданского общества, осуществляя даже поддержку различных благотворительных организаций, таких как общество атеистов, общество Красного креста, Русское театральное общество и пр., то в дальнейшем эта идеология меняется в сторону ужесточения регламентации деятельности различных негосударственных структур, что привело к свертыванию процесса развития гражданского общества.

И все же, в порядке промежуточного вывода можно утверждать, что советское государство пыталось активизировать общественную деятельность через добровольные общественные объединения для того, чтобы последние управляли различными процессами развития социалистического общества, а общества должны были играть роль своего рода «приводных ремней» от партии к массам. Не случайно то, что структура практически всех добровольных гражданских обществ прямо копировала структуру партийных органов.

Современное состояние гражданского общества в культурном пространстве Восточной Сибири уходит своими корнями в процессы этнической активности, особым образом проявившей себя в конце XX в. Хорошо известно, что именно в этот весьма сложный период развития нашей истории активно проявили себя большинство форм гражданских инициатив, всех институтов гражданского общества.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на драматизм ситуации (распад Советского Союза, устранение КПСС с политической арены в жизни государства, возникновение десятка новых партий и общественных движений, принятие новой Конституции РФ, война в Чечне и пр.), межнациональные отношения в регионе Восточной Сибири не переросли в стадию межнациональных конфликтов, хотя для этого в тот период истории было немало предпосылок.

В тот драматический период нашей истории не только лидеры, но и все население национальных республик Восточной Сибири, кажется, хорошо понимали, что в системе межнациональных отношений субъектом *ответственности* является вся *нация* в своей целостности. Население

национальных районов Восточной Сибири хорошо понимало, что никакая группа людей, какой бы «прогрессивной» она себя не считала, тем более ни один лидер, какими бы действительными или мнимыми заслугами он не обладал, не имеет оснований и права выдавать свои узко политические интересы за интересы общенациональные.

Реалии тех драматических дней убедительным образом показали, что в культурном пространстве Восточной Сибири, ее многонациональный народ доказал, что такие попытки дестабилизируют общественное спокойствие и таят угрозу перерастания популистского национализма в национализм экстремистского толка независимо от преследуемых целей. Ибо если сто с лишним лет назад национализм раскручивали под **социальными** лозунгами, то в наши дни – под **националистическими**.

Реалии сегодняшних событий на Украине и на Ближнем Востоке полностью подтверждают этот наш вывод. Парадоксально, но палач украинского народа, гитлеровский наймит Степан Бендера сегодня стал символом борьбы против русского народа, который был основной силой, которая сломала хребет гитлеровскому фашизму.

Во избежание использования этнических организаций и движений для обострения межнациональных отношений необходимо неуклонное соблюдение действующего законодательства органами, регистрирующими и контролирующими деятельно всех некоммерческих организаций. Полагаю, что в культурном пространстве любого региона России необходимо на постоянной основе проведение этнологической экспертизы учредительных документов всех общественных объединений при их регистрации, а также их последующих действий.

Однако попытки изощренных методов раскола единства нашей страны в прошедшие два десятилетия все же были.

Например, вдруг ни с того ни с сего в России появились как грибы турецкие лицеи. Возникает вполне уместный вопрос: «С каких это пор Турция стала законодательницей мод в образовании, если в самой Турции нет никакой **системы** этого самого образования?». Ответить на этот вопрос можно, уяснив некоторые детали. Во-первых, активисты гражданского общества России обратили внимание на один факт и задались вопросом: «А кто в этих лицеях учится?». Оказалось, преимущественно дети номенклатуры. Дети местной элиты, национальной в том числе. Кто финансировал эти лицеи? Фонды США. По какой логике они располагались на карте России? По вертикали, на которой было тюркское население: Якутия, Тыва, Горно-Алтайск, далее на юг только тюркские народы. Вторая вертикаль – волжский каскад: Татарстан, Башкирия, рядом регионы Кавказа, ну а далее – все тюркские государства, где в настоящее время идет кровопролитная война.

Итак, дети элиты растут и вряд ли пополнят ряды пролетариата. Скорее всего, окончив вузы, сделают с помощью родителей быструю карьеру не только в экономике, но и в политической жизни страны. Не менее интересно и другое. Вертикаль размещения этих лицеев фактически рас-

членяет Россию на три части. И о целостности Российского государства в этом случае можно будет только мечтать...

Дело дошло до того, что в одном из регионов Восточной Сибири директором турецкого лица был человек, не имеющий паспорта. И только благодаря бдительности представителей гражданского общества, которые выразили свое возмущение не только в письмах к представителям власти, но и в газетных статьях, этот лже-педагог был лишен права заниматься педагогической деятельностью. Любопытно, что в числе его защитников были жены номенклатурных работников, явно подкупленные турецкими так называемыми «золотыми» картами. Все эти факты стали темой бурного обсуждения в местной прессе, а в публикациях граждан твердо звучала патриотическая позиция по данному вопросу.

Если в последнее время эти лица притихли, то вплоть до наших дней в культурном пространстве региона Восточной Сибири, как и по всей России, свободно действовали храмы свидетелей Иеговы. Почему они действовали – не знаю. Но знаю то, что руководящие органы этой церкви находятся в Бруклине (США) и, естественно, финансируются оттуда. Соответствует это нашим национальным интересам? Не думаю. Поэтому закрытие этих храмов всячески приветствую.

Представители гражданского общества нашего региона выражают сегодня свое твердое мнение о том, что правоохранительные органы должны жестко и решительно пресекать действия подобного рода организаций и их лидеров, направленные на обострение межнациональных отношений и нарушение прав граждан.

Следует полностью согласиться с выводом отечественного правоведа В. Черного о том, что: «Многие нарушения в национальных отношениях происходят из-за неспособности органов государственной власти, включая и правоохранительные органы, обеспечить законность и правопорядок, защитить или восстановить права, свободы граждан, из-за недостатков в их деятельности, отсутствия эффективного механизма реализации конституционной ответственности государства перед обществом» [1].

В порядке общего вывода стоит особым образом подчеркнуть, что обязательным условием прогрессивного развития поликультурного пространства Восточной Сибири является гражданское согласие. А его достижение невозможно без построения зрелого гражданского общества. Поэтому проблемы его становления и функционирования весьма актуальны и должны находиться в сфере постоянного внимания к ним со стороны не только государства, но и общества в целом.

Примечания

1. Черный В. Перспективы гражданского общества в России // Обозреватель. 2007. № 2. С. 48-61.

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК СОВРЕМЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В КУЛЬТУРЕ

POSTMODERNISM AS A CURRENT TREND IN CULTURE

В статье проведен анализ теории постмодернизма, выделена главная методологическая линия – критическое отношение к однозначным убеждениям, оценкам, ценностям, методам поиска знаний и истины. Подчеркнуто, постмодернизм сочетает в себе разные, даже противоположные дискурсы, и претендует на истинность суждений. Ключевым положением в методологии постмодернизма является интерес к микроуровню социальных взаимодействий, к субъективным исследованиям повседневной жизни.

The article analyses the theories of postmodernism, underlines the main methodological line – critical attitude to unequivocal beliefs, estimates, values, methods of knowledge and truth search. It is stressed that postmodernism combines different, even opposite discourses, and pretends true judgements. The key provision of postmodernism is the interest to a microlevel of social interactions, subjective research of daily life.

Ключевые слова: постмодерн, постсовременность, эмпатия, качественные методы, парадигма, плюрализм.

Keywords: postmodernism, empathy, qualitative methods, paradigm, plurality.

Понятие «постмодернизм» большинством теоретиков применяется в отношении «постсовременности» как этап развития культуры, науки и смены парадигмы в доминирующем мировоззрении. Мы намереваемся принять интерпретацию понятия «постмодернизм», как постсовременную тенденцию в культуре и производстве знания в целом. Явление постмодернизма нас интересует своей специфической эпистемологической стратегией, методологическими принципами в исследовании действительности. Поэтому начальной нашей задачей было определить сущность постмодернистских принципов и идеалов, чем отличаются они от основных теоретико-методологических парадигм классики и модерна.

Модели постмодернистской ментальности начали складываться, в первую очередь, в культуре. В культуре, искусстве постмодернизм «опознается» по ряду однозначных признаков: разрушению барьеров между массовой и элитарной культурой; мозаичностью, принципиальной фрагментарностью культурных текстов; ироничностью; смешением жанров («гибридизация») [2, с. 29].

Как бы ни понимался постмодернизм – как культура, как философия или как критический метод, большая часть комментаторов согласна с

тем, что он критически анализирует ценности, идеи убеждения и знания, доминировавшие в модерне. С постмодернистской точки зрения, идеи, убеждения и методы, которые доминировали в модерне, означали специфический период истории западного мира. Однако сегодня они становятся неактуальными. В интерпретации постмодернистов считается, что идеалы модерна включают модель личности стабильной, рациональной, опирающейся на разум и науку, которая обеспечивает объективную базу знания, что истина базируется только на научном знании.

Ключевым понятием для постмодернистов является понятие дискурса. Истина для постмодернистов – эффект дискурса. Представитель американского постмодернизма Джоан Флэкс дает исчерпывающее определение этому понятию. Истинностные суждения может формировать тот, кто принимает правила некоторого дискурса или готов сочетать несколько дискурсов. В любом дискурсе существует набор правил, законов, которые диктуют и определяют то, что можно принимать за истину. Каждый дискурс или «дискурсивное образование» в одно и то же время и предоставляют, и ограничивают возможности. Правила дискурса позволяют нам формировать определенные типы высказываний и истинные суждения, но они же и вынуждают нас оставаться внутри данной системы и формировать только те высказывания, что согласуются с ее правилами. Сам по себе дискурс не является истинным или ложным, потому что истина зависит от контекста. Не существует таких дискурсивно независимых или трансцендентальных правил, что могли бы управлять дискурсами или выбором между ними. Это не значит, что истины нет вообще, но скорее, что она дискурсивно зависима. Однако не существует такого козыря, заходя с которого, мы могли бы разрешать все споры [4, с. 635]. Предварительная согласованность правил, а не непреодолимая сила или объективная истина позволяют разрешать конфликты.

Постмодернистские дискурсы прерывают властвующие нарративы Запада. Открытие нового знания может зависеть от раскола существовавших ранее властных отношений. Один из видных представителей постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар считает, что в упрощенном виде постмодернизмом можно называть недоверие в отношении «метарассказов» – метанарративного механизма легитимации знаний. Поэтому наука должна была легитимировать свои правила игры через создание метадискурса. Когда этот метадискурс применяется к тому или иному «великому рассказу», то науку, которая соотносится с этим метадискурсом, называют модерном. В модерне, таким образом, истиной считается то, что считается приемлемым научным сообществом и вписывается в «возможное единодушие рассудительных умов» [3, с. 9-12], таким образом, в модерне знание легитимизируется через метарассказ, или большой нарратив.

Основная критика Лиотара направлена против «больших нарративов», великих повествований, «метарассказов», он считает, что за большинством нарративов скрывается вымысел. Питер Бергер и Томас Лукман в своем знаменитом трактате «Социальное конструирование реальности» [1] исследуют социальную обусловленность процессов развития, передачи

и сохранения знания и конструирование реальности на основе этого. По нашему мнению, механизм возникновения институтов, данный Бергером и Лукманом, можно применить в анализе возникновения метанарративов в классическом периоде и модерне. Данный механизм может стать инструментом анализа того, как знание становится «великим» рассказом – метанарративом, в частности, как религиозные представления, основанные на религиозном опыте, становятся априорным знанием и переходят в статус само собой разумеющейся реальности для религиозного человека.

Применяя методологию Бергера и Лукмана можно сконструировать некую общую модель становления социального института и его теоретической основы. Бергер и Лукман в производстве знания в обществе специфическую роль отводят группе людей, к примеру, ученых или религиозных деятелей, владеющих и создающих специфический высший вид знания, эту группу они причисляют к рангу «специалистов», которые и конструируют теоретические знания и соответствующую реальность, понятную, легитимную им, «в единодушии умов». Такие знания и такая реальность для их создателей, для «первого поколения» абсолютно прозрачны, понятны, и более того, они могут в любое время вносить какие-либо дополнения, изменения, если считают это нужным, то есть зачатки расширяющегося институционального порядка находятся в процессе конструирования, творятся их руками.

На второй стадии институциональный мир, созданный «специалистами» передается другим, следующему поколению, на этом этапе типизации становятся историческими институтами. С обретением историчности эти институты обретают новое качество – объективность, то есть начинают восприниматься независимо от тех индивидов, которые создавали эти знания и воплощали их. Когда уходят первые создатели, знание – институты, созданные ими, приобретают метафизическую реальность, которая может быть непонятна приемникам, но их следует строго придерживаться. Людям трудно жить без надежной почвы под ногами и онтологических или трансцендентальных гарантий свыше. Поэтому мы не можем понять знание, не прослеживая воздействия властных отношений, одновременно предоставляющих дискурсивные возможности и ограничивающих их [1, с. 80-151].

Так возникают «нормативы» [5], ритуалы, значение которых может быть давно утеряно, но которые строго соблюдаются в соответствии с главным дискурсом. Таким образом, институт становится объективной реальностью, с которой индивид сталкивается как с внешним фактором, которому нужно подчиняться и принимать априори. По всей вероятности, именно по описанному социальному механизму возникает метанарратив как властный дискурс классического периода и модерна в социальной реальности.

Итак, постмодерн – это непринятие главного нарратива, метарасказа.

Теряется главная тема нарратива, как главный герой, преодолевающий великие опасности и достигающий великих целей. При этом не стоит

считать, что в постмодерне преобладает или разочарованность или слепая позитивность установки. В таком случае, в чем заключается легитимность знания в эпоху постсовременности. Постсовременное знание, считает Лиотар, «оттачивает нашу чувствительность к различиям и усиливает нашу способность выносить взаимонесоразмерность. А основанием его самого является не гомология экспертов, а парология изобретателей» [3, с. 9-12]. Теоретики постмодерна ставят перед собой задачу сделать нас более чувствительными к тому, что мы можем знать и чего мы не можем знать («вещи в себе»), а также и к природе наших утверждений, особенно когда речь идет об обобщениях по поводу «других» дискурсов.

Отложив в сторону вопрос о том, актуален ли основной корпус идеологии модерна, рассмотрим альтернативный набор убеждений, который разделяют постмодернисты. Постмодернисты считают, что концепция личности противоречива, нестабильна и социально сконструирована. Концепция определения легитимности и авторитета, конкретно идея множественности форм. Концепция истории не линейной, не обязательно прогресситской, концепцию общества, основанную на оценке различий без оппозиций [4, с. 213].

Дж. Флекс как представитель постмодернизма утверждает, что все эти эпистемологические разговоры бесполезны и бессмысленны, что необходимо совершить радикальный «бросок на другую территорию» [4, с. 636]. Исследователь предлагает сменить термины этой дискуссии: от отношений между знанием и истиной перейти к отношениям между знанием, желаниями, фантазией и властью в разных ее видах. Эпистемологию предлагается переосмыслить как генеалогию и изучение социальных и бессознательных отношений в производстве знания.

Некоторые исследователи считали, что постмодернизм – это область, относящаяся только к культурной сфере. Однако одновременное принятие разнородных парадигм, радикальный плюрализм и концепуальная гетерогенность, характерные для постмодернизма, это принцип постсовременного общества в целом. Диверсивность, разнообразность, присущая постмодернизму, свойственна одновременно всем областям исследования реальности в целом.

Расхождение науки, искусства и духовности – признак рациональности западной культуры, – считает Юрген Хабермас. В дискурсе постмодерного видения мира в орбиту включается все разнообразие знаний о действительности. Такой подход делает мир разноплановым, эклектичным, фрагментарным, разнообразным. Постмодернизм – одна из магистральных тем западной эпистемологии последних лет XX в. Философское осмысление достижений постнеклассической науки (после классики, после модерна), которые никак не укладывались в рамки рационалистического дискурса, привело к выводу о необходимости изменения эпистемологической стратегии в целом.

Постмодернизм как теоретический подход часто отождествляют с постструктурализмом, который разделяет ряд его критических методов и целей. В отличие от структуралистов, представители постструктурализма

утверждают новый тип организации научного сознания. Феномен «соединения несоединимого» отражает современную духовную и интеллектуальную ситуацию, когда доверие к традиционному «метарассказу» утрачено.

Наряду с постмодернизмом нужно отметить еще одно постсовременное направление постструктурализм, в котором доминирует так называемое методологическое сомнение по отношению ко всем признанным истинам, установкам, нарративам. В общем плане теория постструктурализма представляет собой философский релятивизм, «эпистемологическое сомнение».

В рамках постструктурализма развивается качественная методология социально-антропологического и социологического исследований. Приоритет качественной методологии основан на анализе биографических документов – писем, дневников, воспоминаний, устных историй, т.е. исследованиях повседневной жизни обычного человека. В развитии и утверждении качественной методологии большую роль сыграли ранние работы немецкого психолога Вильгельма Дильтея, который впервые применил *verstehen* (нем. – понимать) в значении, вдохновившем Макса Вебера на развитие понимающей социологии. Дильтей придавал большое значение эмпатии, как способе понимания чужой субъективности. В последующем эмпатийное понимание было помещено в центр гуманитарных наук, как герменевтика и другие варианты качественных исследований [5, с. 40].

Таким образом, постсовременная ситуация в культуре требует выработки новой программы развития гуманитарных исследований. Некоторые известные программы развития в дискурсе постмодерна были рассмотрены в данной статье. Возможны и другие пути, но все они, думается, должны иметь общую черту – отсутствие границ между теоретическим и прикладным исследованием. Современные ученые должны прийти к пониманию того, что значительной проблемой исследования современности стала проблема легитимации субъективного знания, опыта жизненного мира человека.

Примечания

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995. 323 с.

2. Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. № 1. С. 16-136.

3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна // Хрестоматия по социальной философии / сост.: В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов). М. : Акад. проект, 2001. С. 527-529.

4. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 46-47.

5. Ярская-Смирнова Е. Р. Социальная антропология : учеб. пособие. Ростов н/Д. : Феникс, 2004. 416 с.

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РЕКЛАМНОГО
ТВОРЧЕСТВА**

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF ADVERTISING CREATIVITY

В статье рассматривается сила воздействия рекламы на общество 20-х годов XX века. Анализируется социально-культурный потенциал современной наружной рекламы.

The article considers the impact of advertising on society in the 20s of the XXth century. The socio-cultural potential of modern outdoor advertising is analyzed.

Ключевые слова: реклама, плакат, упаковка.

Keywords: advertising, poster, packaging.

*«Галоши Резинтреста
просто восторг!
Носят север,
запад,
юг и восток».*

Этот броский, сразу запоминающийся плакат почти столетней давности – пример того, как надо творить рекламу. Советская реклама 20-х (а затем и 30-х) гг. – одна из самых ярких, новаторских, впечатляющих. Ее расцвет связан с именами В. Маяковского, А. Родченко, Л. Лисицкого, Е. Лансере, А. Дейнеки, А. Зеленского, А. Мандрусова, А. Радакова и других мастеров. Далекое время, нелегкое для страны – промышленность очень слаба, дефицит продуктов, товаров, бумага плохая, полиграфия не на высоте. Но какая сила агитации в плакате «реклам-конструкторов» Маяковского и Родченко в газете «Известия» 1923 г.:

*«Все, что требует
сердце
тело или ум -
все человеку
предоставляет ГУМ».*

В книге Л. Корнилова и Н. Фильченкова «От глашатая до неона» приводятся слова Маяковского, которые формулируют отношение к новой рекламе: «В каждой военной победе, в каждой хозяйственной удаче на 9/10 сказывается умение и сила нашей агитации. Реклама – промышленная, торговая агитация» [2]. Врезающиеся в память, лаконичные двустишья и четверостишья Маяковского к бумажным конвертам, конфетным оберткам, рекламным щитам, графическое воплощение этих текстов гениально утверждали новую материальную культуру.

Какой юмор в известном плакате Маяковского и Родченко:

*«Лучших сосок
Не было и нет,
Готов сосать
До старости лет!»*

А как воспитывает, просвещает, убеждает:
*«Крестьянское хозяйство улучшит грамотей.
По учебникам ГОСИЗДАТа учи детей».*

Интересен факт того времени, что в газете «Известия» расценка за объявления для театров были льготные. Это было своего рода помощью театрам, и, в конечном счете – содействие «культурному росту масс».

Довольно красноречивыми свидетелями тогдашней новой эпохи была упаковка. Известно, что над оформлением всевозможных «емкостей-вместилищ» в то время работали именитые и неизвестные ныне – Конашевич, Евсеев, Цветков, Марков, Шварц, Хигер, Ушин. Классические примеры: зубной порошок «Культура», «Пионер», одеколон «Тройной», выпускающийся по сей день. Неоценимую творческую лепту в развитие графического дизайна внесли модернисты. Это неиссякаемый источник для дизайнеров всех времен. Одеколон «Север» Казимира Малевича, кубофутуристический дизайн папирос «Пушки» – это само время, сама среда. Поэтому хочется возвращаться к этой ярчайшей странице развития отечественной рекламы и дизайна. Сказанное Маяковским почти век назад актуально и сегодня. «Ни одно даже самое верное дело не движется без рекламы. Обычно думают, - писал он, - что надо рекламировать только дрянь – хорошая вещь и так пойдет. Это самое неверное мнение. Реклама – это имя вещи... Реклама должна напоминать о каждой, даже чудесной вещи... В СССР все должно работать на пролетарское благо. Думайте о рекламе» [4]. Завидное революционное отношение художника к продукции своего Отечества!

К началу 20-х гг. плакаты, лозунги, листовки, обращения и другие средства убеждения, служившие идейно-политическому воспитанию сложились в самостоятельное явление, которое Н. К. Крупская определила в курсе лекций «Основы культпросветработы» как «наглядная пропаганда и наглядная агитация» [3]. Важнейшую роль в наглядной агитации играла тема ударного труда, патриотизма, стремление к физическому и духовному совершенству.

Немало политической остроты, изобретательности, остроумия было вложено художниками в раскрытие внешнеполитической темы. С улыбкой вспоминаем сатирические плакаты и карикатуры, которые в то время вызвали одобрительные возгласы, крики возмущения, смех, аплодисменты народных масс. Сытый английский лорд, фанатик-милитарист, наглый янки, испанский фашист, японский самурай изображались в виде плоских и объемных фигур. Движения их рук, ног, головы соответствовали замыслу и теме плаката – осмеянию посягательств на мировое господство, бряцанье оружием, подавление «свободы трудящихся всего мира». Степень влияния наглядной агитации, сила воздействия на людей во многом зависели от художественных находок в области формы. Поиски художников и поэтов конечно приносили свои плоды. Очевидно, что максимальное воз-

действие на зрителя было достигнуто как бы взаимопроникновением логического и художественного начал, единством содержания и формы. В синтезе логического и эмоционального логическая часть, бесспорно, признавалась важнейшей, главенствующей по отношению к эмоциональной. Слоганы начала советского периода требовали четких формулировок и определений без чего не мыслилось правильное и действенное политическое и культурное воспитание людей. Тем не менее, мы знаем примеры, когда в плакатах главная содержательная нагрузка ложилась на художественно – изобразительные средства, рассчитанные на преимущественно эмоциональное воздействие. Тексты таких плакатов предельно лаконичны и обобщены – три, два и даже одно слово: «Рабочий – подними промышленность!», «Крестьянин – выполни продналог!», «Молодежь – на трактор!», «Даешь Турксиб!». Зато изобразительная составляющая была замечательным отражением авангардистской художественной среды.

Плакаты поднимали в душе зрителя ураган чувств, мыслей, ассоциаций. Лучшие из них можно рассматривать вновь и вновь, обнаруживая новые оттенки и грани мысли, удивляясь мастерству художника. Стоит позавидовать популярности визуальной культуры того времени! Кроме злободневности тематики, политической остроты, яркости формы уже в то время уделялось внимание разумному размещению повседневной наглядной агитации.

В 1921 г. всем партийным организациям было направлено письмо ЦК РКП (б) об улучшении распространения агитационной литературы – газет, листовок и плакатов, то есть о наглядной агитации. В частности, говорилось: «При расклейке немаловажное значение имеют: 1) выбор того или иного наиболее посещаемого места, 2) защищенность от дождя и порчи, 3) нормальное освещение (нужно избегать солнечной стороны, но нельзя наклеивать в плохо освещенном месте), 4) высота наклейки, 5) прочность клея, 6) застекление витрин и использование магазинных окон. Здесь необходимо проявить как можно больше практичности и внимания к удобствам читающих» [5]. Наглядная агитация «боролась» за индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства, участвовала в культурной революции и смогла сделать эти движения массовыми и эффективными. Странно, но запали в память ничего уже не значащие для нынешнего молодого поколения слова, бывшие когда-то лозунгами: «Религия есть опиум для народа», «Долой безграмотность», «Искусство принадлежит народу», «Даешь Турксиб!». Можно сейчас назвать справедливыми слова о боевом оружии кисти и пера, сказанные Демьяном Бедным, автором текстов многих политических плакатов:

*«Плакатами пестрят
все заборы,
Забудутся наши разговоры,
Уйдут в Вечность
острые моменты,
Но останутся
плакаты –
документы».*

Реклама всегда и везде отражала и отражает всю сложность той общественно-экономической формации, в которой она развивается.

Реклама 20-х гг. породила русский графический дизайн. В нашей стране в 1990-е гг. графический дизайн стал вдруг модной и престижной профессией. Я, как и многие другие, увлеченно работала над созданием фирменных знаков, логотипов, имиджевых плакатов, рекламных буклетов, над дизайном упаковки. Приятно было сотрудничать с вновь создававшимися малыми и большими предприятиями, которые производили новый отечественный товар. Товарный дефицит периода развитого соцреализма не оставил дизайнерам традиций культуры упаковки. А в это время «зарубеж» продолжал переживать упаковочный бум. Казалось, все должны были уже нарисовать и упаковать, тем не менее нас удивляли все новые находки дизайнеров «Запада» и «Востока». И вот товар хлынул на прилавки. Упаковка – скромный жанр графического дизайна, призванная сыграть свою роль в деле повышения продаж, являющаяся всего лишь инструментом завоевания покупательского рынка, получила вдруг уважение. Мало того, создатели упаковки (чаще всего имеющие художественное образование) самореализовывались в ней, создавая почти произведения искусства.

Еще раз хочется взбодриться воспоминаниями Родченко: «Работа над советской рекламой шла на полный ход. Володя писал тексты на рояле вечером, днем брал заказы или сдавал. Я с двумя студентами из ВХУТЕМАСа рисовал до утра. Вся Москва украсилась нашей продукцией. Вывески Моссельпрома. Все киоски наши... Черное, красное, золотое. Резинотрест, ГУМ, Огонек, Чаеуправление. Было сделано до 50 плакатов, до сотни вывесок, упаковок, оберткок...» [4].

Русский-советский графический дизайн первой половины XX в. – красноречивый свидетель своего времени, украшавший жизнь и будоражащий сознание представителей тогдашней новой эпохи...

Сегодня у каждого из нас имеются обоснованные взгляды на то, что такое реклама. Существуют различные мнения и предубеждения по этому поводу. В книге-учебнике Кортленда Л. Бове и Уильяма Ф. Аренса «Современная реклама» представлена следующая формулировка: «Реклама – это персонифицированная передача информации, обычно оплачиваемая и обычно имеющая характер убеждения о продукции, услугах или идеях известными рекламодателями посредством различных носителей. ...Все функции и факторы воздействия рекламы могут быть сведены в пять групп: маркетинговую, коммуникативную, образовательную, экономическую и социальную» [1]. Остановимся на социальной некоммерческой рекламе, которая нацелена на привлечение внимания к общественному явлению, на изменение поведенческой модели. Воспользуемся определением Кортленда Л. Бове и Уильяма Ф. Аренса целей и задач некоммерческой рекламы: «поощрять покупателей получить более подробную информацию; популяризировать социальные проблемы; изменять поведенческие проблемы; объяснить политические точки зрения; создать положительное мнение общественности по определенному вопросу; сообщить общественности о новом социальном течении; напомнить людям о необходи-

мости сделать еще одно пожертвование на некоммерческие цели» [1]. Создатели рекламы должны использовать потенциал воздействия рекламы на общественное поведение. Не могу удержаться от примера замечательного плаката в поддержку трезвости за рулем, созданного (по заказу некоммерческой организацией «Ридерз Дайджест Фаундэйшн») агентством «Макэл-лиот». На плакате изображен крупным планом улыбающийся Стиви Уандер, который может быть и слеп, но даже ему очевидно, что глупо садиться в машину с пьяным водителем. На рекламе: «Чем ехать с пьяным водителем, я лучше сам сяду за руль». Стиви Уандер. Еще пример, современный и сегодня. Многие годы вела демаркетинговую компанию против курения «Американская легочная ассоциация». В ролике, созданном по ее заказу, молодая женщина, показанная крупным планом, делает безуспешные попытки зажечь сигарету. Все спички гаснут по непонятной причине. Женщина подходит к окну и мы видим, что она беременна. Голос за кадром произносит: «Может быть, кто-то пытается вам что-то этим сказать». Продуманная реклама, обладая большой силой убеждения, может способствовать и сегодня, на мой взгляд, воспитанию в людях честности, доброжелательности, состраданию к ближним, уважения к родителям, а также пониманию истинных культурных ценностей.

Вернемся к упаковке, этому, как незаслуженно считают, малому жанру графического дизайна. Упаковка и этикетка и сегодня должны работать, для того чтобы наш отечественный продукт получил реальную долгую жизнь на местном, региональном, отечественном и зарубежном рынке. Восстановить утерянные известные в прошлом бренды, создать новые и сделать грамотную упаковку, одухотворить ее – задачи нелегкие.

Современная упаковка – это сложная система передачи информации. Татьяна Лемешко с позиции дизайнера формулирует определение понятия «упаковка» в современном мире: «Упаковка – это продукт творческой деятельности дизайнера по эстетическому формированию предметно-пространственной среды, средство или комплекс средств, обеспечивающих защиту продукции от повреждений или потерь при транспортировке, складировании, при перевалке и облегчающих выполнение логистических операций. Это носитель информации – наименования товара и его изготовителя, штрихового кода, экомаркировки, рекламы товаров того же производителя... Но, кроме того, упаковка – метафизическое изображение продукта. Она должна создать визуальный образ продукта для его идентификации, придавать ему дополнительную стоимость в результате создания престижности и способ поддержания корпоративной марки. Упаковка – объект идеологии существующих экономических и социальных отношений» [4]. Как мы отметили выше, основными аспектами упаковки являются: материально-конструктивный и художественно-образный.

«Художественно-эстетическая функция упаковки определяет ее роль в формировании визуальной среды, формирует эстетическое чувство, играет большую роль в психологическом воздействии упаковки на подсознание потребителя» [1]. Как практикующий дизайнер, я имела большой работы в графическом дизайне, в том числе в создании упаковки (серия

упаковок «Сибирский продукт», серия упаковок тибетских сборов, серия конфет-великанов фабрики «Амта» и т.д.). Например, упаковку домашней лапши в оформлении которой я использовала этнографическую графику художника Ц.-Н. Очирова («Угощение»), хозяйки раскупали быстрее, чем до того неоформленную продукцию, продаваемую по меньшей цене. То же самое произошло с упаковкой тибетского продукта «Цампа». Он долго не был оценен потребителем, пока не появился слоган с благопожеланиями и привлекательный персонаж. И я была рада не столько благодарности заказчика, сколько тому, что упаковка понравилась людям, что люди оценили «красоту». Таким образом, дизайнер участвует не только в понятном всем процессе зарабатывания денег, но и формирует среду, в которой мы живем. Жизнь упаковки коротка, но совместные творческие усилия умных, талантливых хороших людей могут внести определенные результаты в эстетику нашего быта. Рекламуя отечественный продукт, создав удачный слоган, используя художественные средства, такие как конструкция упаковки, изобразительные элементы, а также композиционное решение – ритм, акцент, контраст, дизайнер способен вызывать даже патриотические чувства.

Мчится колесница рекламы. Когда-то непривычное слово «дизайн» на сегодня приобрело повседневное и даже бытовое распространение. Дизайнерами стали называть всех, кто овладел графическими программами. Появилось много «дешевых» дизайн-студий, деятельность которых обесценила торговую марку, обесценила макет, авторское фото (ее заменили на ворованные картинки из интернета). Дизайн, за который платили деньги, зачастую стал угождать диким «пожеланиям» заказчика. Стали характерными «перегруз» красивенькими деталями; длинными текстами, использование множества «кучерявых» шрифтов (зачастую в одном макете), не соответствующих изобразительному ряду; настолько зашифрованные лозунги, что им уже требовался перевод на человеческий язык. В слоганах появился оскорбительный тон. Некоторые лингвисты стали поговаривать о разрушении «великого русского». Плохо прикрытая дезинформация рекламодателей, скудость интересов большей части общества кричат с рекламных плакатов сегодня. Как инструмент сбыта реклама манипулирует психологией людей, настойчиво приглашая их к приобретению тех вещей и продукции, которые зачастую им финансово не доступны (к примеру стоимость замечательных лекарственных средств у пенсионеров вызывает разочарование и огорчение). О вкусе, такте, деликатности говорить не приходится. Неприятным становится использование рекламой методов, в которых делается акцент на секс и анатомические функции организма. За несколько лет в моем дизайнерском портфолио образовался большой список уже не нужных знаков, логотипов, упаковок. С оставшихся городских установок крикливые, пестрые и пустоватые плакаты борются друг с другом и с улицей – «...самое великолепное, ... самое роскошное, ...дешевле не найдете, купи шубу – выиграешь автомобиль, ...пришла халява...». Рекламодатели, приглашая и призывая, перестали беспокоиться, оправдают ли их обещания рекламируемые изделия и услуги. С экранов телевидения

симпатичные дебилы приглашают нас приобрести сомнительные товары «два по цене одного». Размножились и расплодились журналы про «телок», про «тачки» и про «туда-сюда» (сексуальная реклама становится все более и более откровенной). Точно в цель безнравственности попадают многие новые упаковки товаров народного потребления. На некоторые трудно смотреть. Вот банка энергетического напитка «Эректус», возможно, для сильной духом молодежи. Изображен стилизованный человек черного цвета с оттопыренным членом (слава богу, стилизованным). Во все времена на пакете с молоком изображалась корова: пейте на здоровье! То здесь страшно подумать о составе содержимого. Методично происходит подмена ценностей посредством живучей рекламы. Возможно, английскому романисту Норману Дугласу удалось выразить сущность глобального значения рекламы, когда он заметил: «Об идеалах нации можно судить по ее рекламе».

Скажем энциклопедически-пафосно: в современном мире реклама представляет гигантскую индустрию продукции, которая влияет на механизмы экономической и политической деятельности, идейно-психологической и духовной жизни людей.

Плакаты 20-х годов уже прошлого века... Они по-прежнему востребованы: их печатают в альбомах, коллекционируют, показывают на выставках, их до сих пор обсуждают критики. Все эти образы прошли испытание временем, обрели дополнительный смысл, но сохранили в неприкосновенности основную цель и главную идею – стремление к светлому будущему.

XXI век. Нет гармонии в обществе, нет гармонии в личности...

Кажется, пришло время «поднажать» на социальный плакат. Проблемы общества остались те же, некоторые обострились, появились новые. Больше всего пугает то, что выросло поколение людей, не охваченное никакими культурными программами (за которые успешно отчитываются министерства и ведомства). Некоторые молодые люди не имеют представления об элементарной культуре поведения, им об этом «никто не рассказывал», в глубинке это на уровне катастрофы. Наши отношения и убеждения относительно того, «что такое хорошо и что такое плохо», а также относительно учебы, работы, роли мужчины и роли женщины, рас, этических ценностей и религии формируются, прежде всего, в семье. Влияние семьи на личность очень сильно и устойчиво. В последние годы такое семейное влияние заметно уменьшилось, т. к. работающие родители не столь активно участвуют в воспитании своих детей, которые ищут социальные ценности за пределами семейного круга, в интернете, по телевидению. И тут на них обрушивается масса информации, которую в силу собственной впечатлительности дети не способны оценивать. Наблюдая за детьми, когда они мгновенно запоминают слоганы рекламы, согласимся, что реклама может играть важную роль в воспитании ребенка. Учитывая то, что дети обладают богатым воображением, информация должна передаваться в правдивом виде. В рекламе для детей не должны, открыто или скрыто, стимулироваться нереальные ожидания и возможности. Зато при-

знаем факт, что из рекламы подросток может почерпнуть такой характер поведения, который может оказать влияние на его здоровье и благополучие в дальнейшей жизни.

Да, реклама дезодорантов убедила нас следить за «неприятным» запахом нашего тела, но хочется, чтоб она убедила молодых людей следить за своей речью в транспорте! Или прежде чем бросить упаковку от замечательных чипсов на тротуар, поискать глазами урну. Или приобретя новенький автомобиль, выпив и закусив с «друганами» на его капоте, счастливые владельцы не оставят следы пиршества в лесу. И хорошо если хозяин мощного автомобиля с прицепом-катером, мчась на Байкал, заметит придорожный плакат, не швырнет из окна вам в лицо пачкой из-под сигарет!

Может на пустующих городских установках, на щитах у районных домов культуры и в соцсетях мы увидим по-Маяковски простые и доступные призывы и новые креативные решения?

В 2001 г. впервые проводился московский фестиваль наружной социальной рекламы. Организаторы предложили широкому кругу художников, дизайнеров и рекламистов выполнить социальные плакаты в следующих номинациях: «*Экология города*» - работы, затрагивающие экологические проблемы большого города. «*Здоровый образ жизни*» - работы на темы спорта, здоровья, борьбы со СПИДом, наркотиками. «*Гармоничные отношения*» - работы, затрагивающие темы нравственности, духовности, дружбы. «*Отечество*» - работы, затрагивающие темы патриотизма, поддержки отечественного производителя, Российской армии. «*Москва*» - работы, посвященные Москве и москвичам. Профессиональное жюри выбрало 38 работ, которые вошли в каталог фестиваля. Лучшие 10 работ были размещены на рекламных конструкциях города. Радостно за фестиваль, за дизайнеров. Но сегодня есть необходимость в том, чтоб социальный плакат работал каждый день, везде, для всех аудиторий. Хороший плакат должен запоминаться надолго, а по-настоящему удачный образ никогда не стирается из памяти. Темы есть, остаются открытыми и актуальными: «*Экология Байкальского региона*», «*Любовь-семья-дети*», «*Наше... не привозное*», «*Ехор-ши, все народы хороши*», «*Мой друг играет на гитаре*»...

Плакат выполняет свою задачу, пока мы смотрим на него и вспоминаем о нем; когда он говорит нам о том, кто мы и где мы находимся; когда он дает нам повод для размышлений и оставляет место для воображения; когда помогает выразить свое отношение к миру. И это в нем – самое главное.

Богатое прошлое у нашей рекламы. Но не будем заискивать перед прошлым. «*Новые*» дизайнеры не хуже «*старых*»! Дизайнерам во все времена не привыкать кайфовать от работы! Серьезность в отношении к профессии, да стремление ко всеобщей гармонии... берем с собой и вперед!

Конечно, как мы упоминали выше, реклама – оплачиваемый продукт. Трудно в наше время некоммерческим организациям выступать в роли заказчиков. Как мне ответили в министерстве культуры – нет денег обслуживать городские установки. Конечно, нет даже средств для ремонта домов культуры, на пошив костюмов для танцевальных ансамблей, для

приобретения музыкальных инструментов, для издания литературы на бурятском языке (прозвучали претензии на отчетном заседании министерства культуры). Но, может быть сегодня, есть весомые причины, когда надо задействовать социальную рекламу с помощью государственных организаций.

Опираясь на выдающиеся, гениальные работы отечественной рекламы начала XX в., сопоставляя свою и зарубежную практику, российские рекламисты и рекламодатели, возможно, захотят внести коррективы в свою деятельность на благо культуры. Хочется, чтоб сегодняшней дизайнер, используя свои знания, всеми доступными его профессии средствами стремился формировать установку на всеобщий созидательно позитивный мир.

Примечания

1. Кортленд Л. Бове, Арэнс Уильям Ф. Современная реклама : пер. с англ. Тольяти : Довгань, 1994.
2. Корнилов Л., Фильченков Н. От глашатая до неона. М., 1978.
3. Крупская Н. К. Педагогические сочинения. М. : Педагогика, 1980. Т. 7.
4. Лемешко Т. Упаковка как система передачи информации при решении задач маркетинга // КАК. 2001. № 15.
5. О партийной и советской печати : сб. док. М., 1954.

УДК 027.54:021

Ажеева Е.Ю.

Azheeva Ye.Yu.

АНАЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

ANALYTICAL ACTIVITIES OF THE PUBLIC LIBRARY

Информационные потребности населения претерпевают изменения в связи с социально-экономическими, культурными факторами. Публичная библиотека, реагируя на информационные запросы общества, может наладить подготовку аналитических информационных продуктов.

Information requests of the population are changing because of economic, social and cultural factors. The public library can expand its information services through the preparation of analytical products meeting information needs of the society.

Ключевые слова: публичная библиотека, информационное обслуживание, информационно-аналитическая деятельность.

Keywords: public library, information service, information and analytical activities.

Положение российской публичной библиотеки в текущий период нельзя назвать устойчивым в силу многих объективных и субъективных факторов. Можно сказать, что многие библиотеки поставлены в условия выживания в связи с переходом на муниципальное финансирование, подпадая под прямую зависимость от доходов территориальных администраций, от личного отношения руководителей местной власти. Угроза существования общедоступной публичной библиотеки носит не только экономический подтекст, кризис затронул саму концепцию библиотечного обслуживания, его фундаментальные основы. Царящие в обществе настроения непонимания значимости этого социального института с его многовековой историей прямо или косвенно проявляется во многом – в остаточном принципе финансирования, низких зарплатах библиотечных работников, непрестижности библиотечного образования, наличии «захолустных» библиотек. Часть населения искренне недоумевает: «Зачем нужны библиотеки, когда знания и любая информация доступны через глобальные сети». В глазах многих главным конкурентом библиотечному существованию выступает – информационные и коммуникационные технологии, Интернет. Действительно, именно ИКТ подрывают основную концепцию библиотеки – предоставлять гражданам страны документы во временное пользование. Споры о будущем библиотеки ведутся на всех уровнях, в них вовлечены сами библиотекари, библиотековеды, и не только внутри страны.

Конечно, библиотечное дело, как и любая профессиональная деятельность, отстаивает свою уникальность в мире других профессий. Но поскольку наша реальность не стоит на месте, а находится в постоянном движении, то библиотеки тоже должны переосмысливать и развивать свое профессиональное кредо в контексте политических, социально-экономических, культурно-духовных процессов, протекающих в обществе. В этом смысле любая библиотека должна находиться в режиме модернизации, и находить свою нишу в информационном обслуживании, улавливая динамику информационных потребностей различных групп населения. В этом залог ее выживания. Информационная функция библиотеки находит реализацию и преломление в ее социальной природе. Обращенность к проблемам социального равенства, справедливости, защиты остаются актуальными и в наше время. Беря на вооружение ИКТ-достижения, общедоступная библиотека во всем мире становится необходимым звеном в гармонизации и гуманизации общественных отношений, обязательным элементом информационного (знаниевого) общества, в концепции которого, прежде всего, заложена мысль создания всех условий для развития и саморазвития каждой личности независимо от жизненных трудностей и обстоятельств.

Какие новые горизонты информационного обеспечения и обслуживания может осваивать публичная библиотека? Ответом является расширение информационных возможностей библиотечных учреждений путем погружения «в контент» документов. Традиционное информирование в рамках библиотечной деятельности может пополниться созданием и предоставлением информационных документов аналитического характера. Тен-

денцию обращения к аналитическим технологиям в информационном обслуживании мы наблюдаем в появлении образовательного профиля «информационно-аналитическая деятельность» и квалификации «референт-аналитик информационных ресурсов» при подготовке библиотечных специалистов.

Информационно-аналитическая деятельность поступательно развивается и институализируется с 90-х годов прошлого века, как одна из самых востребованных в эпоху общественного и экономического переустройства страны. Потребность в аналитике особенно остро встала перед региональными руководителями, которые начинали управлять «с нуля» в те годы. Во многих областях и республиках стали создаваться информационно-аналитические подразделения в структурах власти, призванные всесторонне анализировать текущее положение, синтезировать общую и частную картину текущей общественно-политической и экономической ситуации, на основе которой принимались те или иные решения. Аналитическая информация – это информация о реальной ситуации, собранная из разных источников, в компилированном виде дающая достоверное представление обо всех особенностях и причинах данной ситуации, помогающее прогнозировать ее развитие и предусматривать действия, разрешающие ее. Аналитический документ может быть краткой аналитической справкой или развернутым аналитическим обзором по самым различным вопросам современности, бизнеса, производства. В информационно-аналитическом обеспечении нуждаются не только органы управления и самоуправления на местах, оно универсально и в тех или иных формах пронизывает все сферы общества. Однако, на пути своего профессионального становления информационно-аналитическая деятельность пока не является общепринятым фактом и ее недостаток мы наблюдаем повсеместно, когда предпринимаются непродуманные действия, мало учитывающие знание и понимание, например, местных условий, расклад и соотношение различных факторов, влияние возможных сил и т.д.

Итак, местная публичная библиотека, занимающаяся информационным обслуживанием населения в рамках определенной административной территории, вполне может включить в номенклатуру услуг – удовлетворение потребностей разных групп граждан в аналитической информации. Соответствующие подразделения и кадры (на базе библиографических) не только накапливают и предоставляют актуальный «контент», рассыпанный в разнородных материалах, но и оценивают его содержательно, предоставляя в виде сфокусированной синтезированной информации по наиболее полезным темам развития жизнедеятельности местного сообщества. Публичная библиотека, имея в своем распоряжении фонды краеведческих и местных документов, доступ к удаленным и отечественным универсальным и отраслевым информационным системам и базам данных, вполне может организовать сектор или отдел проблемно-ориентированной аналитики. Здесь сосредоточены как «готовые» аналитические продукты различных НИИ, НПО, обществ, министерств и международных групп, информационных центров и консалтинговых агентств и т.д., так и собствен-

ные сгенерированные аналитические обзоры и доклады, отражающие социально-экономический облик региона или локальной территории, налажены связи с экспертами. Тематика запросов на аналитику может быть весьма широкой: от общего состояния и тенденций развития, например, экономики в целом, до отдельных направлений и аспектов экономического строительства (например, «Мировые тенденции развития овцеводства», «Природно-экономические ресурсы Баргузинского района: оценка состояния»). От характеристики общей ситуации рынка определенного продукта в мире, в стране, в регионе, до помощи в первых шагах в предпринимательстве с учетом местного опыта и специфики («Обработка пушнины», «Рынок мировых и отечественных цен на пушнину»). Поэтому запросы в таких информационных документах, отличающихся качественной содержательностью могут поступать совершенно от разных граждан – чиновников, управленцев (муниципальные органы власти), отдельных специалистов, рядовых пользователей, например, начинающих предпринимателей. Какие аналитические технологии могут применяться библиотекарями-аналитиками при этом? Не владея отраслевой глубиной, они должны проявить профессиональные компетенции информационных работников, знающих и способных ориентироваться многообразии информационных источников, владеющих технологиями свертывания информации, информационной диагностики, мониторинга, прогнозирования и моделирования. Их умения должны простирается в границах оценки и анализа «информационных следов» изучаемого объекта (в виде темы, проблемы, ситуации и т.п.). Благодаря «синтезированному знанию» потенциальный заказчик может видеть проблему «насквозь», сравнивать, сопоставлять, знать статистику, обнаруживать противоречия, открывать слабые и сильные стороны, положительный и отрицательный опыт, и самое главное, может нащупать возможный выход из затруднительного положения, выбрать альтернативное или креативное решение в текущей производственной и деловой деятельности.

Конечно, с организационной точки зрения, многие моменты потребует тщательной проработки и обдумывания. Например, один человек или сектор из 2-3 работников будет заниматься данным направлением. Выделенный фронт работ потребует полного фокусирования или можно будет сочетать с другими обязанностями. Это не праздный вопрос, поскольку работа требует большого умственного напряжения и сосредоточения. Аналитические виды работы по запросам пользователей могут вестись на уровне районной межпоселенческой библиотеки на договорной основе (с местной администрацией), предусматривающей характер документов, сроки выполнения, охват ресурсов, оплату. Важно так же провести предварительное обследование с точки зрения изучения потребностей в аналитической информации потенциальных потребителей информации, формирования ресурсной базы.

Аналитическое направление может стать одной из задач в многофункциональной деятельности публичной библиотеки. Это направление призвано усилить ее информационную, просветительскую функцию, на-

полняет пониманием характера современных информационных потребностей, пониманием первостепенной важности интеллектуальной обработки текстов, сообщений, сведений для получения нового обобщенного знания в целях преобразования действительности. Аналитический компонент в деятельности библиотеки позволит общественности разглядеть потенциал ее дальнейшего развития, районной администрации увидеть свою выгоду с точки зрения информационно-аналитического обеспечения различных социально-экономических проектов, грантов, инициатив.

УДК 069(571.54)

Шагжина З.А.

Shagzhina Z.A.

**МУЗЕИ «IN SITU» В МУЗЕЙНОЙ СЕТИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ НОВЫХ
ОБЪЕКТОВ**

**MUSEUMS «IN SITU» IN THE MUSEUM NETWORK OF THE
REPUBLIC OF BURYATIA: TO THE PROBLEM OF NEW OBJECTS
MUSEUMIFICATION**

В статье рассматриваются социальные и культурно-исторические закономерности эволюции музейного дела, новая форма «живых» музеев – «in situ», как наиболее востребованная и посещаемая, а также вопросы, связанные с созданием подобных музеев в Бурятии.

The article considers some social and cultural-historical trends of museum science evolution, a new form of «living» museums – «in situ» as being in great demand and often visited as well as the issues connected with the creation of such museums in Buryatia.

Ключевые слова: живой музей, социокультурный феномен, фактор развития туризма, Иволгинская сопка, комплексный памятник, музеефикация.

Keywords: a living museum, socio-cultural phenomenon, factor of tourism development, the Ivolginsky hill, complex monument, museumification.

Музейный мир богат и разнообразен. Во всех крупнейших странах наблюдается рост значения и престижа музеев, увеличивается их численность. В нашей стране несколько лет назад объективные цифры и факты свидетельствовали о резком падении посещаемости музеев и интереса к музейным экспозициям, хотя сегодня уже можно говорить об их «реабилитации». За последние десятилетия статичный и консервативный музейный мир существенно изменился, но, на первый взгляд, эти изменения не заметны.

В целом, музеи традиционно продолжают восприниматься как хранилища исторического и культурного наследия, которое призвано способствовать просвещению и воспитанию общества. Но сегодня необходимо говорить о музее новаторском, как категории «активной», где возможно использование различных анимационных методов, аудиовизуальных средств, театральных представлений и т.д. Еще в 1984 г. Квебекская декларация призвала к переходу от традиционного музея к музею активному, и если в те годы это было для большинства музеев непонятно, то в наше время это становится необходимостью. Сегодня трактовка музея в современном мире приобретает расширенный характер. В музее сейчас интегрируются, синтезируются принципы музея и принципы коммуникации с различными группами посетителей. Современные музеи все больший акцент делают на эмоции посетителей, новые решения и образы прорываются в новых экспозициях, в новых методах и формах общения с посетителями. Музейный мир России в целом и все его элементы находятся в постоянном движении, которое, как показывает исторический опыт, то затухает, то усиливается. В настоящее время мы отмечаем точку максимальной подвижности и изменчивости в музейном деле страны [2]. На наших глазах музеи рождаются и умирают, меняют статус и профиль. Объекты, еще вчера не признававшиеся обществом безусловной ценностью, сегодня приобретают статус музейных предметов, становятся экспонатами, привлекающими посетителей и дающими возможность «заработать» на них. Современная социокультурная ситуация побуждает музеи к поиску своеобразия, к необходимости генерировать новые знания и идеи, находить новые нетрадиционные подходы к музейной аудитории. Если еще недавно качество и содержание музейных услуг определялось в большей степени их соответствием традиционным научным схемам, ядром которых являлись музейные предметы и коллекции, то на современном этапе музеи должны видеть ценностные ориентиры в новизне, оригинальности интерпретации музейного собрания, создании образовательных программ и развитии анимационной деятельности в рамках музейных мероприятий [4].

При создании научных концепций современных музеев недостаточно учитывать только историческую и культурную значимость музеефицируемых объектов, необходимо также учитывать социальные и культурно-исторические закономерности эволюции музейного дела, а также функционирование музея как социокультурного феномена, как фактора развития туризма [5].

В музейной сети Республики Бурятия доминируют исторические музеи, раскрывающие историю развития общества и природы. В целом же экспозиции стандартны и традиционны. Этнографический музей народов Забайкалья, созданный в 1973 г. под открытым небом, относится к музеям типа «скансен», да и то научная концепция не воплощена до конца. Так называемых «живых» музеев – «in situ» - у нас, к сожалению, нет. Между тем, именно эта форма музеев под открытым небом, созданная на месте бытования памятников истории, культуры и природы, представляющих и воспринимающихся как единый комплекс, является наиболее востребован-

ной и посещаемой. Живой музей – это средовой музей или учреждение музейного типа, хранящий объекты материального и нематериального наследия в естественной для них природной и историко-культурной среде в условиях поддержания их изначальных функций и постоянной актуализации [3]. Живой музей не только сохраняет определенные традиции, но и поддерживает их естественное проявление в жизни общества, а также их дальнейшее развитие. Особенностью живых музеев является то, что разные формы музейной деятельности и музейные экспозиции непосредственно включены в современную среду поселения, встроены в реальные социально-бытовые объекты. Именно такие музеи, когда экспозиция не выдумывается и не проектируется заранее, а вырастает на основе специфических особенностей данного места (территории), села, дома и т.д., привлекает внимание посетителей, особенно туристов, вызывает у них глубокий интерес и положительные эмоции. Синтез Природы, Культуры и традиционной социально-экономической Жизни населения конкретного региона, территории, села, хутора и т.д. [6], синтез «высокого» и «низкого» [1], как отмечают специалисты, – вот суть «живых» музеев. Термин «живой музей» был предложен в 1917 г. американским музеологом Д.-К. Данном и, как видим, предвосхищал идеи «новой музеологии».

Многовековая история, разнообразнейшая культура и богатейшая природа Бурятии позволяют подобное «живое» освоение наиболее интересных мест и объектов, их музеефикацию, и, таким образом, введение их в культурную среду и культурное пространство России и одновременно их изучение, сохранение и трансляцию. Примером такого освоения объектов в Бурятии могла бы быть Иволгинская сопка (Буян Тугад – с бур. «Щедрый павлин»), расположенная рядом с поселком Иволгинск – административным центром Иволгинского района Республики Бурятия. Сопка является памятником комплексного значения и по всем параметрам как раз подходит для подобного музейного эксперимента [7]. Во-первых, сопка в очень хорошей транспортной доступности: расположена в 12 км от г. Улан-Удэ – столицы Республики Бурятия, рядом проходит федеральная и международная трасса Иркутск – Улан-Удэ – Кяхта – Улан-Батор (Монголия), по которой также добираются до Иволгинского дацана – центра буддизма в России, Резиденции Хамбо-Ламы – главы Буддийской Сангхи России и места пребывания Драгоценного Неиссякаемого Тела XII-го Хамбо-ламы Д.-Д. Итигелова. Во-вторых, сопка сегодня – «живой» объект. Она считается местом обитания хозяйки этой местности, здесь, в небольшом гроте, проводится обряд поклонения хозяйке и духам Иволгинской долины, на вершине сопки возведена буддийская ступа. В-третьих, на стенках грота сохранилось несколько петроглифов, относящихся к бронзовому веку до н.э. и представляющих собой летящих птиц небольших размеров, выполненных красной охрой. К сожалению, состояние петроглифов с каждым годом ухудшается: они выцветают, выветриваются, вредное воздействие оказывают автомобильные газы и в целом ухудшающаяся экология. В-четвертых, сопка Буян-Тугад представляет собой великолепную естественную смотровую площадку на Иволгинскую долину, в-пятых – это свое-

образный ландшафт с соответствующей флорой и фауной и т.д. То-есть, «живое» пространство существует, его надо сохранить и музеефицировать, вовлекая в музейный комплекс и саму природу, тот оригинальный и необычный ландшафт, в который вписан данный комплексный памятник.

В целом, суть модели «in situ» музея состоит в следующем:

1) создание и оформление целостной экспозиционно-художественной среды, включающей основные сюжетно-тематические мотивы, связанные с историко-культурными особенностями музеефицируемого объекта (места);

2) художественно-мифологическая направленность экспозиции, трансформирующая реальные факты и события в символы, выраженные с помощью пластических образов. В основе экспозиционного языка – музейные предметы, «живые» объекты.

Создание «живого» музея – это воплощение новых, оригинальных и современных концепций музейного дела. Создание музея «in situ» в нашей республике может продемонстрировать достоинства и перспективы этого социально-культурного учреждения нового типа, которое поможет раскрыть огромный информационный потенциал и новые возможности развития музейного дела и туризма в Бурятии. Прецедент создания музея нового типа, так называемого «живого» музея, может стать примером в последующей практике создания подобных музеев не только в республике, но и в России в целом, обладающей уникальным историко-культурным и природным наследием.

Таким образом, в случае создания подобного «живого» музея, т.е. создания экспозиционно-художественной среды, имеющей музейное значение и способной органично осуществлять утилитарные функции, жители и гости Республики Бурятия получают оригинальный культурно-рекреационный объект, практически не имеющий аналогов в нашей стране.

Проект музеефикации Иволгинской сопки, разработанный преподавателями и студентами кафедры Музеологии и наследия Восточно-Сибирского государственного института культуры, имеется на кафедре и может быть предложен для обсуждения заинтересованным лицам и организациям.

Примечания

1. Воронин А. А. Музей как креативное пространство культуры // Философские исследования. 1994. № 1.

2. Дашкова Е. В. «Активный» музей как фактор развития культурного туризма // Вестник Национальной академии туризма. 2008. № 1(3), С. 45-48.

3. Живые музеи // Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?61> (дата обращения: 09.11.2016).

4. Макарова И. Г. Детские музеи // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. М. : Прогресс : Рипол и Классик, 2001. Т. 1. С. 166-168.

5. Никишин Н. А. Музеи под открытым небом // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. М. : Прогресс : Рипол и Классик, 2001. Т. 1. С. 393-394.

6. Никишин Н. А. Экомuzeи // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. М. : Прогресс : Рипол и Классик, 2001. Т. 2. С. 350-351.

7. Шагжина З. А. Ресурсы религиозно-познавательного туризма в Бурятии на примере объектов буддийского культа // Музеи, исчезающие и воспроизведенное наследие, туризм: опыт и современные практики взаимодействия : междунар. молодеж. музеол. школа, Респ. Бурятия, г. Улан-Удэ – оз. Байкал, 28 июня – 3 июля 2013 г., Алтайский край, г.Барнаул – оз. Телецкое, 5-10 июля 2013 г. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2013. С. 139-149.

УДК 021.15(571.54)+025.50

Татарова С.П., Затеева Н.А.

Tatarova S.P., Zateeva N.A.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИБАЙКАЛЬСКОЙ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ В ОЦЕНКАХ ЕЁ ЧИТАТЕЛЕЙ

THE ACTIVITY OF THE PRIBAIKAL CENTRALIZED LIBRARY SYSTEM IN ITS READERS' ASSESSMENTS

В статье проанализирована деятельность централизованной библиотечной системы Прибайкальского района Бурятии на основании данных, полученных в ходе опроса читателей.

The article analyzes the activity of the centralized library system of Pribaikalsky district of Buryatia on the basis of the data obtained due to the readers' poll.

Ключевые слова: библиотечная система, услуги библиотеки, читатели, качество работы, независимая оценка услуг.

Keywords: library system, library services, readers, work quality, independent evaluation of services.

Развитие системы оценки качества работы учреждений, предоставляющих культурные, социальные, образовательные услуги выступает в качестве одного из механизмов реализации социальной политики государства. Основой для выработки принципов и методов этой системы послужил Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г., в котором перед Правительством Российской Федерации был поставлен ряд задач по внедрению мер совершенствования социальной сферы, в том числе формирование независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, определение критериев эффективности работы таких организаций, введение публичных рейтингов их деятельности [4].

В соответствии с Федеральным законом N 256-ФЗ [3] нами в 2016 г. была проанализирована деятельность МБУ «Прибайкальская централизованная библиотечная система» по заказу администрации муниципального образования «Прибайкальский район». В рамках данной статьи мы приводим данные, полученные в результате анкетирования, не включая анализ сайта учреждения, который также был изучен в процессе исследования. Наиболее объективным и достоверным источником информации о деятельности учреждения культуры является потребитель его услуг, благ и продуктов. Для оценки качества услуг Прибайкальской централизованной библиотечной системы нами были опрошены посетители данного учреждения. Репрезентативность определения выборочной совокупности исследования основывалась на объективных параметрах, отражающих состав исследуемой общности, данных о читателях Прибайкальской централизованной библиотечной системы. В опросе, который проводился авторами с 15 ноября по 23 декабря 2016 г., приняли участие 100 жителей Прибайкальского района, пропорционально представляющие все категории посетителей учреждения. Критерии, по которым оценивалась работа учреждения, были определены в соответствии с действовавшими в 2016 г. методическими рекомендациями и показателями Министерства культуры Российской Федерации:

- открытость и доступность информации об организации культуры;
- комфортность условий предоставления услуг и доступность их получения;
- время ожидания предоставления услуги;
- доброжелательность, вежливость, компетентность работников библиотеки;
- удовлетворённость качеством оказания услуг [1; 2].

В данной статье мы приводим ответы респондентов на вопросы о доступности, комфортности получения библиотечных услуг и удовлетворенности качеством их предоставления.

Большое значение при выявлении мнения читателей имеет частота их посещений, так как этот показатель связан с возможностью прослеживания посетителями динамики изменений в работе учреждения, качества обслуживания, расширения спектра услуг и др. В связи с этим, первый вопрос анкеты выявлял частоту посещений библиотеки респондентами. В результате нами выявлено, что наиболее активными читателями из числа опрошенных являются практически половина опрошенных – 49,5 % (количество выбравших позиции «несколько раз в неделю», «раз в 2-3 недели», «раз в месяц»). Считаем, что подобный график посещения библиотеки находится в пределах нормы. В силу различных причин посещение половины респондентов составляет по мере необходимости несколько раз в год (варианты от случая к случаю, во время сессии, учебы, выхода всем классом и т.д.)

Важным аспектом в оценке деятельности учреждения является его территориальная доступность. Исходя из полученных в результате опроса данных, заключаем, что 74,2 % опрошенных респондентов, являющихся

читателями библиотеки, считают, что доступность учреждения высока и 10,3 % очень высока. Таким образом, для подавляющего большинства - 84,5 % опрошенных не составляет труда добраться до библиотеки пешком или на транспорте, что объясняется удобным расположением библиотеки в центре населенного пункта. Неудобно расположение библиотеки для 6,2 % и считают затруднительным доступ в библиотеку 1,0 % опрошенных, что вероятнее всего относится к читателям, живущим на окраине.

Удобство пользования учреждением определяется и графиком его работы. Из полученных результатов исследования можно заключить, что 92,8 % респондентов удовлетворены графиком работы (66 % выразили личное удовлетворение и 26,8 % отметили, что большинству жителей данный график удобен). Желали бы изменений в графике работы – 4,1 % респондентов.

Отдельно нам хотелось выявить удовлетворенность жителей Прибайкальского района режимом библиотеки в субботные дни. Судя по ответам респондентов удовлетворенность в данном случае значительно ниже. Так, лишь 69,1 % респондентов заявили об удовлетворенности работой библиотеки в выходные дни, тогда как 26,8 % опрошенных оценивают часы работы библиотеки в выходные дни на «удовлетворительно». Считают режим работы в выходные дни неудовлетворительным 2,1 %.

Посетителям библиотеки было предложено отметить, какими услугами они пользуются при посещении ПЦБС.

Наиболее востребованными услугами библиотеки являются:

- посещение читального зала – 58,8%;
- пользование абонементом – 66,0%;
- пользование информационными услугами – 41,2%;
- информирование о возврате нужной книги – 35,1%;
- возможность отложить книгу на время – 35,1%.

Среди платных услуг лидерство в рейтинге занимают:

- ксерокопирование, печать, сканирование и т.д. – 27,8%;
- пользуюсь предоставлением доступа в сеть Интернет – 22,7%;
- пользуюсь информационными услугами – 10,3 %.

Все остальные услуги, хотя и имеются в перечне платных услуг, оказались востребованы менее 10 % опрошенных.

В приведенном списке *менее всего востребованными* услугами оказались такие как:

- межбиблиотечный абонемент (заказываю книгу из другой библиотеки) – 68 %;
- Информирование о возврате нужной книги – 53,6%;
- Возможность отложить книгу на время – 55,7%;
- пользуюсь предоставлением доступа в сеть Интернет – 50,5%.

Получая платную услугу, пользователи библиотеки, несомненно, ожидают, чтобы она была надлежащего качества. Возможность оценки качества платных услуг была предоставлена в следующем вопросе. Анализируя полученные данные, становится очевидным, что большая часть оп-

рошенного населения считает стоимость и качество оказываемых услуг адекватными, что отражается в имеющемся у населения спросе. Причиной отказа от услуги в силу ее дороговизны становится для 10,3% опрошенных, в силу ее низкого качества – 3,1%. Часть опрошенных – 15,5% отмечают, что платными услугами не пользуются без объяснения причин.

Спектр услуг, которые в настоящее время предоставляет Прибайкальская централизованная библиотечная система, достаточно широк. Услуги, оказываемые учреждением в рамках основной деятельности, предоставляются посетителям бесплатно. Наряду с этим библиотека оказывает платные услуги, соответствующие потребностям населения. Читатели, отвечая на вопросы о качестве оказываемых услуг, высказали преимущественно позитивные суждения. Более половины опрошенных (62,9%) отметили, что получают в библиотеке все, что требуется, данный ответ соотносится с оценкой «отлично», предполагающей, что «данная услуга всегда удовлетворяется в полном объеме», на которую услуги Прибайкальской централизованной библиотечной системы были оценены 61,5% респондентами. 21,6% читателей отметили, что библиотека не всегда может удовлетворить их запросы по причине отсутствия нужной литературы, при этом оценку «хорошо» («данная услуга удовлетворяется в большинстве случаев») выставило близкое число опрошенных – 22,9%. Данный ответ демонстрирует, что понижение оценки связано не с качеством услуг, а с состоянием книжного фонда, который требует значительного финансирования для постоянного пополнения и развития. Оценку «удовлетворительно» поставили 9,8% читателей, выбор этого балла подразумевал то, что услуга была получена, но читателей не вполне удовлетворило качество предоставления данной услуги. Неудовлетворительно услуги библиотеки были оценены 5,8% респондентов. Среди негативных высказываний читателей следует отметить вариант «Библиотека не всегда может удовлетворить мои запросы по причине недостаточного профессионализма персонала», указанный 7,2% опрошенных.

Рассмотрим оценку отдельных услуг ПЦБС более подробно. Согласно ответам посетителей ПЦБС, наиболее высокую оценку получили такие услуги, как «предоставление художественной литературы», «поиск информации по запросу читателя» и «подбор литературы по интересующей теме» (положительные оценки поставили 87,6%, 85,5% и 81,5% респондентов соответственно). Чуть реже посетители ПЦБС обращаются за предоставлением периодической литературы, иных услуг (ксерокопирование, сканирование, печать) и предоставлением доступа в Интернет, но качество этих услуг оценивают достаточно высоко (положительные оценки поставили 74,2%, 58,8% и 54,6% респондентов соответственно). Ряд услуг востребован посетителями в меньшей степени, так, 51,5% опрошенных не пользуются межбиблиотечным абонементом, 38,1% - не используют возможность отложить книгу на время, 37,1% - не прибегали к информированию о возврате книги. Та часть читателей, которая пользуется данными услугами, оценивает качество их предоставления положительно. Средние баллы на услуги ПЦБС варьируются в интервале от 3,3 до 4,8 баллов, ми-

нимальное значение приходится на «возможность отложить книгу на время», максимальную оценку заслужило «предоставление художественной литературы».

Результаты опроса объективно отражают популярность той или иной услуги среди читателей. Безусловно, наибольшим спросом пользуются услуги, предоставляемые бесплатно, направленные на прямое удовлетворение культурных и информационных потребностей населения. Обобщая полученные ответы, можно констатировать, что подавляющее большинство – 94,2% респондентов положительно оценили качество услуг Прибайкальской централизованной библиотечной системы, средняя оценка услуг библиотеки составила 4,3 балла.

Прибайкальская централизованная библиотечная система использует в своей работе различные информационные технологии и ресурсы, необходимые для выполнения основных функций учреждения, повышения качества обслуживания читателей. Электронный каталог – ресурс, который доступен не только сотрудникам, но и посетителям библиотеки. Преимуществами пользования электронным каталогом являются сокращение временных затрат на поиск информации и самостоятельность читателя в подборе необходимой литературы. В ходе проведенного исследования респондентам было предложено оценить имеющуюся в Прибайкальской централизованной библиотечной системе возможность пользования электронным каталогом. Результаты опроса свидетельствуют, что часть читателей (36,1%) обращается к электронному каталогу, но удобство пользования этим ресурсом отметили лишь 25,8% пользователей, остальные 10,3% признались, что используют, но не до конца разбираются в электронном каталоге, еще 22,7% – что вообще не умеют им пользоваться, 33% ответили, что не знали о наличии такой возможности. Респонденты, которые выбрали свой вариант ответа (8,2%) без уточнения причин указали, что также не пользуются электронным каталогом. Полученные данные свидетельствуют о том, что пользование электронным каталогом сопряжено с определенными трудностями, которые обусловлены, во-первых, недостаточно высоким уровнем владения информационными технологиями у читателей, во-вторых – слабой информированностью о возможностях применения данного ресурса. Затруднения в освоении современных технологий, в первую очередь, испытывают посетители учреждения, относящиеся к старшей возрастной группе, они осуществляют поиск информации привычным для себя способом, в случае необходимости обращаясь к сотрудникам библиотеки. С остальными категориями читателей необходимо проводить разъяснительную работу, которая позволит расширить их представление о возможностях использования электронного каталога, повысит уровень информационной грамотности.

Одним из важных аспектов деятельности библиотеки является информирование читателей о новых поступлениях, для этого практикуются различные способы и формы. Читатели Прибайкальской централизованной библиотечной системы, согласно проведенному исследованию, чаще всего узнают о новых изданиях во время посещения библиотеки (70,1%), в

том числе на выставках и стендах (43,3%) и от сотрудников учреждения (26,8%). 8,2% респондентов ответили, что информацию о новых изданиях они узнают на сайте. Таким образом, число респондентов, получающих информацию о новых изданиях различными способами, составляет 78,3%, об отсутствии данной информации высказалось 14,4% опрошенных. Среди читателей, предложивших свой вариант ответа, были как те, кто получает информацию, так и неинтересующиеся новыми изданиями, что не вносит существенных корректив в полученные результаты. Приведенные данные свидетельствуют о том, что Прибайкальская централизованная библиотечная система использует все доступные средства и каналы для информирования читателей о новых изданиях, а респонденты, не получающие данную информацию не используют имеющиеся возможности.

Следующий блок вопросов, заданных постоянным посетителям Прибайкальской централизованной библиотечной системы, был посвящен комфортности посещения учреждения и условиям, в которых происходит обслуживание читателей. Общая оценка комфортности пребывания в библиотеке (освещение, тепло, гардероб, места для сидения и т.д.) достаточно высока, данный показатель положительно оценили 84,6% опрошенных, из них 72,2% отметили, что им комфортно, 12,4% - очень комфортно в учреждении. Однозначно негативную оценку («некомфортно» и «очень некомфортно») дали в совокупности лишь 3,1% опрошенных. Остальные 12,4% затруднились ответить на данный вопрос.

Для конкретизации общей оценки обратимся к вопросам об отдельных аспектах комфортности учреждения. Читатели оценили такой аспект комфортности пребывания в библиотеке, как санитарное состояние мест общего пользования (туалетных комнат, гардероба, мест для сидений), включая чистоту помещений, положительно. Оценки «хорошо» (60,8%) и «удовлетворительно» (34%) в совокупности составляют 94,8%. Оценку «плохо» поставили 4,1% опрошенных. В целом положительно оценивая санитарное состояние имеющихся помещений, читатели, вместе с тем, в комментариях отмечали, что в библиотеке отсутствует благоустроенный туалет. Таким образом, давая оценку санитарному состоянию, они распространяли её только на те помещения, которые расположены внутри здания библиотеки. Безусловно, обозначенная проблема влияет на продолжительность пребывания, посещаемость мероприятий, негативно сказывается на отношении читателей к работе учреждения. Художественно-эстетический аспект условий пребывания в библиотеке получил наиболее однозначную положительную оценку, никто из опрошенных не выбрал вариант «плохо», ответы респондентов распределились между «хорошо» (80,4%) и «удовлетворительно» (18,6%). Полученные ответы демонстрируют, что посетителям нравится оформление и эстетика помещения библиотеки. Важным условием комфортности пребывания в учреждении культуры выступает обеспечение безопасности посетителей, включающее охрану и медицинское сопровождение, соблюдение техники безопасности, наличие средств защиты и т.д. Согласно опросу читателей, Прибайкальская централизованная библиотечная система осуществляет обеспечение безопасности на

должном уровне. Оценки «хорошо» (52,6%) и «удовлетворительно» (36,1%) в совокупности составляют 88,7%. Оценку «плохо» поставили 7,2% опрошенных, 4,1% не ответили на поставленный вопрос. Полученные данные свидетельствуют о том, что посетители Прибайкальской централизованной библиотечной системы ощущают себя в данном учреждении культуры безопасно.

Анализируя ответы респондентов на вопросы о комфортности Прибайкальской централизованной библиотечной системы, можно сделать вывод о том, что детализация различных составляющих создания комфортных условий пребывания в учреждении подтвердила обобщенную положительную оценку на этот вопрос среди 84,6% опрошенных. Все предложенные для оценки аспекты (санитарное состояние, художественно-эстетическое оформление, обеспечение безопасности) получили положительные отзывы, преимущественно выражавшиеся в оценке «хорошо». Наиболее высоко респонденты оценили художественно-эстетический уровень оформления, на втором месте – санитарное состояние помещений, на третьем – обеспечение безопасности в учреждении (положительные оценки выставили 99%, 94,8% и 88,7% респондентов соответственно). Несмотря на столь высокую оценку комфортности библиотеки, напомним, что в качестве замечания читатели отметили отсутствие благоустроенного туалета. В связи с этим констатируем, что Прибайкальской централизованной библиотечной системе необходимо предпринять меры для повышения комфортности условий пребывания читателей, в том числе специфических категорий населения. Сегодня качество обслуживания является и объективной, и оценочной категорией и характеризует степень соответствия предоставляемых библиотекой услуг информационным и иным потребностям пользователей.

Общий уровень удовлетворенности населения качеством обслуживания в Прибайкальской централизованной библиотечной системе, по оценкам респондентов, можно охарактеризовать как достаточно высокий, оценки - выше среднего. Из этого можно заключить, что услуги Прибайкальской Централизованной библиотечной системы и качество их предоставления в целом соответствуют потребностям населения. На основании полученного в ходе проведения независимой оценки качества предоставляемых услуг муниципальными учреждениями культуры и в целях совершенствования работы учреждений исследовательский коллектив предложил следующие рекомендации:

- Постоянно планировать и выполнять мероприятия по повышению квалификации специалистов, проведение для персонала учреждений обучающих семинаров, курсов, мастер-классов по повышению профессионализма и культуре общения с читателями и т.д.
- Учитывая постоянный рост общей культуры населения необходимо предлагать услуги нового технического уровня, имеющие маркетинговую привлекательность.

- Обеспечить информирование населения о предстоящих культурных мероприятиях в СМИ и сети Интернет через сайты учреждений.

- Обеспечить создание необходимых технических условий в здании учреждения культуры для возможности посещения их людьми с ограниченными возможностями.

- Разработать полноценный сайт ПЦБС со всеми необходимыми разделами и возможностями, обеспечивающими доступность информации для различных категорий граждан.

- Осуществлять систематический контроль динамики показателей, характеризующих доступность и полноту информации об организации и порядке предоставления услуг; комфортности условий, созданных для граждан при оказании услуг.

- Создать условия для повышения информационной культуры граждан, что повысит востребованность ряда услуг ПЦБС (пользование электронным каталогом, предоставление доступа в интернет. В первую очередь мероприятия данной направленности необходимы для такой категории посетителей, как пожилые люди.

Примечания

1. Об утверждении методических рекомендаций по проведению независимой оценки качества оказания услуг организациями культуры (для органов местного самоуправления) [Электронный ресурс] : приказ М-ва культуры России от 20.11.2015 г. № 2830. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71164626/> (дата обращения: 01.11.2016).

2. Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями культуры [Электронный ресурс] : приказ М-ва культуры России от 05.10.2015 г. № 32515. URL: http://www.mkrf.ru/documents/ob_utverzhenii_pokazateley_kha355948/ (дата обращения: 01.11.2016).

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования [Электронный ресурс] : Федер. закон от 21.07.2014 г. N 256-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165899/ (дата обращения: 01.11.2016).

4. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 07.05.2012 г. № 597. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/396486/> (дата обращения: 01.10.2017).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-”19”

Куницын О.

Kunytsyn O.

О ПОЭЗИИ ИВАНА БУНИНА

ABOUT IVAN BUNIN'S POETRY

В статье рассматриваются основные черты содержания и стилистики поэтического творчества И.А. Бунина. Задачей автора было показать несправедливость обвинения поэта в консерватизме.

The article considers the main features of the content and stylistics of the poetic creativity of I.A. Bunin. The author's task is to show the injustice of accusing the poet in conservatism.

Ключевые слова: творчество, поэзия, стилистика.

Keywords: creativity, poetry, stylistics.

В середине 1950-х гг. я учился в Томском музыкальном училище и вместе с двумя студентами технологического института снимал комнату в старинном доме, украшенном затейливой деревянной резьбой. У квартирной хозяйки в пыльном чулане валялись стопки затрёпанных книг, среди которых был изданный до революции томик рассказов Ивана Алексеевича Бунина. Осторожно переворачивая ломкие от старости страницы, вдыхая волнующий запах старинной бумаги, удивляясь фитам, ятям и твёрдым знакам, я впервые прочёл «Антоновские яблоки», и с этого часа навсегда влюбился в бунинское «царственное слово» (воспользуюсь выражением Анны Ахматовой). А приехав на каникулы, с радостью обнаружил в домашней библиотеке только что вышедшую и купленную папой книжку рассказов Бунина [3].

Я тогда почти ничего не знал о писателе. На уроках литературы в школе-десятилетке, что я окончил перед поступлением в музучилище, о Бунине не говорилось. Вспоминается насмешливое «Бунина – не было» в пародии КВН на курс литературы в вузе. Действительно, советский читатель был долго отлучён от бунинских сочинений, пока не вышла уже упомянутая книжка. Время знакомства с его стихами пришло ещё позже, когда им был посвящён том из пятитомника, вышедшего в 1956 году [4]. И наконец, достаточно полное представление о Бунине-поэте можно было получить из двух томов девятитомника середины 1960-х [5]. Постепенно менялось отношение к его творчеству и в официальном литературоведении. Это хорошо показывают две цитаты из разделённых двумя десятилетиями трудов одного автора – известного буниноведа О. Михайлова: «В нарядном хороводе русской поэзии XX в. бунинская муза выступает малозаметной» [26, с. 60] и «Иван Алексеевич Бунин – один из крупнейших русских поэтов начала XX века» [25, с. 5]. И несомненно, к концу столетия утвер-

ждение о непреходящей ценности Бунинского поэтического наследия «звучит как аксиома» [25, с. 5], чем лишний раз подтверждается мысль, что истинно прекрасное в искусстве – бессмертно.

х х х

Прослеживая эволюцию поэтического творчества Бунина, легко отметить, что в ранний период (примерно 1885-1902 гг.) он в той или иной степени испытывал влияния ряда русских поэтов – и первых трёх четвертей XIX в., и современников. Можно говорить и о некрасовском воздействии (стихотворение 1886 г. «Деревенский нищий» [1, с. 20], кстати, первые опубликованные стихи Бунина – вспомним «Жизнь Арсеньева»¹ [5, т. 6, с. 116], «кучер, приостановившись, подал мне номер петербургского журнала, в который я, с месяц тому назад, впервые подал стихи. Я на ходу развернул его и точно молнии ударили мне в глаза волшебные буквы моего имени...» [5, т. 6, с. 110], кольцовском («Ты раскрой мне, природа, объятия, чтоб я слился с красой твоей», 1886) [1, с. 118], никитинском («Серп луны за тучкой тает, проплывая гаснет он. С колокольни долетает, замирая сонный звон», 1887) [1, с. 118]. И даже при резко отрицательном отношении к стихам С. Надсона, которые «казались мне только дурным пустословием» [5, т. 6, с. 122] можно найти в ранних стихах Бунина нечто родственное музе Надсона – таково, например, стихотворение «Поэт» (1886) [1, с. 19]. Но ещё более очевидно влияние на раннего Бунина поэзии А. Фета. Вспомним хотя бы стихотворение, датированное 1902 г.: «Перед закатом набежало над лесом облако...» [5, т. 1, с. 167]. Недаром ведь Арсеньев – «двойник» Бунина – с таким восторгом цитирует свои любимые строки Фета: «Опять серебряные змеи через сугробы поползли...» или «...в дыму облаков светит пасмурный призрак луны» [5, т. 6, с. 214]. Бунин пишет «читал, бледнея» [там же] – очевидно, от понятного волнения перед предельно прекрасной русской поэтической речью. О. Михайлов, например, убеждён, что «Поэтическая система Фета как бы включает в себя характерные приметы бунинского стиля» [26, с. 61].

Однако, чем дальше мы движемся глазами по томику бунинских стихов, тем очевиднее становится, что все это влияние скорее внешнее, а глубинные корни поэтического творчества Бунина уходят в «золотой» век русской поэзии – к В. Жуковскому, А. Пушкину, Ф. Тютчеву. Известно, что Бунин «был человеком крайне недоверчивым к современной поэзии <...> последними по времени поэтами, заслужившими от него безоговорочную похвалу были Майков и Полонский...» [23, с. 244].

Даже о таком кумире тех лет, как великий русский поэт А. Блок, Бунин отзывался вполне неодобрительно².

¹Автобиографичность «Жизни Арсеньева» очевидна. Вряд ли кто-либо из читающих эту книгу воспринимает её героя иначе, чем «двойника» самого писателя, тем более, что повествование ведётся от первого лица. В дальнейшем при ссылках на «Жизнь Арсеньева» будем исходить именно из концепции автобиографичности.

² Заметим, кстати, что А. Блок в своем отношении к Бунину был несравненно более доброжелателен: «Так знать и любить природу, как умеет Бунин, мало кто умеет.

И уж, конечно, декадентско-модернистские тенденции, столь расцветшие в русской поэзии на рубеже XIX-XX вв., вызывали резко отрицательное отношение Бунина. Так, в речи на юбилее газеты «Русские ведомости» в октябре 1913 г. он вполне определенно выразил своё отношение к творческим поискам русских декадентов: «Чего только не проделывали мы в последние годы с нашей литературой, чему только не подражали мы, чего только не имитировали, каких только стилей и эпох не брали, каким богам не поклонялись? Буквально каждая зима приносила нам нового кумира. Мы пережили и декаданс, и символизм, и натурализм и порнографию [- называвшуюся разрешением «проблемы пола»], и богоборчество, и мифотворчество, и какой-то мистический анархизм, и Диониса, и Апполона, и «пролеты в вечность», и садизм, и снобизм, и приятие мира, и неприятие мира, [и лубочные подделки под русский стиль], и адамизм, и акмеизм [- и дошли до самого плоского хулиганства, называемого нелепым словом футуризм]. Это ли не Вальпургиева ночь!» [5, т. 9, с. 529]¹.

Примерно в это же время Бунин писал М. Горькому: «В Москве был огорчен футуристами. Не страшно всё это, но, боже, до чего плоско, вульгарно – какой гнусный показатель нравов, пошлости и пустоты новой «литературной армии!»» [17, с. 187].

По воспоминаниям В. Катаева, в разговорах с ним Бунин неоднократно высказывал «замечания относительно современной литературы <...> полные яда и сарказма» [7, с. 30]. «... настоящая поэзия выродилась – говорил он. Бальмонт, Брюсов, Белый – не более чем московская замороженная декаденщина, помесь французского с нижегородским, <...> а футуристы – просто уголовные типы, беглые каторжники ...» [7, с. 30].

Как думается, эти и подобные филиппики Бунина были вызваны отнюдь не политическими мотивами. Бунин – хранителя чистоты русского языка, отвращало от декадентства прежде всего неуёмное «словотворчество» подчас самоцельное, превращавшееся в словесное трюкачество, нарушавшее естественные законы развития языка. Действительно, как он мог воспринимать хлебниковское «о, смейся, рассмеяльно, смех надсмейных смеячей»? [10, с. 294]. Или «Бобэобэ пелись губы» [10, с. 295] того же автора? Естественно, лишь как издевательство над языком Пушкина и Тютчева. И понятно, что для сочинителей стихов, подобных опусу «речетворца» А. Крученых «дыр бул щил убещур» [11, с. 452], Бунин-пурист не находил более подходящей характеристики, чем «беглый каторжник».

Несомненно, что именно поэтому же «повсеградно обэкраженный» И. Северянин, изобретший множество вполне нелепых слов, вызывал у Бунина чувство, близкое к ненависти: «о лакейских» поэзах Игоря

Благодаря этой любви, поэт смотрит зорко и далеко, и красочные и звуковые его впечатления богаты» [18, с. 141].

¹ В этом издании речь писателя дана с рядом купюр (выделенные квадратными скобками цитируются нами по повести В. Катаева «Трава забвения» [7, с. 32]. Очевидно, что здесь сказалась «охранительная традиция» периодов культа и застоя – ведь в числе футуристов был и В. Маяковский, по отношению к которому после его посмертной «канонизации» допускалось только тиражирование славословий.

Северянина – придумали же такое омерзительное слово! - И говорить нечего». В другой раз он сказал: «Читал стихи лакей, притворившись по-этом» [15, с. 30]. Как думается, эпитет «лакейский» Бунин употребил вовсе не из желания унижить «эгофутуриста», а только указывая на истоки худшего в стихах И. Северянина – на так называемый, «галантерейный стиль», то есть, манеру разговора приказчиков, стремившихся поразить «необразованный люд» витееватостью и множеством «красивых» слов, в том числе, и иностранных (подчас безжалостно искажаемых и понимаемых превратно)¹.

Очевидно, что в период сложных поворотов социальной жизни России, что закономерно отразилось в сложности и противоречивости «стихотворной карты» страны, Бунин был одним из самых строгих хранителей и приумножателей высших традиций русской поэтической классики. Неслучайно при жизни Бунина его стихи имели ограниченный успех. По воспоминаниям современников, когда Бунин «читал свои стихи, <...> они были встречены холодно – в стиле Бунина не было пустозвона, шаблонных рифм, и особенно потому, что в них не было гражданской скорби...» [17, с. 69].

х х х

Вопрос о содержании творчества Бунина сложен. Если в наше время уже никто не сомневается в высочайшем мастерстве писателя, то за содержание, выбор тем и сюжетов он постоянно подвергался упрекам в консерватизме. Подобная точка зрения была распространена ещё и в конце XX века. Вот, например, очерк Л. Долгополова «Судьба Бунина» (имеется в виду зарубежный период творчества писателя). Автор тщательно цитирует резкие отзывы о Бунине А. Толстого, А. Цветаевой и ещё многих, а с другой стороны приводит резкие (может быть случайные) отзывы Бунина о поэтах-современниках. Говоря далее о «поэтической плеяде» нового времени – В. Маяковском, А. Ахматовой, С. Есенине – Л. Долгополов заключает, что «ничего этого Бунин не хотел видеть, ему была чужда, неприемлема сама мысль о значительности того обновления и поворота, который свершался в поэзии» [22, с. 267]. И дальше – больше: «Для Бунина не существовало понятий «вперед» или «назад», не существовало понятий «прогресса» или «регресса»» [22, с. 275]. Во всем этом явно звучит укор Бунину и сравнение не в его пользу с упомянутыми поэтами – его современниками. Как думается, в позиции Л. Долгополова есть ещё «отсветы» тех времен, когда творчество Бунина (зачислявшегося в белоэмигранты) определялось как безусловно упадочное, есть ещё тенденции той эпохи, когда всех писателей и поэтов хотели выстроить в одну шеренгу и подстричь под одну гребенку. Если к суждению Л. Долгополова о бунинском отношении к прогрессу и регрессу добавить слова «в искусстве», то всё

¹ Как тут не вспомнить знаменитую пародию Тэффи – «перевод» пушкинского «Зима, крестьянин, торжествуя...» на язык эгофутуристов: «Зима! Пейзанин, экстазуя ренувелирует шоссе, и лошадь, снежность ренифлуя, ягуарный делает эссе. ...» [12, с. 671-672].

стало бы на свои места. Действительно, бессмысленно спорить о том, что лучше – стихотворения Бунина или Маяковского, они не сопоставимы, каждое прекрасно в своём роде и ни одно не заменит другого. И, как говорится, слава Богу, что в русской поэзии есть и Бунин, и Маяковский, а не два Маяковских или два Бунина. И, может быть, величие Бунина и состоит именно в том, что в период бурных переломов и поворотов он не соблазнился «злободневностью», а остался самим собой – хранителем сокровищ чистого русского языка, хранителем традиций русской «кастальской» поэзии.

Наиболее проницательные из современников Бунина уже тогда понимали его особую роль «хранителя» на фоне «вальпургиевой ночи» модернизма, декаденства, псевдоноваторских поисков. Так, А. М. Горький писал Е. Чирикову: «У меня странное впечатление вызывает современная литература, - т о л ь к о Б у н и н в е р е н с е б е (разрядка наша – О.К.), всё же остальные пришли в какой-то дикий раж и, видимо не отдают себе отчёта в делах своих» [21, с. 17]. К этому справедливому замечанию следовало бы добавить: «верен себе» - значит, верен лучшим традициям русской классики.

Несомненно, что Бунин поступил мудро, не обратившись к темам, которые были бы чужды его музе, не писал стихов, подобных псевдореволюционным «Матросам» В. Кириллова, которые, по словам В. Маяковского, «шествуют в раздирающемся по швам 4-хстопном поношенном амфибрахии» [24, с. 99]. Вспомним, как, например, надуманны и трескучи стихотворения К. Бальмонта, посвященные революции 1905-го года [6, с. 334-337].

Но отказ Бунина от определённых тем, даже очень важных, вовсе не означает узости кругозора, ограниченности его творчества. Безусловно, справедливо мнение О. Михайлова, что если Бунин и «не обладал передовым мировоззрением, способностью глубоко отзываться на жгучие, животрепещущие запросы эпохи...» [26, с. 70], то «и было бы ошибкой рассматривать его поэзию как нечто раз и навсегда сложившееся, не изменяющееся, пассивно-самоценное и созерцательное. Связь между его творчеством и общественной жизнью существовала, только она была не прямой и не непосредственной...» [26, с.70-71]. И мы никак не можем согласиться с мнением А. Горелова о том, что, якобы, «...Бунин представлял собой пример феноменально заострённой субъективности, породившей то «постоянство», которое замораживало его способность к более свободному творческому перевоплощению, к расширению диапазона его художественных наблюдений и пристрастий...» [20, с. 496]. Ведь нет ни одного по-настоящему большого художника без «заострённой субъективности» (иначе бы он не был самим собой), а каждое индивидуально окрашенное творчество при неизбежной внутренней эволюции, отражающей эволюцию действительности вокруг, неизбежно сохраняет главные свои отличительные черты. «Я изнемогаю, - жаловался Бунин, - от того, что на мир я смотрю только своими глазами и никак не могу взглянуть на него как-нибудь иначе...» [17, с. 171]. Но разве кому-либо это удавалось? «Хорошо можно знать

только собственное сердце...», - говорил Г. Флобер. А. Блок, например, остался Блоком, хотя и эволюционировал от «вешних сумерек» к «революционный держите шаг!». Приведём пример из искусства музыки: одного из крупнейших музыкантов XX века И. Стравинского называли «композитором с тысячью лиц» - он отдал дань и «кучкизму», и импрессионизму, и неоклассицизму, и джазу, и стилизации «под Чайковского», и додекафонии, но сейчас, по прошествии времени, очевидно, что за каждым из «тысячи лиц» ясно проступает индивидуальное творческое лицо Стравинского и ныне, совершенно очевидно, что при всей способности Стравинского к, говоря словами А. Горелого, «свободному творческому перевоплощению», в его самых различных внешне произведениях больше общего, чем различного. А. Горелов видит у Бунина общее, но недостаточно внимательно вглядывается в различное.

Очевидно, что в творчестве Бунина, к которому официальное литературоведение вернулось через три десятилетия («Бунина не было»), вначале больше виделось общее, к тому же многое воспринималось как «чуждое», не укладывающееся в рамки социалистического реализма, понимавшегося узко и догматически.

Истинную необъятность бунинского творчества с афористической точностью определил К. Паустовский «в прозе и поэзии Бунина явственно присутствует ощущение жизни, как длительного и в основе своей прекрасного пути от рождения человека до смерти...» [31, с. 81].

Чёткость этого определения, при всей его внешней простоте, удивительна – здесь и указание на широкоохватность – «путь от рождения человека до смерти», и ответ на упрек в «пессимизме» - «в основе своей прекрасного пути».

И если в творчестве Бунина немало трагического, безысходного, скорбного, печального, то это отражение жизни во всем её многообразии, во всей её противоречивой сложности.

Судьба Бунина была трагичной. И не только потому, что он, не приняв происходивших в России революционных перемен, был подхвачен волной эмиграции и провёл вторую половину своей жизни «на чужом берегу». Правда, Бунин никогда не был врагом России-родины, он оставался русским во всех смыслах этого понятия до конца дней, а его отказ от коллаборационизма в тяжёлые годы немецкой оккупации Франции стал последним чётким штрихом в облике Бунина-человека. В послевоенные годы Бунин, как и ещё многие русские художники-эмигранты, намеревался вернуться на родину и не его вина, что пресловутое постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», бывшее сигналом к безответственному шельмованию художественной интеллигенции, заставило Бунина в испуге отказаться от своего намерения.

Но трагизм судьбы Бунина был заложен и в его собственном характере – в трагическом противоречии между тяготением и любви к людям, с одной стороны, и в необходимости в одиночестве, чтобы полноценно погрузиться в творчество. И этот мотив о д и н о ч е с т в а (по собственной вине) постоянен в поэзии Бунина (особенно, конечно, в зарубеж-

ный период, когда писатель был вырван из привычной социальной и природной среды). Из многих стихов Бунина, посвящённых теме одиночества, приведём завершающее эту линию одно из последних стихотворений Бунина – «Ночь» (1952), в котором с подлинным трагизмом и лаконичной афористичностью трактуется тема завершения жизни на чужбине: «Ледяная ночь, мистраль <...> Никого в подлунной нет только я да Бог. Знает только он мою мёртвую печаль...» [1, с. 488].

Мотив одиночества окрашивает и бунинскую тему любви. «Личная неудача, вырождение дворянства, пошлость и подлость устройства буржуазного общества – вот источники, щедро питавшие бунинскую тему любви» [19, с. 227]. Это сказано о прозе Бунина, но, очевидно, что нет принципиальных различий между содержанием его прозы и поэзии, Бунин-прозаик и Бунин-поэт – неразрывны. Но если в прозе Бунин чаще выступает как рассказчик, следуя за сложной фабулой, то стихи его (в подавляющем большинстве жанр баллады Бунину не был свойственен) – это исповедь души, к какой бы теме Бунин-поэт не обращался.

По верному замечанию А. Волкова у Бунина «психологический анализ наиболее близок форме внутреннего монолога...» [19, с. 243], то есть, писатель-поэт всегда словно бы становится своим героем, смотрит на мир «изнутри» его душевного мира.

И Бунин умеет передать все сложности любовного чувства, связывающего людей и вскрывающего глубинную суть человеческой души. Любовь его героев непрочна, поскольку писатель исходит из мысли о невозможности полного совпадения человеческих устремлений – это причина крушения любви, хотя непосредственным поводом может служить и случайность в развитии жизненных коллизий. Поэтому тема любви у Бунина почти всегда трагична, в его стихах любовь – это, чаще всего, любовь прошлых дней, воспоминание о давно ушедшем: «...первая любовь пришла ко мне с могилой и весною..» [1, с. 460]; «...нет уже в мире нас, когда-то юных и блаженных! <...> Зачем же ты воскресаешь во сне...» [1, с. 455]; «...познал надежду и радостей обман, тщету любви и терпкую разлуку...» [1, с. 452]; «Но для женщины прошлого нет: разлюбила – и стал ей чужой...» [2, с. 194].

В своё время было традиционным обвинять Бунина в эротизме, даже в склонности к фрейдистским концепциям. Так, эмигрантский литературовед Ф. Степун видел в его творчестве «неизбывную тяжесть близкого пола, тяготеющего над лицом человеческой любви» [32, с. 336]. Конечно, это – неумеренная крайность.

Эротическое начало в стихах Бунина присутствует, но не как самоцель, а как отражение одной из существенных сторон реальной человеческой жизни. И совершенно закономерно, что «Герои Бунина, - пишет А. Волков, - как бы нежно и лирически они не любили, всегда терзаемы призывами плоти. Нужно ли говорить, что Бунин, как и всякий крупный художник, безусловно верен законам природы, определяющим чувства и поведение человека» [19, с. 351].

Но если Бунин-писатель, особенно в поздний период, рассказал об этой стороне жизни с подчас беспощадной откровенностью (книга «Тёмные аллеи»), то в стихах, как уже говорилось, эротическое начало лишь в отдельных штрихах, проведённых с удивительной тонкостью и, как выразились бы раньше, целомудренностью (ныне это слово воспринимается как несколько архаическое): «...идёт она - и стройное бедро под красной плахтой так упруго...» [1, с. 181]; «...красавице не спится <...> а что порою на уме – и молвить непристойно...» [1, с. 331]; «...мала твоя тугая грудь, и кожа смуглая гладка...» [1, с. 333]; «...скучна, беспола и распутна...» [1, с. 402]. Но вот, наконец, поразительное по образности, искусной простоте и смелости, и по возведению бытовой эротики в ранг высокой поэзии: «Я к ней вошёл в полночный час. Она спала, - луна сияла в её окно... Она лежала на спине, нагие раздвоивши груди, - и тихо, как вода в соуде, стояла жизнь её во сне...» [2, с. 110]. Естественно, что такие бунинские стихи стали известны российскому читателю лишь когда миновали времена ханжеской морали.

И напрасно Л. Никулин считал, что в позднем периоде бунинской жизни и творчества «есть произведения, написанные с излишними эротическими подробностями чуть ли не с утратой ч у в с т в а м е р ы» (разрядка наша – О.К.) [28, с. 158]. Именно чувство меры, подчас, может быть, даже излишне строгое, свойственно Бунину, тем более, в поздний его период. Думается, впрочем, что эти слова Л. Никулина – просто дань времени.¹

Рядом с темами одиночества и любви равное место в стихах Бунина занимает т е м а п р и р о д ы. Бунин, как сказал К. Паустовский, «так удивительно ясно, одновременно строго и нежно говорит о природе, неотделимой от течения человеческих дней...» [31, с. 81]. По замечанию А. Нинова, «В девяностые годы (XIX столетия – О.К.) Бунин редко выходил за рамки созерцательной поэзии. Он оставался в своём уединённо-прекрасном и уравновешенном мире родной природы, которую чувствовал во всём разнообразии её оттенков и состояний, в закономерной смене жизненных форм» [29, с. 247]. В дальнейшем же чистое живописание сменяется психологическим раскрытием темы «человек в мире природы».

Пейзаж, образы природы выступают у Бунина не самоцельно, это не «натюрморт» импрессионизма, эстетика которого Бунину не была близка. Поэт с удивительной точностью сам выразил это обстоятельство в одном из своих стихотворений раннего периода (1901) – «Нет, не пейзаж влечёт меня, не краски жадный взор подметит, а то, что в этих красках светит: л ю б о в ь и р а д о с т ь б ы т и я» [1, с. 120]. (Здесь и далее разрядка в цитатах из сочинений Бунина наша. – О.К.). Конечно, и пейзаж влечёт Бунина, и взгляд его жаден до красок и их бесчисленных оттенков, но, в отличие от виртуозной, но холодной звукописи и живописи импрессиони-

¹ Как самый поздний по времени рецедив этой «кочки зрения» приведём мнение А. Горелова, трактующего, например, содержание «Тёмных аллей», как «откровенный разлив сексуальности...» [20, с. 561].

стов, пейзаж Бунина всегда согрет внутренним чувством, это не пейзаж сам по себе, а человек, находящийся в красках природы одну из главнейших радостей человеческого бытия: «... эту лиловую синеву <...> я и умирая вспомню...» [5, т. 6, с. 32]. Пейзаж у Бунина – это не просто аналогия или контраст к душевному состоянию героев, входящие в драматургию повести, рассказа или стихотворения. Функция пейзажа гораздо значительнее и глубже, поскольку образ природы в сознании поэта несёт надежду на то счастье и духовное удовлетворение, которое не может дать ему общение с людьми. И можно считать своего рода программным для Бунина его известное стихотворение (1918): «И цветы, и шмели, и трава, и колосья, и лазурь и полуденный зной...Срок настанет – Господь сына блудного спросит: «Был ли счастлив ты в жизни земной?» И забуду я всё – вспомню только вот эти полевые пути меж колосьев и трав...» [3, с. 80].

Любопытно, что для юного Бунина наиболее привлекательным был ночной пейзаж. Через три десятилетия он с мягкой усмешкой вспомнил в своей «Автобиографической заметке», что «с целью «наблюдения таинственной ночной жизни» месяца на два прекратил ночной сон, спал только днём» [26, с. 66]. Вот строки из ранних стихотворений (вторая половина 80-х годов XIX века): «Месяц задумчивый, полночь глубокая...» [2, с. 1]; «...смущён ночи июльской тревожною ласкою...» [1, с. 311]; «Далеко по широкой равнине сумрак ночи осенней разлит...» [1, с. 22]; «...таинственных вечных созвездий узор золотой...» [1, с. 23]; «...мягко мрак ночной плывёт в ночном просторе...» [1, с. 25]; «Ночь тиха и бледна, высоко полный месяц стоит»; «Ночь северная медленно и грузно возносит ночное величие своё» [1, с. 28].

И в дальнейшем, когда, по словам О. Михайлова, «в бунинские стихи проникает дневной свет, солнце» [26, с. 66], поэт не оставляет «ночной темы». Конечно, изображение ночного неба, звёзд, ночного пейзажа, «звуков ночи» становится всё более тонким, по-бунински индивидуальным: «Как, Господи, благодарить тебя за всё, что в мире этом ты дал мне видеть и любить в морскую ночь под звёздным светом...» [1, с. 482].

Вот ещё цитаты из бунинских стихов, раскрывших тему единства человека и природы, тему человека как частицы нашего прекрасного и необъятного мироздания: «В дачном кресле, ночью на балконе Океана к о л ы б е л ь н ы й шум...» [1, с. 431]; «Вот опять я молод, волен...В мире радость, свет и зной...» [1, с. 401]; «А для нас, для нас в темноте аллея цветы з а п е л и в этот сладкий час...» [1, с. 389]; «В лилово-синем море чернозёма затерян я...» [1, с. 209]. Завершим цитирование ещё одним своего рода программным стихотворением-завещанием: «Этой краткой жизни вечным измененьем буду неустанно утешаться я – этим ранним солнцем, дымом над селеньем, в этом парке листьев медленным паденьем...» [1, с. 428]¹.

¹ Наше обстоятельное цитирование связано не только со стремлением как можно более полно проиллюстрировать основные положения работы, но и с искренней любовью к творчеству Бунина и с беспредельным восхищением его поэзией. Всецело

Любовь Бунина к миру окружающей природы сказывается в том, что поэт «знает в лицо» каждую частицу этого мира – у него почти нет «просто деревьев», растений вообще – каждое названо по имени. Вот, например, названия цветов, упоминающихся в стихах Бунина: ландыш, астра, хризантема, жасмин, роза, миндаль, ромашка, мимоза, тюльпан, табак, герань, болотная мята, мак, лилия, кувшинка, клевер – «их хватит на целый академический гербарий!» [26, с. 69] – восклицает О. Михайлов. И все они входят в поэтику Бунина именно как образы природы, а не повод для сравнения. Так, уже до невозможности затасканная поэтами всех рангов роза в стихах Бунина «пахнет» вполне свежо: «...где на куртинах диких роз в блаженстве ослепительного блеска впивают пчелы тёплый мёд...» [1, с. 377]. А вот и целый «лес» деревьев: береза, клен, осина, ель, ёлка, яблоня, сосна, тополь, ольха, явор, кипарис и даже экзотические кокос, пальма; вот «заросли» трав и кустарников: бурьян, крапива, акация, кактус, лиана. И все это не просто частицы лесного или степного пейзажа, это повод для «движения души», для лирического переживания: «...тепло земли, и горький мёд сухой полыни...» [1, с. 376].

Столь же дороги душе поэта и «братья наши меньшие». В книге воспоминаний В. Катаева приводится эпизод, когда Бунин, рекомендуя молодому поэту вглядываться в окружающую жизнь, среди предметов, достойных внимания, одним из первых называет собаку: «Бежит собака с высунутым языком <...> опишите собаку. Одно, два четверостишия. Но точно, достоверно, лишь бы собака была именно эта, а ни какая-нибудь другая...» [7, с. 15], (отметим здесь характерное бунинское – «точно, достоверно»). И в стихах самого Бунина постоянны образы мира животных – звери (собака, ёж, змея, сурок, верблюд, конь, баран, коза, вол, лось, тур, медведь, жаба, дикобраз, даже «южные гости» - хамелеон, крокодил, слон, леопард), птицы (иволга, грач, ворон, соловей, дрозд, гусь, петух, сорока, сокол, бекас, павлин, утка, даже известный у нас, наверно, только орнитологам, пчелоед), насекомые (муравьи, сверчки, светляки, цикады, бабочки, пчёлы, мухи – лесные, а не навязчивые домашние, хотя, может быть, и есть такие).

И для каждого из «меньших братьев» Бунин находит единственные неповторимые слова: «Кошка в крапиве за домом жила <...> Кошка приходит и светит глазами...» [1, с. 242]; «Там иволга, как флейта, распевала...» [1, с. 244]; «Шипит и не встаёт верблюд, ревет, урчат бока скотины...» [1, с. 291]; «...соловьи всю ночь поют из тёплых гнезд...» [1, с. 298]; «...комар тоскует в полутьме...» [1, с. 331]; «В холоде голых, прозрачных аллей, пробует цокать, трещит соловей» [1, с. 397]; «Петухи поют по деревне, - то ли спросонья, с испугу, то ли к весёлой ночи...» [1, с. 495].

Животные в бунинских стихах – это отнюдь не басенные «герои», условные носители каких-то человеческих свойств, это именно живые час-

присоединяется к В. Катаеву, сказавшему в аналогичной ситуации: «Даже повторить эти бунинские слова, переписав их своею рукой, и то громадное наслаждение» [7, с. 42]. (Разрядка в стихах Бунина всюду наша. – О.К.).

тицы природы, частью которой поэт осознает и себя: «Чёрный бархатный шмель, золотое оплечье, заунывно гудящий певучей струной, ты зачем залетаешь в жильё человечье и как будто тоскуешь со мной?» [1, с. 383]. Свою веру в единство всего живого на земле Бунин афористически выразил и в известном стихотворении «Кобылица»: «Едины божие создання, благословен создавший их, и совместивший все желанья и все томления – в моих» [1, с. 406]. Вспомним и трогательную мечту страдающего от одиночества поэта: «...хорошо бы собаку купить...» [1, с. 168]. Вспомним и программное: «И цветы, и шмели...» [1, с. 432] – образ шмеля среди тех реалий жизни, которые поэт собирается сохранить в памяти, уходя навсегда за край земного круга.

х х х

Каковы же основные стилистические черты художественной речи Бунина? В чем секрет необычной красоты, пластичности и неповторимой индивидуальности драгоценного бунинского слова? А. Твардовский писал: «Рассказывают, что слыша похвалы своему языку, Бунин обычно отшучивался: «Какой такой особый язык у меня: пишу русским языком, язык, конечно, замечательный, но я-то тут причём?» [34, с. 46]. Твардовский считает это высказывание шуткой, за которой стоит «горечь художника, которому всегда обидно, так сказать, выборочное признание его достоинств» [34, с. 46]. Как думается, дело вовсе не в обиде писателя. В этих словах Иван Алексеевич Бунин выразил глубинную суть своего творчества, свою индивидуальность, свою роль в русской литературе рубежа XIX-XX века – он был хранителем всего того лучшего, что накопила русская классика. В годы разгула модернизма, а затем и соцреализма, эта охранительная традиция делала Бунина новатором, поскольку сокровища русской поэзии Бунин перенёс на новый виток диалектической спирали развития великой русской литературы. И в наши дни пророческим остается афористическое стихотворение Бунина «Слово»: «...нет у нас иного достоянья! Умейте же беречь, хоть в меру сил, в дни злобы и страданья, наш дар бессмертный - речь» [1, с. 313].

Владея, как никто из его современников, сокровищами чистого русского языка, не опускаясь до сомнительного «словотворчества», не пользуясь «брединой чалой»¹ диалектизмов, Бунин умел увидеть мир по-своему, и по-своему рассказать об этом. В. Катаеву принадлежит чеканное по своей точности определение такой способности Бунина: «Сила Бунина – изобразителя, - пишет он, - заключалась в поразительно быстрой, почти мгновенной реакции на все внешние раздражители и в способности тут же найти для них совершенно точное словесное выражение» [7, с. 41]. Он же назвал бунинские глаза «беспощадно зоркими» [7, с. 35]. Аналогичны мнения практически всех современников Бунина. Вот что, например, пишет в

¹ Такими загадочными словами озаглавил свой фельетон [33] известный улан-удэнский журналист А. Субботин, с юмором покритиковав начинающего поэта, в сборнике которого был переизбыток подобных диалектизмов. В словаре «чалая» объяснено как масть лошади, а «бредина» так и осталась загадкой.

своих воспоминаниях о встречах с Буниным И. Одоевцева: «Он всё видел как-то по-своему и находил для всего новые, неожиданные сравнения и определения» [30, с. 103]. Об этом даре Бунина находить адекватный словесный эквивалент увиденному, говорит и мастер русской прозы К. Паустовский: «Из необъятного числа слов он безошибочно выбирал <...> слова наиболее живописные, наиболее сильные, связанные какой-то незримой и почти таинственной связью и единственно для этого повествования необходимые <...> Каждый рассказ и каждое стихотворение Бунина подобно сильному магниту, который притягивает из самых разных мест все частицы, нужные для этого рассказа» [31, с. 85].

Безупречный вкус, точность в выборе слова были природным даром Бунина – он пришёл к ним после долгих и трудных поисков в юности, когда нередко отдавал дань «альбомной безвкусице, дешёвой красавости (вроде: «Замок, дремлющий при шёпоте фонтанов, где красавица, склонившись на балкон» [27, с. 41], когда «молодой писатель зачастую уходил от живой действительности в мир условных картонно-поэтических декораций...» [27, с. 41].

Зато в пору зрелости Бунин достиг столь высокого уровня мастерства, подлинной виртуозности, что многие его шедевры были созданы сразу «набело», без вариантов и поправок. Характерно мнение, сложившееся у жены писателя В. Н. Муромцевой-Буниной (с которой он сблизился уже в зрелом возрасте – 36-летним): «Иван Алексеевич никогда «кропотливо и упорно» над своими фразами не работал. У него был от природы «поставлен язык», как, например, у Неждановой был поставлен от природы голос...» [16, с. 117].

С годами отношение Бунина к выбору слова становится всё более строгим. Исчезают прежде иногда мелькавшие архаизмы, как, например, слова из церковно-славянской культовой терминологии (в поздних стихах лишь однажды встречается «потир» - чаша из церковного обихода). Всё более строгой и логичной становится конструкция его фраз, не теряя при этом инверсионной гибкости, ощущения свободы и естественности.

Словесный «пуризм» Бунина подчёркивают многие его современники. Так, В. Катаев приводит высказывания Бунина о Толстом, поразившие Катаева своей «необщепринятостью»: «...при всей его гениальности, Лев Толстой не всегда безупречен как художник. Есть у него много сырого, лишнего. Мне хочется <...> взять, например, его «Анну Каренину» и заново её переписать <...> сделав фразы более точными, изящными, но, разумеется, нигде не прибавляя от себя ни одной буквы, оставив всё толстовское в полной неприкосновенности. <...> глубоко убеждён, что отредактированный таким образом Толстой <...> будет читаться ещё с большим удовольствием и приобретёт дополнительно тех читателей, которые не всегда могут осилить его романы именно в силу их недостаточной стилистической обработки» [7, с. 55].

Конечно, подобный проект «редактирования» сочинений великого писателя не был и не мог быть осуществлён, но он показателен для болезненно чувствительного отношения Бунина к нарушениям стилистики. Что

именно он имел ввиду, можно понять, если вспомнить, например, такой эпизод в «Анне Карениной»: «ясная серебрянная Венера низко на западе уже сияла из-за берёзок своим нежным блеском, и высоко на востоке у ж е переливался своими красными огнями мрачный Арктурус. Над головой у себя Лёвин ловил и терял звёзды Медведицы. Вальдшнепы у ж е перестали летать <...> Венера перешла у ж е выше <...> колесница Медведицы с своим дышлом была уже вся видна на тёмном синем небе... В лесу уже было тихо...» [13, с. 183]. Здесь, как можно себе представить, Бунин-пурист нашёл бы «погрешности» - с его пристрастием к точности каждой детали наверняка показалось бы «небезупречным» отсутствие указания на то, о какой Медведице идет речь – Большой или Малой? Или почему Арктурус (Арктур) переливается «красными огнями» (во множественном числе) – Бунин обязательно бы привел оттенки этих «огней».

Но вряд ли бы Бунин в действительности взялся за «переписывание» Толстого. Наверняка он понимал то обстоятельство, которое хорошо выразил Н. Римский-Корсаков, вынужденный редактировать сочинения М. Мусоргского: «...это всё очень легко исправить, но притом теряется нечто весьма важное» [36, с. 240].

Но, повторяем, само высказывание Бунина, сохранённое его учеником, показательное для отношения поэта к проблеме стилистики: «Умейте же беречь <...> наш дар бессмертный – речь...» [1, с. 313].

В. Амлинский в статье о В. Катаеве назвал последнего «гением метафор», пояснив: «Он словно обладал особым зрением, позволяющем видеть людей и предметы в невидимых обычному глазу подробностях» [14, с. 79]. Как думается, эти слова в не меньшей, если не в большей, мере можно отнести к Бунину, тем более что Катаев считал себя учеником великого мастера и очень этим гордился. Недаром первая публикация отрывка из книги «Трава забвения» называлась «Учитель и ученик» [8]. Действительно, Бунина привлекала возможность своеобразного удвоения номинативной функции слова в речи. При этом бесчисленные бунинские метафоры, если так можно выразиться, первичны – в них нет самоцельности, нет нарочитой сложности, излишней изысканности. Чувствуется, что отнюдь не «изобретательство» в этой сфере двигало Буниным – метафора была одним из наиболее естественных для него приёмов художественной речи.¹

Формы метафор в стихах Бунина бесконечно разнообразны. В этой роли выступают существительные: «...низко кренит Фемона серое к р ы л о» [1, с. 193]; «на тусклом блеске волн, облитых с е р е б р о м...» [1, с. 351]; «Морской простор – в д о с п е х е золотом...» [1, с. 372]; «прилагательные: «Всё п р о щ а ю щ а я даль» [1, с. 195]; «...о б м а н у в ш и й год...» [1, с. 195]; «...сорока <...> качает длинным т р а у р н ы м хво-

¹ Метафорический (по преимуществу) тип художественного мышления Бунина, конечно, неразрывно связан с его ощущением надсемантическими особенностями слова, в том числе, к его фонизму («инструментовке») стиха. Поэтому почти все цитированные нами по какому-то поводу строки стихов Бунина могли быть иллюстрацией и к другим положениям нашей работы. Но чтобы не усложнять изложения, ссылки на это не делаются.

стом...» [1, с. 372]; «...мерцает д е в с т в е н н а я Вега над дальним станом крымских гор...» [2, с. 197]; «...и сад о б н а ж ё н н ы й гудел и сто-нал...» [1, с. 60]; «...блестят огни по ж и р н ы м эполетам...» [1, с. 378]; «...свежие струи волны, в з д ы х а ю щ е й в дремоте...» [1, с. 434]; «Глаза княжны не сходят с б у р н ы х нот» [1, с. 439]; «...я привык смотреть в о б м а н ч и в ы е дали ...» [1, с. 440]; «В нежарких солнечных лучах краснеют б р о н з о в ы е дыни...» [1, с. 159]; «...с м у г л ы м золотом Исакий смотрит дивно и темно...» [1, с. 314]; «С болотной мятой округ в о с к о в о й головы...» [1, с. 304]; «Золотыми цветут острями у кровати п о л н о ч н ы е свечи...» [1, с. 419]. Глагол, причастие и деепричастие: «Гром, п р о в о р ч а в в саду, с к а т и л с я за гумно» [1, с. 192]; «Запад темнеет и с в и щ е т сосна» [1, с. 322]; «с о ж ж ё н цветник морозом» [2, с. 195]; «...лес з а м и р а е т , млеет в зное...» [2, с. 198]; «...б е г у т , б е г у т лис-ты раскрытой книги...» [2, с. 242]; «Могильная плита, железная доска, в густой траве в р а с т а ю щ а я в землю...» [1, с. 311]; «...в степи роса д ы м и т с я...» [1, с. 319]; «...лес щ е т и н и т новую вершину...» [1, с. 396]; «...ш е п ч е т сад беспокойные речи...» [1, с. 419]; «...звёздное сияние б е л е е т меж ветвей...» [1, с. 84]; «Поджал губу, с и н е в ш у ю щети-ной...» [1, с. 388]; «...смело зрит простёртое пред ним нагое з е л е н е ю щ е е тело...» [1, с. 408]. Особенно часты генитивные конструкции (метафорическое существительное, соединённое с другим в родительном падеже): «... глубоко в з о л о т е песка, под х р у с т а л ё м воды, сияет белоснежный недвижимый отблеск маяка...» [2, с. 205]; «...чуть розовеет п е п е л небосклона...» [2, с. 262]; «Как нежны на алеющем закате, к р е м л и да-лёких синих облаков» [2, с. 266]; «...звнящей люстры серый к о к о н...» [1, с. 223]; «...в ш а т р а х узорчатых мимоз, на их ресницах серебрятся а л м а з ы томных, крупных слёз...» [1, с. 258]; «...в серебряной п ы л и туманно-ярких звёзд...» [1, с. 298]; «...мех ковра, уют алькова и сырой м о р о з газет...» [1, с. 314]; «... стройна, нарядна и скромна, с о г н ё м полуденного взгляда...» [1, с. 377]; «И так же будет неба д н о смотреть в открытое окно...» [1, с. 386]; «В пустом, сквозном ч е р т о г е сада иду...» [1, с. 430]; «П е ч а л ь ресниц, сияющих и чёрных...» [1, с. 455]; «В о л н ы Альп, мерцающих над синью п л а т и н о й горбов своих ледя-ных...» [1, с. 307]; «... тёплых сумерек краснеющий ш а ф р а н...» [1, с. 373]; «Море плавится в заливе драгоценной с и н е в о й» [1, с. 401]; «Б и р ю з о й сияет небо...» [1, с. 161]; «А под стенами – красные обрывы и волн густой а к в а м а р и н...» [1, с. 173]; «...блещут стекла алым г л я н ц е м...» [1, с. 323]; «Бараны сбились в кучу, сверкая я н т а р я м и спящих глаз...» [1, с. 319];

Наконец, всевозможные сочетания вышперечисленных приёмов: «В ж а р к о м з о л о т е закат...» [1, с. 323]; «И вновь к р е с т и т ь на г у ю душу в к у п е л и неба и морей...» [1, с. 341]; «... блещет а л м а з н о й подкво й полярный венец» [1, с. 343]; «... любовь, что душу п о с е щ а л а , о с т а в и л а в душе печальный с л е д» [2, с. 137]; «... на-шей жизни б л е д н ы й с о н...» [2, с. 205]; «... а ночь с о з в е з д ь я м и ц в е л а...» [1, с. 318]; «Д и к и г р у б , океан гремит о р г а н а м и...» [1,

с. 393]; «Колоколов средневековой, певучий зов, печаль времён...» [1, с. 456]; «На столах алет пыль. Вечерним низким светом из окон солнце блещет в зеркалах...» [1, с. 249]; «И будет сонно, сонно. Черепицы стеклом светиться будут...» [1, с. 259].

И вот ещё пример, особенно ярко показывающий, как глубоко метафорично поэтическое мышление Бунина – характеризуя собственный дар выбора слова, свой «поэтический такт», он пишет: «Некий Nord моей душою правит, он меня в скитаньях не оставит, он мне скажет, если что: не то!» [1, с. 392] – здесь за словом «Nord» очевидно стоит понятие «магнитная стрелка», безошибочно указывающая на Север, но это «верхний слой», так как магнитная стрелка тоже есть метафорическая замена понятия «художественное чутьё».

Завершая разговор о метафорах у Бунина, заметим, что свойственное поэту тонкое чувство меры полностью сказалось и здесь. У Бунина нет перенасыщения метафорами – для сравнения вспомним, что, например, у В. Маяковского на десяти страницах трагедии «Владимир Маяковский» исследователи насчитали более 350 метафор. Но дело, конечно, не только в количественных показателях – метафоры Бунина мягче, естественнее, «скромнее», они не «эпатируют» подобно метафорам раннего Маяковского: «Лягу, светлый, в одеждах из лени на мягкое ложе из настоящего навоза и тихим, целующим шпал колени, обнимет мне шею колесо паровоза» [9, с. 154]. Безусловно, что Бунин умел меньшими средствами достичь не меньшего образно-эмоционального эффекта.

Другая важнейшая сторона стилистики бунинской поэзии – её звуковая красота, «музыка» слова. «Я, вероятно, все-таки рожден стихотворцем, – говорил Бунин, – <...> для меня главное н а й т и з в у к ...» [17, с. 170-172] (разрядка наша. – О.К.). Очевидно, что в такой форме он выразил суть различия между прозой и поэзией – в последней чисто звуковое и семантическое значение, в известной степени, равноправны. Поэтому «музыкальная проза» Бунина может считаться одновременно и поэзией¹.

«Инструментовка» бунинского стиха отличается тонким чувством меры. В отличие от его современников-символистов, культивировавших аллитерацию подчас как самоцель и нередко добивавшихся ощущения вычурности, чрезмерности и даже назойливости (вспомним например, бальмонтское: «... Ластятся волны к веслу, Ластится к влаге лилея. Слухом невольно ловлю лепет зеркального лона...» [6, с. 216]), (выделение букв здесь и далее наше – О.К.), Бунин, казалось, исповедовал тезис Маяковского «Дозировать аллитерацию надо до чрезвычайности осторожно и по возможности не выпирающими наружу повторами...» [24, с. 112]. Действительно, бунинские аллитерации могут не сразу осознаваться, но они

¹ Заметим, что во времена, когда громились «космополиты и эстеты», подобный взгляд на соотношение содержания и формы считался формалистическим. А в наше время положительно расцениваются прежде «крамольные» слова В. Ходасевича: «... стихи, не доставляющие «эстетического наслаждения», стихи эстетически порочные, представляют собой явление в поэтическом смысле отрицательное. В лучшем случае их можно рассматривать как рифмованный человеческий документ» [35, с. 11].

оказывают громадное влияние на общую «тональность» стиха: «И так же будет залетать Цветная бабочка в Шелку – порХать, ШурШать и трепетать по голубому потолку...» [1, с. 316] – здесь мы словно бы слышим беззвучный шелест крыльев бабочки. «Ветер приХодяЩий, уХодяЩий, веюЩий безбрежностью морской ...» [1, с. 431] – нельзя не ощутить в этих стихах мерное дыхание ночного морского ветра. А здесь слышен шорох осенней листвы: «В пУстом СквоЗном Чертоге Сада иду, Шумя Сухой лиСтвой: какая Странная отрада...» [1, с. 430]. А вот пример из поэмы «Листопад» своего рода синестезии, когда повторение «звонящих» звуков вызывает словно бы ощущение блеска звёздного неба: «... меж белых их разВодов, вЗойдут огни небеСных Сводов, Заблещет Звёздный Щит СтоЖар – в тот чаС, когда Среди молЧанья мороЗный Светится поЖар...» [1, с. 96].

И понятно восхищение К. Паустовского: «Язык Бунина ..., - говорил он, - необыкновенно богат в образном и з в у к о в о м (разрядка наша. – О.К) отношениях – от кимвального пения до звона родниковой воды...» [31, с. 86].

Вспоминается восторг В. Катаева по поводу аллитерации в бунинском стихотворении «С обезьяной» [1, с. 259]: «... всё это чистейшая поэзия, но, конечно, лишь в том случае, если удастся открыть самую душу вещи и явления: например, душу велосипеда, который «промелькнёт бесшумным маХом птицы» (выделение букв наше. – О.К). Этот бесшумный мах, в котором всё же присутствовал шорох шин, буквально, сводил меня с ума своей дьявольской точностью ...» [7, с. 18].

Вот ещё примеры бунинских аллитераций, «открывающих самую душу вещей и явлений»: «Звезда дрожит Среди вСеленной <...> Звездой пылающей, потиром Земных Страстей, небеСных СлеЗ. Зачем, о ГоСподи, над миром ты бытие моё воЗнёС?» [1, с. 429]; «Щеглы, их звоН, стеклаН-Ный, Неживой и клеН Над облетевшею листвой...» [1, с. 427]; «О радоСть краСок! Снова, Снова, лаЗурь СквоЗь яркий жёлтый Сад...» [1, с. 421].

И эти примеры, как и примеры других «рукотворных чудес» в стихах Бунина, можно продолжать бесконечно.

В сложной и разветвленной системе определений, используемой Буниным (метафорическое определение, эпитет), особенно выделяется умение поэта видеть окружающее «в цвете». Это качество Бунина-художника очень ценил К. Паустовский, сам замечательный мастер «литературного пейзажа»: «... у Бунина было редкое безошибочное ощущение красок и освещения...» [31, с. 82].

Мир поэзии Бунина – это мир необычайно многоцветный. Поэт, словно живописец, тонко и точно чувствует и передаёт всё цветовое разнообразие окружающего. «Цветное зрение» Бунина-поэта поражает своей тонкостью. В привычных явлениях-пейзажах, облике людей и вещей он видит множество цветовых оттенков, находя для каждого из них по-бунински точное словесное выражение. Заметим также, что цвет для Бунина – это не просто одно из отличий данного явления, но часто и определённый символ, поначалу кажущийся чисто субъективным, но по мере вникания в него, обнаруживающий общечеловеческие черты. Вот, например, харак-

терное высказывание, вложенное поэтом в уста пустынного: «Какая тишина и радость в белом цветке!» [2, с. 320] – в этих словах словно скрыты и тишина бескрайних снежных полей, и безмолвие вечности (ведь на Востоке белый цвет – цвет траура), и белизна чистого листа бумаги, на который сейчас лягут строки нового стихотворения поэта...

Есть у Бунина и свой излюбленный цвет. Герой «Жизни Арсеньева» говорит, что ещё в ранней молодости «навсегда проникся глубочайшим чувством истинно-божественного смысла и значения земных и небесных красок» [5, т. 6, с. 32]. Характерно, что здесь как равные поставлены рядом всё бесчисленное многообразие з е м н ы х красок и одна н е б е с н а я – синева, голубизна неба. Очевидно, именно она, как для многих людей, для Бунина имела особенное, необъяснимо притягательное значение: «... часами простаивал, - пишет он, - глядя в ту дневную, переходящее в лиловое, синеву неба, которая сквозит в жаркий день против солнца в верхушках деревьев, как бы купающихся в этой синеве <...> Подводя итог того, что дала мне жизнь, я вижу, что это один из важнейших итогов. Эту лиловую синеву, сквозящую в ветвях и листве, я и умирая вспомню...» [5, т. 6, с. 32]. «О радость красок! – восторгался поэт. – Снова, снова лазурь сквозь яркий жёлтый сад горит так дивно и лилово...» [1, с. 421].

И удивительно ли, что «тема синевы» (оттенков синего, голубого и лилового) проходит через всю поэзию Бунина, становясь своего рода «лейтмотивом». Вот некоторые из многих примеров: «Мрамор неба, с и н и й с белыми разводами» [1, с. 433]; «... где в небе г о л у б о м встают сиреневым горбом обрывы каменных громад ...» [1, с. 375]; «... на водной с и н е в ш е й пустыне, в золотой пустоте г о л у б о й высоты...» [1, с. 395]; «... облаков с и р е н е в ы е ключья в жидком, влажно-б и р ю з о в о м небе...» [1, с. 306]; «В л а з у р и неба, ясной и пустой, та грань чернеет с и н ь ю воронёной из-за косы песчанно-золотой...» [1, с. 348]; «... л а з у р ь сквозит и на шиферные крыши г о л у б о й водой скользит...» [1, с. 422].

Восхищение небесной синевой делает для Бунина синий цвет и его бесчисленные оттенки особенно желанными и поэт отмечает это всюду: «Свет серебристо-г о л у б о й, свет от созвездий...» [1, с. 153]; «Океан туманно-г о л у б о й...» [1, с. 177]; «... самоцветы небес: янтарно-зелёный Юпитер, Сириус, дерзкий с а п ф и р, с и н и м горящий огнём...» [1, с. 186]; «Я помню купол грубо-г о л у б о й: там Саваоф с простёртыми руками...» [1, с. 260]; «Осенний день в л и л о в о й крупной зыби блистал, как медь...» [1, с. 261]; «... всё песок да кусты, сосенник с и н е-зелёный...» [1, с. 322]; «Солнце полночное, тени л и л о в ы е в жёлтых ухабах тяжёлых зыбей...» [1, с. 357]; «На л и л о в о м небе жёлтая луна...» [1, с. 369]; «Вдали полдневных гор хребет л а з у р н о-мглистый...» [1, с. 391]; «Зыбь облаков и мелка, и нежна. Возле луны г о л у б а я она...» [1, с. 397].

Подчас при первом чтении своеобразие бунинской цвето-световой гаммы может даже озадачить, но тут же приходит понимание, а за ним и восхищение еще одной художественной находкой поэта, безусловно обогатившей русскую литературу.

Обратимся к примерам: «... залив меж кипарисов, точно с и н и м пламенем налит...» [1, с. 110]; «... серебрится сад с в е т о м и т а и н с т в е н н ы м и к р о т к и м... » [1, с. 102]; «... мирно р о з о в ы й мерцает Антарес...» [1, с. 90]; «... голубей пугливых стаи сверкают с н е ж н о й б е л и з н о й...» [1, с. 55]; «... вдоль просеки лесной, ч е р н е е т грязь в листве л и м о н н о й...» [1, с. 40]; «Б а г р я н а я печальная луна...» [1, с. 144]; «А солнце, р о з о в е я, в степную пыль садилось...» [1, с. 158]; «Б и р ю з о й сияет небо...» [1, с. 161]; «А под стенами – к р а с н ы е обрывы и волн густой а к в а м а р и н...» [1, с. 173]; «... океан т у м а н н о - г о л у б о й...» [1, с. 177]; «По стеклам р а д у ж н ы м ... тревожно бабочка л и л о в а я спует...» [1, с. 180]; «Всё море – как ж е м ч у ж н о е зеркало, с и р е н ь с отливом м л е ч н о - з о л о т ы м...» [1, с. 184]; «В лилово-синем море чернозёма затерян я...» [1, с. 209]; «... сонно светится сквозь ельник с е р п а з е л е н о в а т о е пятно...» [1, с. 211]; «... глыбы ж ё л т о - п е п е л ь н ы х камней, забытые могилы в океане нагих песков...» [1, с. 237]; «В столетнем мраке ч ё р н о й е л и к р а с н е л а т ё м н а я заря, и светляки в кустах горели з е л ё н ы м дымом янтаря...» [1, с. 248]; «... моря пышно-цветное индиго...» [1, с. 256]; «Горит хрусталь, горит р у б и н в вине...» [1, с. 291]; «Стамбул ж е м ч у ж н о - с е р в дали...» [1, с. 291]; «... среди ветвей корявых ползёт м о л о ч н ы й дым: окуривают сад...» [1, с. 298]; «Море заштило, з е л е н е е т, на востоке, светлом, а п е л ь с и н о в о м, розовеют снеговые горы...» [1, с. 293]; «... облаков сиреневых клочья в жидком, в л а ж н о - б и р ю з о в о м небе...» [1, с. 306]; «Солнце, улыбаясь в светлой дымке, перламутром р о з о в ы м слепило...» [1, с. 307]; «Роса, при б л е д н о - р о з о в о м огне далёкого востока, золотится...» [1, с. 319]; «Заиграет вьюгою и листву м у р у г у ю понёсет смелей...» [1, с. 329]; «... за ч ё р н ы м деревом луна, склоняясь, з о л о т и т с я...» [1, с. 331]; «В л а з у р и неба, ясной и пустой, та грань ч е р н е е т с и н ь ю в о р о н е н о й из-за косы п е с ч а н н о - з о л о т о й...» [1, с. 348]; «На ледяном Казбеке блещет Востока р о з о в ы й огонь...» [1, с. 356]; «... тёплых сумерек к р а с н е ю щ и й ш а ф р а н...» [1, с. 373]; «Вечерних туч над морем шла гряда, и з о л о т и с т о - с е р ы м и столпами стояла безграничная вода...» [1, с. 387]; «Вдали полдневных гор хребет л а з у р н о - м г л и с т ы й...» [1, с. 391]; «Море плавится в заливе драгоценной с и н е в о й. Вниз бегу. Обрыв за мною против солнца ж ё л т ы й...» [1, с. 401]; «... р о з о в а я облачность небес...» [1, с. 414]; «В г е л и о т р о п о в о м свете молний летучих...» [1, с. 458]; «... сады в долинах р о з о в е л и, в них г о л у б о й стоял туман, селенья ч ё р н ы е молчали...» [1, с. 475]; «... цветы, з о л о т я с ь, вырастая, на л а з у р н о м дрожат основанье...» [1, с. 419]; «... смуглым з о л о т о м Исакий смотрит дивно и темно...» [1, с. 314]; «... в Каире блещут стекла а л ы м глянцем...» [1, с. 323]; «Древняя обитель супротив луны, на лесистом взгорье, над речными водами, б л е д н о - с и н е в а т ы й мел её стены...» [1, с. 433]; «... з о л о т ы е отраженья дворцов в л а з у р н о м глянце вод...» [1, с. 456]; «... ж е л ч н о е лицо, - скользит под к р а с н о в а т о - ч ё р н ы м коком. Лоск костяной на лбу его высококом...» [1, с. 378]; «Подкрашенные ж ё л т ы е

седины страшней всего...» [1, с. 412]; «Рубины мрачные цвели, чернели в нём (в перстне. – О. К.), внутри пурпурно-красные, алмазы вспыхивали розовым огнём...» [1, с. 312]; «... блистал твой образ чудотворный в огнях малых лампад...» [1, с. 328]; «Из тонкогорлого фиала золотое масло лью...» [1, с. 403]; «Метнулся розовой огонь двух желтых суженных зрачков...» [1, с. 334]; «Пчелоеды, в зелёно-синих перьях, отдыхают на золотистых нитях телеграфа...» [1, с. 361]; «Черный бархатный шмель, золотое оплечье...» [1, с. 383]; «Так же будет залетать цветная бабочка в шелку – порхать, шуршать и трепетать по голубому потолку...» [1, с. 386].

И точно так же тонко Бунин ощущает и мир запахов¹. В «Жизни Арсеньева» он замечает, что в юности отличал «запах росистого лопуха от запаха сырой травы» [5, т. 6, с. 120]. Примеров отражения этой стороны сенсорного мира меньше, но они по-бунински выразительны: «Поёт комар. Тепло и гнилью веет...» [1, с. 144]; «Струилась синяя река; блангоухая, сохли травы...» [1, с. 180]; «Венки, лампадки, пахнет тленьем...» [1, с. 152]; «Грибы сошли, но крепко пахнет в оврагах сыростью грибною...» [1, с. 39]; «Тепло и влажный блеск. Запахли мёдом ржи...» [1, с. 42]; «Пахнет мёдом, зацветает белая гречиха...» [1, с. 54]; «И в молодом березняке грибами пахнет и листовою...» [1, с. 55]; «Ветерок с полей тепло приносит, горячий дух лозины молодой...» [1, с. 57]; «А тополь тянется в открытое окно и ладаном благоухает...» [1, с. 194]; «Люблю неясный винный запах из шифоньерок и от книг...» [1, с. 223].

х х х

В систему выразительных средств поэзии Бунина входит ещё и своеобразие построения фразы, особенности инверсий, драматургия стиха в целом, что можно кратко показать на примере разбора его знаменитого стихотворения «И цветы, и шмели...», являющегося, как упоминалось, для поэта своего рода программным: высказывание идёт от первого лица, поэт трагически трактует обычную для него тему «человек и природа». Потерпев неудачу в личной жизни и тяжело переживая чуждые ему перемены в жизни России (стихотворение написано в 1918-ом), Бунин воплощает данную тему в плане противопоставления общества людей, отталкивающего поэта, и мира природы, несущего ему утешение. Есть в стихотворении и нередкий для Бунина религиозный мотив подведения итогов жизни.

Удивительная музыкальность этого краткого стихотворения (всего две строфы в четырёхстопном анапесте) связана со строением каждого из предложений, входящих в строфы. Так, первая строка первой строфы разделена на отдельные стопы, а запятые между ними воспринимаются словно

¹ Заметим, что тонкость обоняния – редкий дар, отчего он и не считается важным. Недаром нет термина, обозначающего человека, лишённого обоняния, термина который бы был аналогичным терминам «слепой» и «глухой».

люфт-паузы («воздушные паузы» в музыкальном тексте), отчего возникает ощущение созерцательного покоя, тишины, что усиливается женским окончанием последней стопы. Во второй строке движение замедляется ещё и четырёхсложным словом «полуденный», а мужская рифма, завершающая строку, смягчена многоточием. В этой словесной живописи, конечно, присутствует любимая поэта «небесная краска» - лазурь, и один из «собеседников» поэта – шмель (вспомним: «Чёрный бархатный шмель, золотое оплечье...» [1, с. 383]. Третья и четвёртая строки первой строфы переводят автора от любования прошлым к мысли о неизбежном будущем: движение ускорено и усложнено включением прямой речи, которая здесь явно требует медленного внеэмоционального прочтения – речь Всевышнего.

Вторая строфа резко контрастирует первой – нет покоя, созерцания картин природы, нет размышления, их сменяет душевный порыв: «и забуду я всё...» - «всё» суммирует то, что с болью отрицает поэт: его личную драму и драму нашего Отечества. Антитезой же «всеми» выступает образ природы: «вспомню только вот эти полевые пути меж колосьев и трав...». Трагизм высказывания умножен тем, что поэт словно бы прощается с земной жизнью, надеясь найти утешение лишь за её пределами – в «милосердных Коленах Творца».

Выделим некоторые из средств выразительности, присутствующих в изложении. Метафора: «Милосердные колена» – тонкое метафорическое претворение мысли о милосердии Всевышнего. Инверсию находим в выражении «сына блудного». Аллитерация ясно прослушивается в фразе «от Сладостных Слёз не успею ответить», что придаёт изложению мягкий, «слёзный характер». Эти и другие приёмы, тщательный выбор словесного материала, синтаксическая и инверсионная гибкость, звучная музыка слова, безупречность формы, первичная свежесть и ёмкость содержания, объединяясь, делают стихотворение Бунина «И цветы, и шмели...» одним из шедевров русской и мировой поэзии.

х х х

Теперь о вопросе, мимо которого не может пройти музыкант – о музыке на слова Бунина. Безусловно, музыкальность его стихов и их глубокая содержательность не могла не обратить на себя внимание композиторов. Здесь мы прежде всего назовём гениальные вокальные миниатюры С. Рахманинова – романсы «Ночь печальна» и «Я опять одинок». В них бунинское «слово» и рахманиновский «звук» органично соединившись, породили шедевры, по праву входящие в русскую музыкальную классику. Назовём также романсы Р. Глиэра «Ночь печальна», «Как светла, как нарядна весна», «Звёзды ночи весенней», «Снова сон», «Смерть», «Ночь идёт», «Тих и чуток предрассветный час», романс П. Берлинского «Ночь», эпизод из хорового цикла Б. Лятошинского «Из прошлого» («В старом городе»). В печати мелькнуло сообщение о том, что в творческих планах одного из ведущих российских композиторов С. Слонимского опера на сюжет бунинской повести «Митина любовь». Очевидно, что по мере хода времени, когда даже в эстрадных жанрах композиторы всё чаще обращаются к текстам выдающихся поэтов – А. Ахматовой, Н. Заболоцкого, Р. Бернса, стихам Бунина всё чаще будут находить музыкальный эквивалент.

В 1961 г. К. Паустовский, называя Бунина «первоклассным поэтом чистой, если можно так выразиться, «кастальской» школы...», вместе с тем, отмечал, что «его стихи до сих пор не оценены» [31, с. 91-92]. К сожалению, очень многие читатели предпочтут Бунину поэтов, стихотворения которых, как часто бывает, имеют весьма отдалённое отношение к поэзии – часто это лишь ритмованная и рифмованная лирико-бытовая проза (даже, скорее, публицистика).

Интерес к поэзии одного из крупнейших русских поэтов-классиков в советские времена постепенно рос. Об этом свидетельствует хотя бы то, что регулярно выходившие сборники прозы стихов Бунина очень быстро исчезали с прилавков. Увы, в наше время, когда наша «самая читающая в мире» страна стала «смотрящей» (в телевизор или компьютер) в книжных магазинах, число которых значительно уменьшилось, застаиваются на полках, нередко роскошно оформленные, творения великих мастеров литературы. Не составили исключения и сочинения Бунина. Причины такого положения известны – засилье западной попкультуры, тиражирование бульварной псевдолитературы (это для молодёжи), безденежье (это для старшего поколения).

И хочется надеяться, что наша страна на пути к тому, чтобы снова стать «самой читающей», чтобы каждая книга 300-тысячного тиража нашла своего понимающего, увлечённого и благодарного читателя, как это было с вышедшим в 1986 г. сборником стихов Бунина [1].

«Будущим поэтам, для меня безвестным, - писал Иван Алексеевич, - Бог оставит тайну – память обо мне...» [1, с. 428]. Эта надежда на значимость собственного творчества, выраженная со свойственным Бунину афористическим лаконизмом была небеспочвенной. Сегодня очевидно (повторим в заключение уже приводившиеся слова О. Михайлова), что Иван Алексеевич Бунин – «один из крупнейших русских поэтов нашего XX века» [25, с. 5]. И никакие новые имена, никакие творческие «новации и изыски» не заслонят мудрой и родниково-чистой поэзии великого русского мастера. Поэзия Ивана Алексеевича Бунина будет жить, пока живёт русский язык, а это значит – вечно.

Примечания

1. Бунин И. А. Стихотворения и переводы. М. : Современник, 1986.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 1. Стихотворения, 1886-1917. М. : Худож. лит., 1965.
3. Бунин И. А. Рассказы. М. : Гослитиздат, 1956.
4. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Правда, 1956.
5. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Худож. лит., 1965-1967.
6. Бальмонт К. Стихотворения. Л. : Совет. писатель, 1969.
7. Катаев В. Трава забвения // Новый мир. 1967. № 3.
8. Катаев В. Учитель и ученик // Огонёк. 1967. № 8-11.

9. Маяковский В. Владимир Маяковский : (трагедия) // Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. Маяковский. М. : ГИХЛ, 1955. Т. 1.
10. Мысль, вооруженная рифмами : (поэтическая антология). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.
11. Русская литература XX века (дореволюционный период) : хрестоматия. М. : Учпедгиз, 1962.
12. Русская стихотворная пародия. Л. : Совет. писатель, 1960.
13. Толстой Л. Анна Каренина // Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. М. : Худож. лит., 1981. Т. 8.
14. Амлинский В. Памяти Катаева // Юность. 1986. № 6.
15. Афанасьев В. Бунин И. А. М. : Просвещение, 1966.
16. Бабареко А. Муромцева-Бунина В. Н. // Подъём. 1974. № 3.
17. Бабареко А. Бунин И. А. (материалы для биографии). М. : Худож. лит., 1967 ; 2-е изд. 1983.
18. Блок А. О лирике // Собрание сочинений : в 8 т. / А. Блок. М. ; Л. : ГИХЛ, 1962. Т. 5.
19. Волков А. Проза Ивана Бунина. М. : Моск. рабочий, 1969.
20. Горелов А. Звезда одинокая... // Три судьбы / А. Горелов. Л. : Совет. писатель, 1980.
21. Горький А. Письмо к Е. Н. Чирикову // Собрание сочинений : в 30 т. / А. Горький. М. : ГИХЛ, 1955. Т. 29.
22. Долгополов Л. Судьба Бунина // На рубеже веков. Л. : Совет. писатель, 1985.
23. Кондратович А. Ровесник любому поколению (повесть о А. Твардовском). М. : Современник, 1987.
24. Маяковский В. Как делать стихи // Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. Маяковский. М. : ГИХЛ, 1959. Т. 12.
25. Михайлов О. Бунин-поэт [Предисловие] // Бунин И. А. Стихотворения и переводы. М. : Современник, 1986.
26. Михайлов О. И. А. Бунин. М. : Наука, 1967.
27. Михайлов О. Строгий талант. М. : Современник, 1976.
28. Никулин Л. Иван Бунин // Люди и странствия (воспоминания и встречи) / Л. Никулин. М. : Совет. писатель, 1962.
29. Нинов А. М. Горький и Ив. Бунин. Л. : Совет. писатель, 1984.
30. Одоевцева И. На берегах Сены // Звезда. 1988. № 10.
31. Паустовский К. Иван Бунин // Наедине с осенью / К. Паустовский. М. : Совет. писатель, 1972.
32. Степун Ф. Литературные заметки. Париж, 1926.
33. Субботин А. «Бредина чалая» // Правда Бурятии. 1967. 13 мая.
34. Твардовский А. О Бунине // Бунин И. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Худож. лит., 1965. Т. 1.
35. Ходасевич В. Заметки // Литературная Россия. 1988. № 41.
36. Ястребцов В. Мысли и воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове. Л. : Музгиз, 1960. Т. 2.

ИЗ ИСТОРИИ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА НА УЗБЕКСКИХ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ

FROM THE HISTORY OF PERFORMING ON THE UZBEK PEOPLE'S INSTRUMENTS

В статье автор освещает основные этапы пройденного исторического пути, отбор, систематизацию и обобщение материалов, посвящённых становлению исполнительского искусства на узбекских народных инструментах от истоков до настоящего времени.

The author of the article highlights the main stages of the historical path, selection, systematization and generalization of the materials devoted to the development of performing arts on Uzbek folk instruments starting from the roots to the present time.

Ключевые слова: народное искусство, народные инструменты Узбекистана, исполнительское искусство на народных инструментах, национальное исполнительское искусство.

Keywords: folk art, folk instruments of Uzbekistan, performing arts on folk instruments, national performing arts.

Исполнительство на народных инструментах составляет важную и неотъемлемую часть музыкальной культуры Узбекистана. Оно опирается на многовековые традиции, которые непрерывно развиваются и совершенствуются. Его современное состояние отличается многообразием исполнительских школ и локальных особенностей интерпретации. Необходимость обращения к данной теме продиктована тем обстоятельством, что до недавнего времени вопросы истории и теории исполнительства на узбекских народных инструментах не получали должного освещения и, фактически, оставались вне поля зрения системы обучения в музыкальных вузах. Особенно ясно этот недостаток ощущался при подготовке кадров по специальности «Народные инструменты».

История исполнительского искусства на народных инструментах в Узбекистане включает несколько этапов, соответствующих следующей периодизации:

- исполнительство на народных инструментах от возникновения до XX века;
- развитие исполнительского искусства на народных инструментах в XX веке;
- исполнительское искусство на народных инструментах в годы обретения Узбекистаном независимости (с 1991 г. до настоящего времени).

Современное исполнительское искусство на народных инструментах в своем развитии унаследовало многовековые традиции музицирова-

ния, которые уходят своими корнями в глубокую древность. Археологические материалы, древние литературные источники позволяют более определенно говорить о существовании различных музыкальных инструментов и своеобразной манеры игры на них. На протяжении многих столетий народные музыкальные инструменты использовались в повседневной жизни человека - на охоте, в придворных и обрядовых церемониях, в народных праздниках и гуляниях. Эта музыка, направленная на удовлетворение духовных потребностей народа, постепенно обогащалась всё новыми жанрами и видами.

Исполнительское искусство на всех этапах своей истории было неотделимо от процессов общественного развития и формирования национальной музыкальной культуры. Отметим важные вехи этих взаимосвязей в виде тезисов:

1. Музыкальное искусство в первобытном обществе имело глубокие связи с народным бытом и трудовыми процессами, где активно применялись музыкальные инструменты. Формирование древнейшего изустного музыкально-поэтического творчества народов проходило в тесной связи с развитием народного инструментария;

2. Возникновение основных видов национальных музыкальных инструментов в период средневековья – результат высокого общественного развития, где исполнительство из прикладного сопровождения обрядов и ритуалов превращается в профессиональное музицирование;

3. Развитие исполнительского искусства на народных инструментах в конце XIX – в начале XX вв. связано с новой общественно-экономической формацией в регионе и, в частности, влиянием европейской культуры;

4. Исполнительское искусство в XX в. связано с формированием общегосударственной системы музыкального образования и наличием таких факторов как деятельность различных по составу исполнительских коллективов, организация музыкальных конкурсов и фестивалей, различных форм музыкальной жизни, в том числе культурно-просветительской работы.

5. В начале XXI в. исполнительское искусство на узбекских народных инструментах приобретает широкую известность в мире, становится предметом повышенного внимания, серьезного и глубокого изучения крупнейшими учеными-востоковедами.

Таким образом, современная система воспитания высококвалифицированных кадров молодых исполнителей нуждается в дополнении и расширении знаний историческими и теоретическими материалами, как-то: сведения о существовании древних музыкальных инструментов, об истории формирования узбекского народного инструментария, о развитии выразительных, исполнительских и технических возможностей в сольном, ансамблевом и оркестровом исполнительстве.

Важнейшей вехой в развитии национального исполнительского искусства явился 1948 г., ознаменованный организацией отдела народных инструментов в составе оркестрового факультета Ташкентской государственной консерватории.

венной консерватории, а с 1949 г. – самостоятельного факультета народных инструментов. Впервые в истории исполнительства на узбекских народных инструментах началась профессиональная подготовка и воспитание инструменталистов, дирижеров оркестра узбекских народных инструментов и педагогов высшей квалификации. Рост исполнительской культуры на узбекских народных инструментах, освоение мировой музыкальной классики, активная творческая деятельность композиторов Узбекистана в создании произведений для народных инструментов выдвинули проблему организации и подготовки высококвалифицированных научно-педагогических и исполнительских кадров. Организация же самостоятельной кафедры помогла коренным образом перестроить обучение на народных инструментах. На кафедру возлагались следующие задачи:

- подготовка и воспитание исполнителей, дирижеров оркестра и педагогов высшей квалификации, обладающих широким кругозором и необходимыми знаниями национальной и мировой музыкальной культуры, обеспечение ими учреждений культуры и искусства, музыкальных учебных заведений.

- разработка учебников, учебно-методических пособий, программ для специальных классов, создание учебного и художественного репертуара для музыкальных учебных заведений;

- определение основных видов народных инструментов для обучения на них в музыкальных учебных заведениях;

- активизация как творческой, так и практической деятельности экспериментальной лаборатории по реконструкции и совершенствованию народных музыкальных инструментов и обеспечению музыкальных учебных заведений и оркестров инструментами улучшенного качества. Создание оркестров народных инструментов, как в музыкальных учебных заведениях, так и в коллективах художественной самодеятельности республики.

Трудно переоценить роль замечательной плеяды педагогов республики в становлении и развитии исполнительского искусства на народных инструментах. Многолетний опыт педагогов убеждает в том, что буквально к каждому ученику, независимо от степени одаренности, можно найти индивидуальный подход. Умение заниматься с исполнителем заключается, прежде всего, в способности педагогов пробуждать в студентах любовь к профессии музыканта.

Перенимая лучшие традиции исполнительского искусства основателей исполнительской школы, новое поколение музыкантов развивает их дальше, обогащая новыми достижениями, новыми исполнительскими приёмами, решая современные художественные и технические задачи.

С начала 1990-х гг. в Узбекистане вслед за изменениями в общественно-политической жизни произошли радикальные перемены в сфере культуры. Обретение Узбекистаном независимости отразилось не только в политической и экономической жизни республики, но и в немалой степени в культуре и, в частности, в тенденциях развития исполнительства на узбекских народных инструментах. Оно происходит на основе народных ис-

токов, активизации этно-национального, художественного и мифопоэтического сознания. В музыкальном искусстве возрождаются яркие локальные традиции, в частности, огромный интерес к национальной классической музыке.

Одной из значимых позитивных тенденций периода независимости, несомненно, является вхождение Узбекистана в мировое информационное пространство. Благодаря исчезновению информационных границ, республика начала участвовать в культурном обмене со всем международным сообществом, включилась в мировой культурный процесс. В результате появились большие перспективы для раскрытия творческого потенциала музыкальной молодежи: возможность участия в международных конкурсах. В новых исторических условиях возрождаются традиции Великого Шелкового пути как уникального явления взаимосвязи цивилизаций Востока и Запада.

Независимость внесла новые элементы и в систему музыкального образования. Реализация Национальной программы по подготовке кадров, не имеющей аналогов в мире, позволила поднять подготовку специалистов в области исполнительского искусства на качественно новый уровень. Развивается музыкальная наука, о чем свидетельствует появление ряда монографий, учебных пособий, школ игры на узбекских народных инструментах, методической литературы, проведение научно-практических конференций.

За эти годы в Узбекистане произошли колоссальные преобразования, связанные с построением независимого, демократического государства, активным вхождением искусства республики в широкое мировое пространство. Узбекские музыканты получили благодатную реальную возможность показать свое мастерство в различных международных конкурсах и фестивалях, поднять музыкальную культуру Узбекистана на качественно новый уровень своими успехами и достижениями.

Современное музыкальное исполнительское искусство на народных инструментах живет полнокровной жизнью. Оно развивается, обретает новые формы, отвечает на духовные запросы времени. Являясь неотъемлемой частью национальной культуры, узбекское исполнительское искусство является одним из путей общения с мировым культурным пространством, и народные инструменты играют в этом процессе основополагающую роль.

Исполнительство на народных инструментах в годы независимости завоевало достаточно высокий авторитет, однако, достигнутые успехи являются лишь началом перед открывшимися широкими горизонтами в деятельности педагогов, исполнителей и исследователей в области народного инструментария. В наше время музыкальное исполнительство и обучение игре на народных инструментах требует дальнейшего совершенствования. Особое внимание следует обратить на создание учебно-методических пособий, отвечающих современным требованиям, на создание частных, авторских методик для отдельных инструментов. Много еще нерешенных проблем в деле качества подготовки и воспитания музыкантов-исполните-

лей широкого профиля, в дальнейшем совершенствовании педагогики, методики и музыкального исполнительства. Коренного улучшения и дальнейшего улучшения требует работа по обмену опытом педагогической, творческой методической и исполнительской деятельностью между музыкальными вузами мира.

Особую роль в процессе подготовки кадров сыграла кафедра исполнительства на народных инструментах Ташкентской консерватории. За 70 лет своей деятельности она внесла заметный вклад в развитие и совершенствование исполнительского искусства на узбекских народных инструментах. Выпущено свыше 1000 специалистов широкого профиля, которые работают в музыкальных колледжах искусств, специализированных академических лицеях, в Ташкентском Государственном институте культуры, на музыкально – педагогических факультетах педагогических институтов, в детских музыкальных школах и школах искусств. Профессорско-преподавательский состав кафедры исполнительства на народных инструментах в основном, укомплектован из числа выпускников консерватории. Музыкальное исполнительство на народных инструментах, в котором за последние годы ведущую роль играют питомцы кафедры консерватории, не смогло бы достичь такого расцвета, завоевать такие художественные высоты и широкое признание без соответствующего роста и совершенствования методики обучения на узбекских народных инструментах.

В результате открывшихся отделов узбекских народных инструментов в средних и высших учебных заведениях искусства и музыкальных школах были созданы благоприятные условия для решения наиболее актуальных задач в вопросах учебно-воспитательного, научно-методического характера, направленных на создание учебно-методических пособий по степени трудности, с учетом возрастной дифференциации учащихся и специфики, разнообразных по тембру звучания музыкальных инструментов.

Одновременно с подготовкой высококвалифицированных кадров ведущие педагоги кафедры народных инструментов активно включились в создание научно-методических и учебно-методических пособий. Целенаправленно ведется подготовка специалистов по 14 специализациям по новой системе квалификаций – преподаватель, солист, ансамблист и оркестрант. На сегодняшний день особенно важно подчеркнуть этот аспект, потому что кафедра стоит перед новым разворотом своей деятельности. Творчески изучить, освоить величайшее наследие узбекской и мировой исполнительской школы, возвысить роль исполнителя на народных инструментах до уровня пропагандиста лучших творений узбекских, русских, западноевропейских композиторов, до уровня воспитателя высокохудожественного вкуса широких масс слушателей. Совершенствовать свое профессиональное и исполнительское мастерство, наконец, стиль исполнения, отражающий кипучую энергию современной жизни - таков круг первоочередных задач, стоящих перед исполнителями на народных инструментах.

В процессе подготовки и воспитания специалистов, как с высшим образованием, так и со средним музыкальным специальным образованием имеют место недостатки, возникает целый ряд проблемных вопросов, ре-

шение которых заслуживает первоочередного внимания. Одна из них – это повышение качества подготовки кадров широкого профиля. Выпускники кафедры должны быть проводниками в области исполнительства на узбекских народных инструментах, и потому им необходимы знания и умения в различных сферах деятельности: владение высокой культурой исполнительства, навыками дирижирования оркестром, умением записывать и обрабатывать образцы узбекской народной музыки, вести самостоятельную работу по созданию методической литературы по истории и теории исполнительства на узбекских народных инструментах, способствовать совершенствованию методики преподавания.

В целом, задача кафедры видится в воспитании высокопрофессиональных, высокообразованных, широкопрофильных специалистов. В этом, несомненно, огромная роль возлагается на педагога по специальным дисциплинам, так как именно ему доверена судьба будущего поколения музыкантов, судьба дальнейшего совершенствования и расцвета исполнительства.

На сегодня усилиями кафедры создано немало учебных пособий, сборников, методической литературы, в которых остро нуждаются учебные заведения. Но анализ свидетельствует, что их содержательная сторона ограничивается констатацией общих сведений. Между тем потребность в литературе, посвящённой именно методике преподавания, огромна.

В этом смысле можно с сожалением констатировать, что на данный момент в курсах методики обучения игре на народных инструментах, в частности, в изданных статьях и пособиях по узбекским народным инструментам, наблюдается ограниченный подход, поскольку все рекомендации в основном сводятся к постановке игры на инструменте и изучению технических приемов звукоизвлечения. При этом из сферы внимания авторов полностью выпадают проблемы учебно-воспитательного характера, которые формируют специалиста как гармонично развитую личность. Иными словами в процессе обучения должны быть задействованы и другие аспекты, а именно: вопросы педагогической этики и морали, пути стимулирования активизации поисков эффективных форм обучения с использованием дидактических приёмов, интерактивных форм общения, а также построение процесса обучения с учётом духовно-просветительской направленности.

Неразработанность такой комплексной методики в вузе уже начинает сказываться на качестве обучения студента-исполнителя, в том числе и по профилю педагогической подготовки.

В настоящее время понятие методики чаще всего употребляется в трех значениях:

- методика как теоретический курс, как учебная дисциплина в вузе и вузе;
- методика как совокупность форм, методов и приемов работы педагога, т.е. как технология профессиональной практической деятельности;
- методика как педагогическая наука, имеющая, с одной стороны, характеристики, присущее любой науке вообще и, с другой, - специфиче-

ские объекты исследования, обусловленные как сущностью самого предмета, так и путями овладения им.

При определении понятия «методика» надо исходить из совокупности главных субъективных и объективных факторов обучения. Методика создается на основе изучения наиболее эффективных методов практики обучения и их теоретического обоснования и обобщения в процессе психолого-педагогических исследований.

Объективно сложились две функционально различные методики - общая и частная (специальная). Общая методика занимается изучением закономерностей и особенностей процесса всего обучения, частная разрабатывает и осуществляет такие проблемы, как способы и формы обучения, которые ведут к разумно быстрому овладению студентами соответствующими специфическими знаниями и навыками в той или иной специальности.

Основными этапами дальнейшего совершенствования методики обучения игре на народных инструментах можно считать следующие:

1. Глубокое изучение современной общей и музыкальной педагогики, психологии и дидактики, позволяющих прийти к теоретическому обобщению и выводам по выработке основных положений методики обучения игре на народных инструментах.

2. Изучение и обобщение положительного опыта преподавания, дающего эффективные результаты в практике обучения оптимальными методическими средствами в соотношении с положениями и установками частных методик.

3. Критический анализ различных методических школ и направлений прошлого и настоящего с целью выявления прогрессивных тенденций, которые можно было бы успешно использовать в современном обучении и развитии студента.

Именно на этих основах, думается, можно выработать научно обоснованные и подтвержденные опытом работы, методические положения и концепции, которые в практике обучения дали бы положительный результат с минимальной затратой времени и оптимальными усилиями обучающегося и обучающего.

Следуя по сформулированным выше этапам, можно реализовать главную задачу, продиктованную временем и современными требованиями, то есть, создать такую методику обучения игре на народных инструментах, в которой наблюдалось бы движение от учета общей направленности к особенностям обучения игре на отдельных группах и семействах инструментов. Только на основе такой методики, дифференцирующей различные этапы обучения (начальный, средний, высший) в системе профессиональной подготовки, можно прогнозировать ее высокое качество.

Важным этапом совершенствования подготовки специалистов должно стать создание стабильных учебных программ для музыкальных школ искусств, музыкальных колледжей, музыкальных академических лицеев и вузов, в которых должны быть точно определены параметры объема знаний и навыков, сложности учебного репертуара, исключая дубли-

рование на разных этапах обучения. Программы должны предусматривать рост исполнительской культуры от азов постановки, овладения элементарными приемами игры до высокохудожественного исполнения сложных произведений. Постепенное усложнение учебных задач, понимание их важности педагогами и обучающимися является мощным стимулом при обучении. На основе новых программ должна развернуться работа по созданию методики, отвечающей современным требованиям, что позволит определить ее ключевые положения обучения игре на народных инструментах, обосновать их научную значимость.

Только наличие единой методики, рассчитанной на непрерывную систему образования, поможет преподавателям всех звеньев добиться преемственности, избежать ошибок и издержек обучения, повысить результативность своей деятельности, что, конечно же, положительно скажется и на качестве подготовки исполнителей на народных инструментах, и на уровне преподавания по специальностям.

Дальнейшее совершенствование исполнительства на узбекских народных инструментах требует развития творческих контактов и взаимосвязей с художественными коллективами и солистами-исполнителями на народных инструментах других государств, где также получило развитие исполнительство на народных инструментах. Думается, что изучение их творческого опыта способствовало бы обогащению узбекской исполнительской культуры в целом.

В процессе обучения не менее важную роль играет и способ передачи знаний. Подлинное музыкальное обучение и воспитание — целостный процесс, где издержки в личностном развитии «вешают» больше, чем технологические достижения в освоении музыкального инструмента, и поэтому зачастую музыканта-педагога-музыканта-гражданина в результате не получается. Надо учитывать, что основными требованиями к преподавателю становится то, что даваемый им урок по основному инструменту, вокалу, дирижированию несет в себе элементы музыкальной терапии, содержательный вес воспитания и обучения приходится на общение с его интенсивным обменом эмоциональными состояниями. В новой музыкальной педагогике особенно значима позиция — состояние общения ученика-музыканта по отношению к музыкальному произведению. И здесь действует подход, основанный на «равновеликости музыканта музыкальному произведению», предполагающей своеобразную идентификацию, уподобление человека музыке.

Необходимо также, преодолеть при обучении исполнительскому искусству взгляд на музыку как на «предмет занятий», «учебную дисциплину». Суть этой новой позиции — музыка, общение с ней в любой форме есть переживание непрерывной связи и зависимости человека от мира и мира от человека. В технологии самого педагогического воспитательного процесса личностное отношение ученика к музыкальному произведению учителем не передается и наглядно не показывается. Вместе с тем, это может создать соответствующие благоприятные условия. Вот что говорили по этому поводу выдающиеся музыканты-педагоги Л. Николаев - «В об-

ласти музыкального исполнительства учитель должен дать ученику основные общие положения, опираясь на которые последний сможет пойти по своему художественному пути самостоятельно...»; А. Шнабель - «Что может сделать педагог? В лучшем случае — открыть дверь. Но ученик должен сам пройти через нее». Г. Нейгауз отмечал, что работать успешно над «художественным образом можно лишь развивая ученика музыкально, интеллектуально, артистически, ... иначе воплощения не будет!...». По мысли Г. Нейгауза развить талантливость ученика, означает не только научить его хорошо играть, но сделать его «более умным, более чутким, более честным, более справедливым, более стойким». Такое отношение требует от учителя огромной, безусловной и бескорыстной любви к своему ученику, а не стремления к подтверждению своего профессионального статуса и роста. В работе над музыкальным произведением для Учителя с большой буквы главным является не само музыкальное произведение, а личность ученика и проблемы её развития. А для этого самому учителю необходимо постоянно совершенствоваться в личностном и профессиональном плане. Истинный учитель развивает не только музыкально-исполнительские способности ученика, но также и его личность.

Словом, подводя итог, хотелось бы отметить, что обучение на узбекских народных инструментах имеет общие точки соприкосновения с общей методикой обучения исполнительству на других инструментах. Вместе с тем эти учебно-воспитательные постулаты необходимо адаптировать к условиям и национальным традициям музыкальной культуры каждого народа. Без такого синтеза добиться полноценного художественного результата невозможно. А вот какой путь предпочтёт педагог – вопрос творчески-индивидуальный, ибо залог его успеха в плодотворном поиске и самосовершенствовании. Словом, как говорили наши предки: Дорогу одолеет идущий!

УДК 785.166(079.1):78(4/5)

Цибудеева Н.Ц.

Tsybudeeva N.Ts.

«КУБОК БАЙКАЛА»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОНКУРСА

«THE BAIKAL CUP»: PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE CONTEST

В статье говорится о значении Международного конкурса исполнителей на струнных инструментах стран Евразии «Кубок Байкала» и его итогах.

The article tells about the significance of the international contest of performers on stringed instruments of Eurasia countries «The Baikal Cup» and its results.

Ключевые слова: оркестр народных инструментов, струнно-смычковые инструменты: хур, хучир, гиджак; струнно-плекторные: домра, чан-

за; струнно-щипковые: балалайка, ятаг, рубаб; струнно-ударные: иочин, чанг.

Keywords: orchestra of folk instruments, stringed-bowed instruments: khur, khuchir, gidzhak; stringed-plector instruments: domra, chanza; stringed musical instruments: balalaika, jatag, rubab; stringed percussion instruments: yochin, chang.

Канули в прошлое те времена, когда слушатель мог вдыхать ароматы всех цветов, всех культур, развивающихся, произрастающих на просторах Советского союза под знаком грамотно выстроенной национально-культурной политики. Однако следует отметить, что с началом распада страны произошло резкое сужение медийного пространства, где по всем вещательным каналам мелькает один и тот же навязший до оскомины набор персонажей с пустотным а-ля гламурным содержанием. Тем самым был нанесен огромный вред слушательским вкусам, произошло отеснение на обочину жанров и видов этнического искусства и подвигались вульгаризации музыкальная классика. А публика тем временем по-настоящему истосковалась по прекрасному, духовному и понастоящему испытывает потребность наслаждаться незамутнённо чистыми родниками фольклорного творчества, которыми пока ещё богата наша плодородная земля.

К счастью нынешнее поколение еще помнит те времена, когда его окружало живое многоцветье фестивалей с показами танцевальных ансамблей под руководством И.А. Моисеева, М.С. Годенко, «Берёзка», «Алан», «Тюльпан», «Байкал», «Мэнго», «Эргырон», а также выступления хора им. М. Пятницкого, вплетённого в красочный венок из Кубанского, Северного, Воронежского, Омского, Уральского народных хоров и т.д.

В 1888 г. в Санкт-Петербурге появился Великорусский народный оркестр (РНИ) под руководством В.В. Андреева, заслуга которого состоит в облагораживании народно-инструментального исполнительства его «пересаживанием» из подполья на академическую сцену и «облачением» в концертный фрак. В Москве эта эстафета была подхвачена Н.П. Осиповым, передавшим её своим последователям и единомышленникам: в Новосибирске родился их младший брат под управлением В.П. Гусева, в Красноярске – оркестр РНИ под управлением А.Ю. Бардина. Наши же слушатели помнят, как в Колонном зале Дома Союзов выступал солист БГАТОиБ Дугаржап Дашиев в сопровождении РНИ Центрального телевидения и радио под управлением Н.Н. Некрасова.

Став активными проводниками народно-инструментального музицирования, его основатели дали импульс для создания и развития подобных коллективов на национальных территориях: в Казахстане появился оркестр казахских инструментов под управлением Курмангазы (Сагырбаева), в Бурят-Монголии поводом для создания оркестра бурятских народных инструментов (БНИ) стала 1-ая декада национального искусства в Москве в 1940 г. У его истоков находился большой энтузиаст своего дела, скрипач по образованию Исидор Львович. Рык - выпускник Ленинградской консерватории. Ошеломив столичную общественность игрой 84-х

специально сконструированных и буддийских инструментов типа үхэр-бүрээ (длинная труба, имитирующая рёв слона), он стал популяризатором мировой музыкальной классики и лабораторией для творчества бурятских композиторов.

Этот состав БНИ стал базой профессиональной подготовки первого поколения музыкантов республики, которые, начав с исполнительской деятельности, перешли затем на преподавание и, обзаведясь в 60-е годы необходимыми инструментами в Монголии, вырастили немалое количество специалистов по игре на хуре, чанзе, хучире, иочине, ятаге и т.д.

Выдающийся вклад в их воспитание внёс симфонический дирижёр Аюша Арсаланович Арсаланов, которому республика сегодня обязана тем, что не утратила своего музыкального лица и способна представлять себя на форумах любого ранга от региональных до международных. По окончании Улан-Удэнского музыкального училища его выпускницы: Елена Данилова, Ольга Иванова, Вера Шамбеева и другие были направлены в вузы Ташкента, Кишинёва, Алма-Аты, и теперь мы пожинаем плоды тех усилий. Ибо в отсутствие конкурентноспособных пианистов, скрипачей, виолончелистов, арфистов, духовиков и прочих академических специализаций именно внуки и правнуки И.Л. Рыка и А.А. Арсаланова оказались теперь самым продуктивным и многочисленным подразделением не только в школах искусств, но и на сценических подмостках. А, став ведущим направлением в музыкальной жизни республики, они во всём своём блеске предстали перед слушателями V-го Международного конкурса исполнителей на струнных инструментах стран Евразии «Кубок Байкала». По инициативе руководителей Восточного-Сибирского института культуры Р.И. Пшеничниковой, В.И. Солодухина и заведующего кафедрой народных инструментов, профессора В.Ф. Мусихина он ведёт свою историю с 2004 г. и в очередной раз состоялся в стенах вуза в середине ноября 2017 г.

Эти конкурсные соревнования проходили по номинациям: струнно-смычковые, струнно-плекторные, струнно-щипковые и струнно-ударные инструменты. География его участников включала в себя представителей из Монголии, Узбекистана, Новосибирска, Иркутска, Читы, Улан-Удэ. Благодаря планке, заложенной в столицах, здесь десятилетиями формировались школы со своим узнаваемым почерком, что позволило им обмениваться наработанным опытом, сотрудничая между собой в масштабе не только региона, но и далеко за его пределами.

По мысли создателей глубиной интерпретации, балансом тембровых групп, одухотворённым звуковедением народно-национальное музицирование должно соответствовать уровню звучания симфонического оркестра. Этим заветам следовал и первый ОБНИ с количеством пультов первых и вторых хуров, альтовых, виолончельных и контрабасовых хуров, а также лимб, бишхуров приравненных к флейтам, гобоям и т.д. Он имел в своём репертуаре переложения симфоний Й. Гайдна, Л. Бетховена, «Колесуху» В. Морощкина, пьесы русских и европейских композиторов, ибо классика – есть мерило профессионализма для любого артиста, будь то соло или коллектив.

Наблюдения за основными компонентами «Кубка Байкала» и других подобных состязаний, свидетельствуют о том, что, монгольская делегация, к примеру, обладающая мощным исполнительским и композиторским потенциалом, долгие годы были примером подражания для своих соседей с севера и юга. Они и сегодня представили разнохарактерные произведения четырнадцати композиторов для альтового и контрабасового хура, хучира, иочина, шанзы. Поразительно ровно выглядели посланцы Узбекистана, показавшие высочайшее мастерство как исполнителей, так и композиторов. Они виртуозно владеют рубобом, дутаром (аналоги балалайки и домры), гиджаком (аналог хура) и чангом (аналог иочина). Композиторская же мысль в лице 8-ми её представителей продемонстрировала тончайшее чувство национального материала и умение его разрабатывать в русле лучших достижений русской музыки о Востоке и следование её канонам. Нашим же конкурсантам, воспитанным на сочинениях самых разных уголков планеты с единичными вкраплениями местных авторов, всё же удалось покорить публику и жюри под руководством профессора Б.С. Ворона – засл. арт. РФ, заведующего кафедрой оркестрового дирижирования РАМ им. Гнесиных.

В состав комиссии вошли также профессор Уральской госконсерватории Ш.С. Амиров – нар. арт. РФ; профессор госконсерватории Узбекистана А.К. Лутфуллаев – заведующий кафедрой народных инструментов; лауреат всероссийских и международных конкурсов Е.Н. Мочалова – солистка Национального академического оркестра РНИ им. Н.А. Осипова; заведующая кафедрой народных инструментов музыкально-хореографического колледжа Завханского аймака МНР Жамбалрагчаа Наранцацрал – лауреат международных конкурсов и недавняя выпускница ВСГИКа.

Члены жюри продемонстрировали свой профессионализм на торжественном открытии конкурса и на мастер-классах, где желающие получили нужные рекомендации по формированию репертуара и его верному прочтению. Публика тепло реагировала на артистизм и музыкальность домристки Екатерины Мочаловой в сопровождении оркестра РНИ ВСГИКа под управлением Олега Огнева, а также мастерское исполнение на балалайке Шауката Амирова двух фантазий на татарские и башкирские темы Александра Прибылова.

Итак, динамика «Кубка Байкала» разных лет говорит о том, что, участь на своём и чужом опыте, наставники наших конкурсантов неуклонно росли в работе со своими учениками в подаче конкурсных программ и их подборе, художественной и технической оснащённости, а также психологическом настрое. И сегодня их можно поздравить с убедительным лидерством в состязаниях. Детальная отделка произведений с тонкостью их нюансировки принесли Гран-при хучиристке Афанасьевой Ольге (класс В.Ф. Мусихина). Вплотную к ней приблизились обладатели лауреатских званий – иочинистка Вамбуева Дарима (класс Е.И. Данитовой) с наступательно-победоносной трактовкой исполненных сочинений на поистине царственном (ханском) инструменте и ятагистка Томитова Евгения (класс

О.Д. Ивановой), мастерски использовавшая разнообразные виды игровой техники.

Можно также порадоваться выступлению новосибирских усть-ордынцев Максима Жербакова и Дмитрия Харинаева, показавшие умение мыслить по-русски в трепетно воздушном воплощении на домре. Этим же звукоизвлечением владеет балалаечница Екатерина Васильева, воспринявшая его от преподавателя В.Н. Сердюка.

Теперь представим, что ожидает победителей. Если кто-то думает, что у них впереди блистательное будущее, глубоко ошибается. Да, студенческая пора – самая прекрасная, а тем более, когда есть осязаемые успехи под руководством опытных наставников. Сегодняшние результаты «Кубка Байкала» – это жизненный максимум и пик формы его участников, судя по отношению к конкурсу непосредственных кураторов из министерства культуры РБ и республиканской филармонии в виде «ноль внимания и фунт презрения». А кто, как не дирижёр ОБНИ театра песни и танца «Байкал» Ж. Ф. Токтонов и чиновники министерства должны отдавать себе отчёт в том, как подрастает будущая смена и каков её потенциал и тем более, когда шёл отбор на руководящее кресло министра? Кто из претендентов на эту должность заинтересовался, озаботился о поощрениях, призах, об освещении в СМИ, тем более, что двое из них являются редакторами газет «Бурятия» и «Информполис».

Перспективу оказаться в оркестре БНИ театра песни и танца «Байкал» радужной для победителей «Кубка Байкала» - выпускников ВСГИК не назовёшь, ибо с некоторых пор там отсутствует главное, т.е. творчество. Сегодня он превращён в коллективного тапёра, который лишь сопровождает хореографические композиции или пение вокалистов. Тогда как воспитание музыкантов зиждется на классике в виде собственно оркестровой музыки в переложениях для ОРНИ или аутентичной, написанной для данного состава. В них наличествуют соло или ансамблевые сочетания для показа художественно-технических возможностей тех или иных инструментов.

В целом же ситуация с положением дел в народно-инструментальном исполнительстве требует серьёзных изменений для того, чтобы в будущем сохранить как самих музыкантов, так и их преданных поклонников.

ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

УДК 351.85-057.17: 004

Арбатская О. А.

Arbatskaya O.A.

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ КАДРОВ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

TRAINING THE PERSONNEL OF CULTURAL AND RECREATIONAL ESTABLISHMENTS IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY

Анализируются области применения цифровых технологий в деятельности культурно-досуговых учреждений. Излагаются результаты исследования компетенций специалистов КДУ по использованию компьютерных технологий. Сформулированы основные положения концепции переподготовки специалистов культурно-досуговых учреждений.

The digital technology implementation in the activities of cultural and recreational institutions is analyzed. The results of the study of competencies of such establishments specialists on the use of computer technology are considered. The basic provisions of the training conception of specialists of cultural and recreational establishments are formulated.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровые технологии, культурно-досуговые учреждения, специалисты КДУ, ИТ, основные направления деятельности КДУ, повышение квалификации, переподготовка.

Keywords: information technology, digital technology, cultural and recreational establishments, professionals in cultural and recreational establishments, information technology, main activities of cultural and recreational establishments, training, retraining.

Современные информационные технологии (ИТ или IT – сокращение от англоязычной версии термина information technology) часто называют компьютерными или цифровыми технологиями. Хорошо известны основные виды базовых цифровых технологий, определяемых способами кодирования, представления и обработки двоичных (цифровых) данных компьютером: числовых, текстовых, графических, аудио и видео-данных; работы с базами данных; распределенной обработки; использования передачи по линиям связи; защиты от несанкционированного использования и искажения.

Области применения компьютерных технологий охватывают практически все виды деятельности : офисные, финансовые, бизнес-приложения (обеспечивающие рекламу, маркетинг, управление персоналом и др.), автоматизированного проектирования, автоматизированные системы

управления, медицинские, космические, управления машинами, аппаратами и технологическими процессами. Список можно продолжить – появляются новые области применения цифровых технологий.

В таких областях, как искусство и культура, также разработаны и применяются специфические цифровые технологии. Специальные программы используются для создания, записи, аранжировки музыкальных произведений. Следует заметить, что весь спектр современной цифровой звукозаписывающей и звуковоспроизводящей техники обеспечен соответствующим программным обеспечением, как впрочем, фиксация и воспроизведение изображений. Цифровые технологии дали мощный импульс развития искусству фотографии и кино. Современные компьютерные технологии позволяют не только упростить процессы фотосъёмки и видеосъёмки, обработки и печати фотографий, монтажа фильмов, но и создавать специальные эффекты. Появилась возможность использовать в кино возможности трехмерной компьютерной (3D) графики. Значительно упростилась технология создания мультипликации, что позволяет режиссерам и художникам сосредоточить усилия на творческом процессе. Современные цифровые технологии получают развитие и в изобразительном искусстве¹. Особенно актуально применение трехмерной графики в декоративно-прикладном искусстве. Художник может создать 3D-изображение, а изделие печатают на 3D-принтере.

Развитие и внедрение цифровых технологий имеет огромное влияние на сферу не только искусства, но и культуру, в целом. Особенно это влияние усилилось с развитием и доступностью сетевых технологий. Получили развитие мультимедийные и гипертекстовые технологии. Их широкое распространение и доступность породили такое явление как авторские информационные технологии, которые особенно наглядно проявляются в появлении огромного количества опубликованных на серверах сети Интернет web-сайтов.

Мультимедийных и гипертекстовые технологии активно внедряются и используются в книжном и музейном деле. Все крупные библиотеки и музеи имеют web-сайты, которые по сути дела являются web-порталами, они предоставляют не только информацию о своих фондах и услугах, но и сами услуги. Так крупные научные библиотеки Республики предоставляют доступ к электронным каталогам в различных режимах поиска [1]. На web-сайтах библиотек предоставляющие виртуальные книжные выставки, библиографические тематические или профильные веб-навигаторы по сетевым ресурсам, оформление заказов на электронную доставку документов. На сайтах музеев – это: виртуальные выставки; анонсы о новых экспозициях, выставках, мероприятиях; видеоматериалы, фотографии о наиболее выдающихся экспонатах из музейной коллекции, экспедициях: из

¹ Справедливости ради следует заметить, что в свое время появление технологии светописы или фотографии оказало значительное влияние на искусство живописи.

услуг – заказ экскурсии [2]. Появились так называемые виртуальные музеи, как мультимедийные, так и выполненные в 3D-технологии.

Процесс информатизации распространился так же и на культурно-досуговые учреждения (КДУ): районные центры, дома, дворцы культуры, как районные, так и предприятий [3]. Эта тенденция требует от специалистов КДУ новых компетенций по работе с цифровыми технологиями. Встает вопрос, по каким направлениям из обширного круга этих технологий организовать подготовку специалистов КДУ? При разработке профессиональных стандартов, в которых должен содержаться ответ на этот вопрос, потребуется определить области применения цифровых технологий различных видов в деятельности КДУ.

Известна классификация информационных технологий в тех видах деятельности, которые являются стандартными для любых предприятий (учреждений): управленческие, кадровые, финансовые, производственные, маркетинговые.

Информационные технологии (информационные системы) управления, кадров, финансов – являются универсальными для самых различных предприятий, однако информационные технологии производственной и маркетинговой деятельности культурно-досуговых учреждений – достаточно специфичны. Это отражается, во-первых, в их разнообразии, во-вторых, в сочетании цифровых технологий, связанных с искусством и творчеством, с офисными технологиями и технологиями делопроизводства.

Так «производство» в культурно-досуговой деятельности – это организация работы коллективов и кружков, а также проведение разнообразных мероприятий – все эти виды деятельности можно обобщенно считать оказанием культурно-досуговых услуг населению. «Маркетинг» в культурно-досуговой деятельности – это продвижение культурно-досуговых услуг, как бесплатных, так и оплачиваемых, всевозможными способами.

Отсюда следует, что основные направления применения «производственных» и «маркетинговых» ИТ в культурно-досуговых учреждениях (КДУ):

- продвижение услуг – маркетинг (реклама, пиар),
- документирование оказанных услуг, формирование отчетов в разных форматах электронных документов,
- цифровые технологии в рамках подготовки и проведения мероприятий,
- технологии организации связей, общения, взаимодействия.

Таблица. ИТ по направлениям деятельности КДУ

Направления деятельности КДУ	Информационные технологии
I. Маркетинг	Web-сайт, мультимедийная презентация; 3D – презентация; продукция мультимедийного графического дизайна: афиша, баннер, буклет, программа, листовка и прочая продукция

II. Документирование	Видеофильм, фоторепортаж, текстовый отчет, презентация, web-страница и др.
III. Проведение мероприятий	воспроизведение подборки звукозаписей, изображений в виде слайд-шоу, видеофильм, управление светом
IV. Организация связи, взаимодействия	Групповой e-mail, группа в социальных сетях, группа в Viber, форум на сайте КДУ

Анализ информационных технологий, представленных в таблице, показал, что специалистам в области культуры и культурно-досуговой деятельности необходимы компетенции в области различных цифровых технологий. Причем для разных категорий специалистов требуется владение преимущественно отдельными их видами.

Разумеется, как сами специалисты, так и руководители учреждений всех уровней, учитывая опыт других учреждений культуры и не только культуры, проводят семинары, курсы по информационным технологиям. Автор принял участие в работе двухдневного республиканского семинара-практикума «Информационные технологии в культурно-досуговой деятельности» в сентябре 2017 г., который был организован и проведен Республиканским центром народного творчества (РЦНТ) [4]. В программе этого семинара освещались отдельные вопросы обозначенных выше (см. таблицу) направлений.

I. Маркетинг. Информационное сопровождение событий: как правильно преподнести информацию (в СМИ). Создание Web-сайтов с использованием системы WIX. Администрирование сайтов. Рекламная кампания: создание положительного имиджа. Стратегия продвижения в социальных медиа [4].

II. Документирование. Правила оформления текстов. Издания РЦНТ. Цифровая фотовидеофиксация и подготовка изображений к публикации. Мастер-класс известного бурятского фотохудожника и корреспондента [4].

III. Проведение мероприятий. Видео-оформление мероприятий [4].

IV. Организация связи, взаимодействия. Организация взаимодействия сотрудников и рабочих групп с помощью электронной почты, социальных сетей и мобильной связи [4].

Совместно со специалистами РЦНТ проведено анкетирование слушателей курсов «Информационные технологии в культурно-досуговой деятельности». Целью исследования являлось получения ответов на два вопроса: 1. какую подготовку по современным информационным технологиям получили специалисты культурно-досуговых учреждений? 2. какими информационными технологиями они владеют?

Подготовка по информационным технологиям. Среди 14 опрошенных 8 специалистов имеют законченное высшее образование, из них ВСГАКИ окончили 5 человек, БГУ и БГСХА – по 2 человека, ВСГУТУ и СибГУТИ – по 1 человеку; по 2 человека со средним специальным и сред-

ним образованием. При этом каждый пятый не изучал дисциплины «Информатика» или «Информационные технологии». Но на курсах, связанных с компьютерными технологиями, обучался каждый третий. При этом каждый третий не обучался компьютерным технологиям ни в процессе профессиональной деятельности, ни с помощью родственников или знакомых.

Владение информационными технологиями. Все опрошенные считают, что умеют набирать, редактировать и оформлять тексты на компьютере, пользоваться браузерами и услугами поисковых систем Интернет. Не все (около 10%) умеют пользоваться электронной почтой, делать презентации, пользоваться программой «Калькулятор». Большинство опрошенных (около 60%) указали, что не умеют редактировать рисунки, фотографии в графических редакторах, а также использовать электронные таблицы для автоматизации расчетов. Никто из опрошенных не указал, какими иными программами умеет пользоваться, или иных умений в области цифровых технологий, которые используются в профессиональной деятельности.

Таким образом, результаты анкетирования показали, что большинство слушателей владеют современными информационными технологиями на уровне среднестатистического современного обывателя. Обучение информационным технологиям следует начинать с овладения офисными технологиями. На основе базовых знаний и умений придется постоянно обучаться новым цифровым технологиям, актуальным для современных культурно-досуговых учреждений. На уровне коротких мастер-классов в рамках хорошо продуманной программы семинара нет реальной возможности овладеть нужными компетенциями. Специалистам КДУ требуется и переподготовка по офисным технологиям, и дифференцированные по дисциплинам и должностям программы повышения квалификации и переподготовки.

Примечания

1. Национальная библиотека Республики Бурятия. Электронный каталог [Электронный ресурс]. URL: http://94.25.12.182/cgi-bin/irbis64r_91_opac/cgiirbis_64.exe?C21COM=F&I21DBN=KNIG1&P21DBN=KNIG1 (дата обращения: 05.10.2017).

2. Национальный музей Республики Бурятия. Выставки. Заказ экскурсии [Электронный ресурс]. URL: <http://muzeyrb.ru/exp/zkz/> (дата обращения: 05.10.2017).

3. Дом культуры «Луч» [Электронный ресурс]. URL: <http://luch-saransk.ru> (дата обращения: 05.10.2017).

4. Семинар-практикум по информационным технологиям прошел в РЦНТ [Электронный ресурс]. URL: http://minkultrb.ru/news/detail.php?SECTION_ID=95&ELEMENT_ID=16568 (дата обращения: 05.10.2017).

**ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В
УСЛОВИЯХ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**BASIC FORMS OF SOCIAL PARTNERSHIP IN THE CONDITIONS IN
THE ESTABLISHMENT OF HIGHER EDUCATION**

В статье раскрываются основные формы социального партнерства учреждения высшего образования, опыт партнерского взаимодействия с разного рода учреждениями, структурами и частными лицами.

The article reveals the main forms of social partnership of higher educational institutions, the experience of partnership interaction between various institutions, structures and individuals.

Ключевые слова: социальное партнерство, учреждения высшего образования, формы социального партнерства, социальный диалог.

Keywords: social partnership, institutions of higher education, forms of social partnership, social dialogue.

Система социального взаимодействия, в которую активно и динамично включаются учреждения высшего образования, как и сама деятельность, формировалась в нашей стране на протяжении последних десятилетий.

Социальное партнерство представляет собой практику коллегиальной выработки решений и сбалансированной, разделяемой ответственности. Социальное партнёрство в практике вузов как система механизмов согласования взаимных интересов участников данного процесса, основана на равноправном сотрудничестве.

Интерес к заявленной теме сложился в образовательном пространстве давно, это обусловлено расширением функций образовательных организаций высшего образования, необходимостью гибкого реагирования на индикаторы рынка труда, заинтересованностью участия в социальных процессах, привлечением дополнительных ресурсов, реализацией собственных социально-значимых и коммерческих проектов, расширением зоны сотрудничества, поиском новых форм взаимодействия с представителями партнерских сообществ.

Институт социального партнерства в высшем образовании в настоящее время выработал достаточное количество направлений, видов и форм взаимовыгодного сотрудничества с органами власти, общественными организациями и объединениями, силовыми ведомствами, учреждениями социально-культурной сферы, образования, социальной защиты, коммерческими структурами и т.д. Особое внимание вузов к социальному диалогу объясняется необходимой потребностью подготовки конкурентоспособных, грамотных и востребованных выпускников, которые получили опыт

взаимодействия с практиками, потенциальными работодателями, партнерами при освоении профессиональной образовательной программы; а также расширения спектра применения образовательного, научного, творческого потенциала профессорско-преподавательского состава.

Особенности реализации социального партнерства высшими учебными заведениями, имеющий опыт партнерского взаимодействия, поиск и применение различных форм сотрудничества, способствующие развитию данного социального института, рассматриваются нами в настоящей статье.

Обобщенно, под формами социального партнерства, надлежит понимать основные способы и конкретные механизмы осуществления социального взаимодействия субъектов по согласованию их интересов.

В современной России, не каждый регион может похвалиться четко действующим, отлаженным механизмом социального партнерства в области высшего образования. О достижении социального эффекта партнерского взаимодействия в этой сфере пока говорить рано, но общество заинтересовано в том, чтобы стимулировать и регулировать этот процесс. В пореформенной России предполагалось, что в сфере образования, прежде всего высшего и профессионального, будет возможны достаточно быстро создать новую систему социального партнерства взамен известной старой практики «шефства».

В рамках реализации Приоритетного национального проекта «Образование», в 2007 г. началось создание комплекса гарантий нормативно-правового сопровождения социального партнерства как одного из инструментов формирования рынка труда и расширения рынка образовательных услуг. В этой связи, было намечено выстраивание индивидуальной траектории высшего образования, обеспечивающей наиболее полную реализацию интересов и образовательных потребностей студенческой общественности, обеспечение многофункциональности учреждения высшего образования, повышение степени социальной защищенности студентов и создание структур содействия трудоустройству молодых специалистов. Вузы, как наиболее заинтересованные субъекты, выразили активную позицию по выстраиванию системы социальных отношений с самыми различными субъектами. На базе ВСГАКИ была создана «Программа социального партнерства ФГБОУ ВПО ВСГАКИ с учреждениями культуры и искусств Восточной Сибири и Севера», срок действия которой был определен с 2008 г. по 2010 г. Академия принимала участие в работе различных региональных научно-практических площадок по изучению развития социального партнерства на рынке труда региона, укреплены связи с выпускниками, властями, бизнес-сообществом. Следуя целям и задачам реализации академического комплекса мероприятий, кафедрой Социально-культурной деятельности в сентябре 2010 г. был проведен круглый стол «Механизмы формирования и развития института социального партнерства в социально-культурной сфере», на котором обсуждались вопросы развития партнерства между различными социальными институтами, формы взаимодействия потенциальных работодателей и образовательных учреждений,

предлагались модели социально-партнерских отношений, рассматривались проблемы и перспективы дальнейшего сотрудничества. В приведенном примере просматривается одна из ведущих форм построения социального диалога учреждениями высшего образования.

Социологические, маркетинговые исследования и социальные опросы в качестве соцзаказов, организуемые научным корпусом вуза и студентами в рамках научно-исследовательских работ, являются перспективной прикладной формой установления и развития партнерских отношений. У вуза сложились прочные научные связи с отраслевыми министерствами Республик Бурятия, Тыва, Саха (Якутия), комитетами и управлениями, Республиканскими центрами народного творчества Бурятии и Тывы. Налаженные научные партнерские контакты позволяют отслеживать обеспеченность профильных учреждений кадрами, наметившиеся изменения в социально-культурной сфере, изучать особенности управления, кадровой политики, ресурсного оснащения.

Комплексная, глубокая модернизация всех государственных сфер, внедрение профессиональных стандартов, реформация высшего образования - обязательное требование настоящей политики России. В связи с этим, осуществляется подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров, удовлетворяется спрос в освоении дополнительных профессиональных программ краткосрочной подготовки. Ведение вузом образовательной деятельности является основной формой государственно-социального партнерства. На базе Восточно-Сибирского государственного института культуры в настоящее время реализуются 22 образовательные программы высшего образования уровня подготовки бакалавриат, 5 программ высшего образования специалиста, 7 программ магистратуры, ведется подготовка кадров высшей квалификации по 3 программам аспирантуры. Разработано и внедрено 30 программ дополнительного профессионального образования и курсов повышения квалификации, 11 программ профессиональной переподготовки, из которых по 7 программам состоялись выпуски слушателей с выдачей дипломов о профессиональной переподготовке и 3 программы дополнительного образования детей и взрослых. Реализация вузом указанных программ ведется по очной, очно-заочной и заочной формам обучения. Сроки освоения программ соответствуют требованиям федеральных государственных образовательных стандартов, являются актуальными и ориентированы на потребности рынка труда Восточной Сибири и Севера.

Организация различных видов практик студентов института реализуется более чем на 200 базах Сибири, Севера и Дальнего Востока, с которыми институтом заключены долгосрочные договоры. Учреждения государственного и коммерческого секторов, общественные организации всегда готовы взять на практику студентов института, сами находят возможные пути привлечь студенческую молодежь, подают заявки в студенческий отдел кадров и отдел по организации практики. Высокую потребность в практикантах испытывают сельские учреждения культуры. Востребованы на практике хореографы, режиссеры, менеджеры социально-культурной

деятельности, которые обеспечиваются достойными условиями прохождения практики. В свою очередь, представители баз практик, ведущих учреждений культуры региона, представители организационно-управленческих структур приглашаются в качестве членов государственных аттестационных комиссий вуза. Как правило, большинство из них, являются выпускниками нашего вуза.

В институте культуры в настоящее время функционирует студенческий отдел кадров, студенческий профком, Центр профориентации и трудоустройства студентов и выпускников, Центр студенческих инициатив и академической мобильности, Совет студенческого самоуправления. Эти структурные подразделения можно отнести к субъектам организации социального партнерства. Профком студентов института культуры действует с 1960 г. выполняя свою основную функцию по представительству и соблюдению социальных прав и интересов студентов.

В данном случае профком студентов активно взаимодействует с учреждениями культуры Республики Бурятия и г. Улан-Удэ, республиканским профсоюзным комитетом работников культуры, республиканскими творческими союзами, центром занятости населения, центрами и управлением социальной защиты населения и их подведомственными учреждениями, школами, ссузами и вузами, различными министерствами и ведомствами по продвижению своих выпускников и студентов. Взаимодействие носит регулярный характер, стремясь стать основой для взаимовыгодного сотрудничества.

Студенческим профкомом ФГБОУ ВО ВСГИК установлены тесные партнерские отношения с воинскими частями и подразделениями силовых ведомств; Бурятским региональным отделением «Союз пенсионеров России»; автошколами; флагманами сетей мобильных операторов связи в регионе и др. Первичная студенческая профсоюзная организация института способствует продвижению и участию студентов вуза в различных творческих мероприятиях международного, всероссийского, зонального, регионального уровней; участию в форумах в других регионах страны, поездках за рубежом, поддерживает в качестве номинантов на получение различных стипендий и премий. При поддержке студенческого профсоюзного комитета за последнее время было организовано участие студентов института в работе крупных всероссийских и международных научно-творческих площадок в г. Москве, г. Севастополь, г. Новосибирск, г. Красноярск, г. Ростов и др. Профком организует обучение профсоюзного актива, способствует развитию лидерских качеств, поддерживает студенческие общественные инициативы.

Центр профориентации и трудоустройства студентов и выпускников занимается подбором вакансий на рынке труда региона, контактирует с представителями разных сфер общественного производства, размещает информацию о трудоустройстве на различных пабликах в социальных сетях и на официальном сайте вуза в разделе «Трудоустройство», тем самым оказывая помощь в организации стажировок, поиска работы, формирования банка данных вакансий для студентов, магистрантов и аспирантов. На

сайте института в том же разделе размещены ссылки на различные государственные программы и конкурсы для студенческой молодежи, служащие социальным лифтом в продвижении и построении карьеры молодых.

Профориентационная деятельность является одной из успешных форм социального партнерства вуза. Регулярные профориентационные акции вуза способствуют формированию устойчивых связей с действительными партнерами. В стенах вуза ежегодно проводятся олимпиады, конкурсы, праздники, фестивали, предметные недели и декады, дни науки и творчества, дни открытых дверей, мастер-классы ведущих педагогов и лучших студентов, творческие показы и выставки и другие мероприятия, имеющие профориентационное значение. Разворачивается агитационная профориентационная деятельность в городах республики, адресованная потенциальным абитуриентам. Организуется ежегодная выездная профориентационная кампания в районы Бурятии, соседние регионы. Выпускники вуза зачастую являются организаторами таких профориентационных встреч, выступая в роли принимающей стороны, либо предоставляют ресурсное обеспечение и поддержку. За последние годы совершены профориентационные поездки в Китай и Монголию по соглашению с ведущими университетами этих стран.

Проектная деятельность можно рассматривать как форму социального партнерства вуза выступает. Проектные технологии социально-культурной деятельности позволяют создать интегративные формы общественных взаимоотношений. Многие педагоги вуза используют технологии социального, социально-культурного и творческого проектирования в своей педагогической практике. В результате проектирования создаются и заключаются договора и соглашения о сотрудничестве, внедряются в общественную практику новые формы взаимодействия, новые формы мероприятий, выявляются целевые аудитории, происходит апробация актуальных технологий. Студенты имеют возможность получить опыт практической деятельности, работая на базах учреждений в рамках проектной деятельности. Организуются выходы студентов в ведущие учреждения культуры и дополнительного образования, в рамках ознакомительной практики и учебных дисциплин.

Таким образом, можно отметить, что социальное взаимодействие в учреждении высшего образования развивается, но зачастую вуз самостоятельно выступает инициатором основных социальных контактов. Со стороны потенциальных и реальных партнеров зачастую инициатива исходит по требованию, по степени необходимости получения результата с их стороны. Приведенные нами формы социального партнерства не являются исчерпывающими, могут определяться иные формы участия в социальном диалоге, а также конкретизироваться механизм реализации вышеуказанных форм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Ажеева Елена Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

2. Арбатская Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой информационно-коммуникационных технологий ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

3. Батурин Сергей Александрович, кандидат исторических наук, главный хранитель Музея Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ).

4. Болхосоев Станислав Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии и народной художественной культуры ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

5. Бураев Алексей Игнатьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

6. Бураева Светлана Валерьевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

7. Бутуханова Инна Матвеевна, хранитель коллекции оружия ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия» (г. Улан-Удэ).

8. Воронцова Любовь Сергеевна, доцент кафедры дизайна ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

9. Дашиева Надежда Базаржаповна, доктор исторических наук, профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией этнографии и фотокора народов Восточной Сибири ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

10. Затева Надежда Александровна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

11. Куницын Олег Иосифович, кандидат искусствоведения, Заслуженный деятель искусств России (г. Улан-Удэ).

12. Кургузов Владимир Лукич, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социокультурной антропологии ФГБОУ ВПО ВСГУТУ (г. Улан-Удэ).

13. Лутфуллаев Анвар Кудратович, профессор, заведующий кафедрой исполнительства на народных инструментах Государственной консерватории Узбекистана (г. Ташкент).

14. Михеенко Валерия, студент 4 курса, направления подготовки «История», Гуманитарного института ФГБОУ ВО НГУ (г. Новосибирск).

15. Николаева Дарима Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии и народной художественной культуры ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

16. Сергеева Елена Борисовна, магистрант 1 курса направления подготовки «Социально-культурная деятельность» факультета Социально-культурной деятельности, наследия и туризма ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

17. Татарова Светлана Петровна, доктор социологических наук, доцент, декан факультета социально-культурной деятельности, наследия и туризма ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

18. Харитонов Роман Михайлович, студент 4 курса, направления подготовки «История», Гуманитарного института ФГБОУ ВО НГУ (г. Новосибирск).

19. Цибудеева Надежда Цыденовна, кандидат искусствоведения, доцент ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

20. Чулуун Сампилдонов, кандидат исторических наук (PhD), профессор, директор Института истории и археологии Академии наук Монголии (г. Улан-Батор).

21. Шагжина Зоя Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и наследия ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

1. Azheeva Yelena Yuryevna, candidate of sciences in Pedagogy, associate professor of the department of library information resources, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).
2. Arbatskaya Olga Alexandrovna, candidate of sciences in Pedagogy, associate professor, chief of the information communication technology department, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).
3. Baturin Sergey Alexandrovich, candidate of sciences in History, chief curator of the Museum, Buryat scientific centre of the Siberian branch of the RAS (Ulan-Ude city).
4. Bolkhosoev Stanislav Borisovich, candidate of sciences in History, associate professor of the department of ethnology and folk art culture, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).
5. Buraev Alexei Ignatyevich, candidate of sciences of History, researcher of the department of history and culture of Central Asia, Institute of Mongolian Studies, Buddology and Tibetology of the Siberian branch of the RAS (Ulan-Ude city).
6. Buraeva Svetlana Valeryevna, Doctor of History, associate professor, leading researcher of the Centre of Oriental manuscripts and xylographers, Institute of Mongolian Studies, Buddology and Tibetology of the Siberian branch of the RAS (Ulan-Ude city).
7. Butukhanova Inna Matveevna, curator of the weapon collection, National museum of the Republic of Buryatia (Ulan-Ude city).
8. Vorontsova Lubov Sergeevna, associate professor of the design department, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).
9. Dashieva Nadezhda Bazarzhapovna, Doctor of History, professor, chief of the scientific research laboratory of ethnography and folklore of the peoples of Eastern Siberia, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).
10. Zateeva Nadezhda Alexandrovna, candidate of sciences in Sociology, associate professor, chief of the department of social-cultural activity, chief of the scientific research laboratory of ethnography and folklore of the peoples of Eastern Siberia, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).
11. Kunitsyn Oleg Iosiphovich, candidate of sciences in Art History, Honored Worker of Arts of Russia (Ulan-Ude city).
12. Kurguzov Vladimir Lukich, Doctor of Cultural Studies, professor, FSBEI HE ESSUTM (Ulan-Ude city).
13. Lutfullaev Anvar Kudratovich, professor, chief of the department of performing on folk instruments, State conservatory of Uzbekistan (Tashkent city).
14. Mikheenko Valeriya Alexeyevna, 4-year student, Institute of Humanities, NSU, specialization «History» (Novosibirsk city).
15. Nikolaeva Darima Anatolyevna, Doctor of History, professor, chief of the department of ethnology and folk art culture, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).
16. Sergeeva Yelena Borisovna, first-year graduate student, specialization «Social-cultural activity», Faculty of social-cultural activity, heritage and tourism (FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city)).
17. Tatarova Svetlana Petrovna, Doctor of Sociology, associate professor, dean of the faculty of social-cultural activity, heritage and tourism, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).
18. Kharitonov Roman Mikhailovich, 4-year student, Institute of Humanities, NSU, specialization «History» (Novosibirsk city).
19. Tsybudeeva Nadezda Tsydenovna, candidate of sciences in Art History, associate professor, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).
20. Chuluun Sampildonodov, candidate of sciences in History, professor, director of the Institute of history and archaeology, the Academy of Sciences of Mongolia.
21. Shagzhina Zoya Alexandrovna, candidate of sciences in History, associate professor of the department of museology and heritage, FSBEI HE ESSIC (Ulan-Ude city).

Для заметок